

ОБЩЕСТВО

и ЭКОНОМИКА

НАУКА
— 1727 —

7—8

2024

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 7–8, 2024

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д.э.н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д.э.н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д.э.н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Юрий Князев.** К новой онтологии экономической науки 5
- Аркадий Мартынов.** Экономическая трансформация как составляющая трансформации общества: интегративное видение 21

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

- Ирина Соболева.** Сфера образования постсоветской России в зеркале потребностей населения и рынка труда 41
- Евгений Благолев.** Влияние социальных налоговых вычетов на неравенство в России 57
- Евгений Стырин.** Формирование цифровых компетенций населения на региональном уровне как социальная инновация: Псковская область 79

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

- Светлана Володина.** Перспективы улучшения использования основного капитала рыбохозяйственного комплекса (на примере Приморского края) 95

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

- Михаил Шатохин, Василий Дадалко, Сергей Сидоренко.** Цифровизация и управление мировыми инвестиционными процессами 106

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Леонид Вардомский.** Вопросы сопряжения инициативы Китая «Пояс и путь» и проекта Евразийского экономического союза ... 112
- Олег Комолов.** Воздействие западных санкций на роль и место России в отношениях с Казахстаном (политико-экономический аспект).. 127
- Виктор Самаруха, Алексей Самаруха, Валентина Доржиева.** Новые реалии экономического сотрудничества России и Монголии 137

CONTENTS

THEORETICAL ECONOMICS

Yu. Knyazev. Towards a new ontology of economics	5
A. Martynov. Economic transformation as a component of societal transformation: an integrative vision	21

SOCIAL ISSUES

I. Soboleva. The education sphere of post-soviet Russia in the mirror of the labor market requirements and the needs of the population	41
E. Blagolev. The impact of tax deduction on inequality in Russia	57
E. Styrin. On the formation of digital competencies of the population at the regional level as a social innovation: the case of the Pskov Oblast	79

ECONOMIC POLICY

S. Volodina. Prospects for improving the use of fixed capital in the fishery complex (the case of Primorsky Territory)	95
---	----

FINANCIAL POLICY

M. Shatokhin, V. Dadalko, S. Sidorenko. Digitalization and management of global investment processes	106
---	-----

WORLD ECONOMY

L. Vardomskiy. Ensuring coherence between China's "Belt and Road" initiative and Eurasian economic union project	112
O. Komolov. The impact of western sanctions on the role and place of Russia in relations with Kazakhstan (political and economic aspect)..	127
V. Samaruha, A. Samaruha, V. Dorzhieva. New realities of economic cooperation between Russia and Mongolia	137

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© 2024

УДК: 330.101

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: kyuk 151@rambler.ru)

К НОВОЙ ОНТОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье сделана попытка по-своему взглянуть на онтологию экономической науки с позиций двойственной природы человеческой личности, в которой сочетаются два начала – индивидуализм и коллективизм. Цель данного исследования состоит в выявлении подлинной природы человека, который не представляет собой одномерного индивидуалиста, а обладает также чертами коллективизма, означающего желание и умение жить в обществе. Автор выдвигает и стремится доказать следующую гипотезу: индивидуализм и коллективизм одновременно присущи человеческой личности и неизбежно проявляются в ее жизненных интересах, в том числе и экономических. Подчеркивается первостепенная важность понимания подлинной природы человеческой личности, являющейся главным экономическим субъектом и основной составляющей онтологии любой научной теории наряду с экономическими объектами, взаимоотношениями субъектов по поводу объектов и принципами организации хозяйственной деятельности. Методология исследования, основывающаяся на учете объективных и субъективных факторов экономической жизни, позволяет выявить генезис общественных интересов как продолжение коллективистского начала в самом человеке, а также охарактеризовать и типологизировать публичные блага в их сочетании с частными благами. На основании проделанного анализа показана односторонность методологического индивидуализма, учитывающего лишь эгоистическую природу человека и не принимающего во внимание его коллективистское начало. Индивидуализм и коллективизм (социальность) одновременно присутствуют в людях, но не в одинаковой пропорции в каждом конкретном человеке. Проявляются они в разных сферах жизнедеятельности по-разному: в рыночных отношениях преобладают индивидуализм и корыстный интерес, в государственной деятельности и социальных службах (в образовании, здравоохранении, науке, соцобеспечении) неизбежно господствуют коллективизм, законопослушность и добропорядочность. Подавляющая часть общества с помощью государства заставляет незаконопослушное меньшинство подчиняться правилам общежития, без соблюдения которых невозможна социальная жизнь. В результате исследования сделан главный вывод о необходимости замены методологического индивидуализма принципом методологического дуализма, постулирующего диалектическое сочетание индивидуалистических и коллективистских наклонностей людей.

Ключевые слова: онтология экономической науки, экономические субъекты и объекты, двойственная природа человека, индивидуализм и коллективизм, индивидуальные и общественные интересы, частные и публичные блага, методологический индивидуализм, методологический дуализм.

DOI: 10.31857/S0207367624070012, EDN: BASMXK

Введение. Классическая и неоклассическая экономические теории основаны на исходном методологическом принципе индивидуализма человеческой личности. Однако в наше время этот принцип все больше подвергается сомнению. В противовес ему чаще всего выдвигается принцип методологического коллективизма, являющийся его прямым антиподом. По словам Дж. Коммонса, «наука политическая экономия колеблется между экстремальным индивидуализмом и экстремальным коллективизмом...» [23. Р. 108]. У. Сэмюелс уточняет: “Методологический индивидуализм”

подразумевает такую точку зрения, что наиболее адекватные и эффективные знания в области общественных наук могут быть получены путем изучения отдельно взятых индивидов; под “методологическим коллективизмом” — такая точка зрения, согласно которой такие знания являются результатом изучения групповых процессов или явлений» [19. С. 681].

В обеих цитатах речь идет о двух противоположных подходах к методологии познания экономики. Б. Уорд считает их «разными типами мышления» [25. Р. 4]. Как можно понять, разницу между этими двумя методологическими принципами указанные авторы видят исключительно в субъективных подходах ученых.

На самом же деле плодотворная методология научного познания должна строиться с учетом объективных оснований, содержащихся в изучаемом объекте. Это значит, что она должна вытекать из онтологических основ самой экономики и соотноситься с ними, несмотря на неизбежные личные пристрастия исследователей. Кроме того, экономическая теория может отставать от меняющейся действительности: будучи даже вполне адекватной определенному этапу развития экономики, она перестает быть таковой в новых условиях, нуждающихся в иной научной интерпретации.

В настоящее время экономическая теория все сильнее испытывает потребность в новых исследовательских подходах, ибо в хозяйственной практике накапливаются новшества, нуждающиеся в научном осознании и объяснении. Начавшийся в 2007 г. мировой финансово-экономический кризис поставил под сомнение многие постулаты экономической науки, не сумевшей не только предотвратить, но даже предсказать наступление кризисной ситуации [6]. В обширном аналитическом материале «Финансовый кризис и провалы современной экономической науки» группа всемирно известных экономистов и математиков выражает неудовлетворенность состоянием исследовательской мысли: «Фактически в современной теоретической макроэкономике и финансовой литературе понятие “системный кризис” выступает неким потусторонним явлением, отсутствующим в экономических моделях. В большинстве из них намеренно не указывается, как именно относиться к этому повторяющемуся явлению, как справляться с ним. В час самой острой необходимости обществу предстоит блуждать впотьмах без какой бы то ни было теоретической основы. И это мы считаем системной неудачей современной экономической теории» [22. С. 11].

Однако и независимо от мирового кризиса современная глобализирующаяся и одновременно социализирующаяся экономика остро нуждается в новых теоретических подходах, способных адекватно объяснить современные реалии и послужить руководством к действию для многочисленных и разнородных экономических субъектов [7. С. 176].

Обращает на себя внимание следующий очевидный факт: нынешняя экономическая теория, в особенности ее так называемое главное направление («main-stream»), занимается в основном проблемами рынка в традиционном понимании, когда в центре исследования находятся только рыночные отношения, а получившая огромные масштабы государственная активность все еще относится к разряду «экстерналий» — этих досадных для чистой науки внешних воздействий, которыми следует просто пренебречь. В то же время в любом учебнике «economics»

вы обязательно найдете обширные разделы о макроэкономике, общественных институтах, деятельности государственных органов в хозяйственной и социальной сферах, так как без этого невозможно получить полной картины современной экономики как объекта научного исследования [16]. Однако весь этот материал, а также констатация наличия публичных благ и общественных интересов и все возрастающей роли государства, через бюджеты которого распределяется в развитых странах от трети до половины произведенного ВВП, как бы повисают в воздухе, ибо не находят вразумительного объяснения с позиций пресловутого методологического индивидуализма, все еще считающегося краеугольным камнем экономической теории. Этот основополагающий принцип касается не только методологии, но и исходных, онтологических основ экономической науки, к которым нам приходится обратиться ради проверки его научной достоверности.

Возникшая как целостная теоретическая конструкция, экономическая наука давно уже перестала быть гомогенной системой. Если в начальный период ее существования новые научные школы, вносящие существенные изменения в теорию, как бы продолжали общую нить исследования (неоклассика при всей ее оригинальности считалась, тем не менее, продолжением классической теории), то впоследствии появилось множество направлений развития теоретической мысли, претендующих на уникальность и самодостаточность. Когда речь идет об исследованиях новых явлений в экономической жизни или оригинальных подходах к прежним научным представлениям, то вполне приемлемы претензии авторов на создание собственных «локальных» теорий, ставших составными частями общей экономической науки [4, 5]. Однако не совсем оправданным представляется присвоение себе отдельными научными течениями «общеекономического статуса», когда появляется широкий набор «экономик» на любой вкус: постиндустриальная, сервисная, информационная, институциональная, эволюционная, сетевая, интеллектуальная и другие ее виды, подробное изложение которых можно найти в одноименных монографиях и учебниках.

Плодотворность того или иного онтологического подхода зависит прежде всего от правильного понимания человека как экономического субъекта. Предлагаемый в данной статье подход основывается на выявлении подлинной природы человеческой личности и предполагает доказательство следующей главной гипотезы: индивидуализм и коллективизм одновременно присущи человеческой личности и неизбежно проявляются в ее жизненных интересах, в том числе и экономических.

Если удастся доказать правильность этой гипотезы, то она поставит под сомнение сам принцип всеобъемлющего и безраздельного индивидуализма, который с этих позиций представляется методологически ошибочным. Порочность методологического индивидуализма состоит в том, что во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая, сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается ее вторая сторона — присущий человеку коллективизм, то есть *желание и умение жить в социуме* [8].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении подлинной природы человека, а также генезиса общественных интересов и публичных благ исходя из признания того, что человеческая личность представляет собой не одномерного

индивидуалиста, а в ней сосуществуют и борются два начала — индивидуализм и коллективизм.

Для достижения этой цели будет показано, почему и как утверждается коллективизм в человеческой личности, каким образом возникают и укрепляются вытекающие из коллективистского (социального) начала индивидов общественные интересы и публичные блага как выражение этих интересов.

Адекватное понимание онтологии экономической науки. Каждая наука имеет свою онтологию — изначальные представления об объекте своего изучения, отличающие ее от других научных дисциплин. Естественные науки занимаются исследованием неживой природы, а также населяющего планету растительного и животного мира. Там стихийные законы природы действуют сами по себе, то есть объективно, без участия людей, действия которых, напротив, являются осознанными, волевыми и самостоятельными, то есть субъективными (человек выступает субъектом по отношению к другим материальным объектам). Последнее определяет иной характер объективных законов, действующих в человеческом обществе.

В своей жизни человек поступает самостоятельно, по велению собственного разума и по своей воле. Однако в действиях всей массы людей проявляются некоторые общие тенденции, которые становятся очевидными постфактум, то есть как конечный результат совокупной человеческой деятельности. Эти тенденции являются отражением объективных (не зависящих от поведения отдельных субъектов) законов, регулирующих развитие всего общества, как бы приводя к общему знаменателю хаотичные действия индивидов. Так действуют, например, законы ценообразования на свободном рынке.

Следует солидаризироваться с О.И. Ананьиным, различающим онтологию от собственно теории: «Теоретическое исследование призвано открывать новые факты и закономерности, онтологический анализ — выявлять скрытые предпосылки, лежащие в основании соответствующих теорий...» [2. С. 6–7].

Теоретическую и объективную реальности предлагает различать и И.А. Болдырев: «Теоретическая реальность, структура которой изучается в ЭО (экономической онтологии. — Ю.К.), не тождественна теории, а представляет собой ту реальность, на фоне которой и исходя из которой разворачивается теоретическая аргументация (то есть само содержание теории)» [3. С. 48].

Научную теорию можно рассматривать только как приближение к некоей абсолютной истине. Теория, следовательно, является не точным слепком с объективной реальности, а всего лишь представлением о ней данного автора, то есть субъективным знанием о реальных объектах и процессах. Субъективность теории выражается, во-первых, в том, что она несет на себе печать индивидуального подхода автора, а во-вторых, в том, что она отражает объективную реальность не в полном объеме.

Очевидно, что онтология любой науки не может не отражать особенности объекта ее исследования. В отличие от естественных наук, имеющих дело с окружающей человека природой, общественные науки, как следует из самого их названия, занимаются человеческим обществом, состоящим из разумных существ (*homo sapiens*).

Объектом экономической науки служит хозяйственная сфера жизни общества, предназначенная для самообеспечения людей средствами существования

(пищей, одеждой и обувью, жилищем, средствами передвижения, услугами быта, досуговыми и культурными благами). Поскольку этим экзистенциальным делом вынуждены заниматься сами люди, то именно они являются субъектами экономической деятельности. Объектами их деятельности служат материальные и духовные ценности, которыми они оперируют по отдельности или сообща в процессе удовлетворения своих потребностей. Для этого они вступают во взаимоотношения друг с другом по поводу производства, обмена и распределения этих ценностей и руководствуются при этом общепринятыми принципами и правилами.

Эти очевидные истины создают изначальное представление любого исследователя об экономике и лежат в основе онтологии экономической науки. Научная онтология дает исходную характеристику **1) экономическим субъектам** (агентам, акторам, осуществляющим хозяйственную деятельность или в ней участвующим в разных ипостасях – предпринимателям и наемным работникам, коммерсантам и покупателям-потребителям, инвесторам и реципиентам социальной помощи); **2) объектам их экономической деятельности** (продуктам и прочим потребительским благам, земле и недвижимости, денежным накоплениям и инвестициям, банковским и страховым продуктам, всевозможным услугам); **3) отношениям между субъектами по поводу объектов** (производственным и рыночным связям, отношениям собственности, финансовым транзакциям) и **4) общим принципам хозяйствования**, которыми руководствуются субъекты и которые заложены в институциональных и иных условиях осуществления их деятельности.

В разных человеческих цивилизациях, на разных этапах их развития, включая известные нам общественно-экономические формации европейской цивилизации, вышеперечисленные четыре главные составляющие онтологии содержательно различаются, формируя собственную экономическую среду, требующую для своего изучения особую теоретическую парадигму. Такая парадигма складывалась и в процессе исследования нынешнего капиталистического общества, на разных этапах его развития отражая с разной степенью достоверности реально протекавшие процессы.

Представления авторов отдельных теорий об этих четырех составляющих онтологии экономической науки могут быть разными, но сами теории имеют тем большую научную ценность, чем полнее и точнее они отражают реальную действительность. Каждая экономическая теория имеет собственную онтологию, отражающую исходные представления ее авторов как о предмете исследования в целом, так и о сущностной характеристике экономических субъектов, объектов, отношений между субъектами по поводу объектов и принципов ведения хозяйства, которых придерживаются субъекты. Эта изначальная аксиоматика во многом определяет подходы к исследованию (его методологию) и его конечные результаты, которые могут соответствовать реальной действительности с разной степенью точности.

Центральным элементом онтологии из вышеперечисленных четырех ее составляющих является человек как действующий экономический субъект. Именно он оказывает воздействие на объекты, участвует в выработке взаимоотношений по поводу объектов и в формулировании принципов своей жизнедеятельности. Поэтому правильное понимание сущности человека является определяющим для экономической и любой другой социальной науки.

Главной чертой, отличающей человека от животного, служит его разумность, которую следует отличать от понятия рациональности в ее наиболее распространенном понимании. Ведь свой разум человек может использовать не только себе во благо, но и во вред, не говоря уже о его вполне разумных действиях в отношении других людей – действий, которые также могут быть либо доброжелательными, либо враждебными, продиктованными эгоизмом.

Пора развенчать стойкое понимание человека разумного (*homo sapiens*) как однозначно позитивного существа, поскольку он руководствуется разумом. Ведь разумное (сознательное) поведение вовсе не означает, что оно всегда идет на пользу самому человеку и тем более другим людям, то есть преследует всеобщее благо. Недаром, сталкиваясь с неблагоприятными, и даже разрушительными, поступками, часто говорят о совершающем их человеке, что он вовсе «не сапиенс». На самом же деле подобные люди эффективно используют свой разум исключительно в эгоистических, и даже преступных, целях, то есть поступают разумно с точки зрения превратно понимаемых собственных интересов. Следовательно, человеку недостаточно быть разумным, чтобы не представлять опасности для других людей и общества в целом. Важно быть добропорядочным членом общества, гуманным и социально ответственным субъектом.

На эту проблему также обращает внимание политолог и экономист Г. Саймон. Считая поведение людей в принципе разумным, способным логически связывать ставящиеся цели и средства их достижения, ученый отмечает, что цели и ценности у разных людей разные, и поэтому одинаково разумное поведение может диаметрально различаться – быть либо эгоистичным, либо альтруистским. Поэтому для определения фокуса (направленности) социального действия людей важно иметь максимально полную информацию об их умах, убеждениях и желаниях (24. Р. 60).

Применяемый в экономической науке термин «рациональность» отличается от обычной разумности тем, что он имплицитно относится только к порядочным людям, не наносящим сознательного ущерба ни себе, ни другим. Имеется в виду рациональность в достижении меркантильных целей, преследующих материальную выгоду. Именно на этом строятся все поведенческие теории, включая теорию общественного выбора, и все математические модели. Однако мотивы действий людей определяются не только сугубо материальными интересами и стремлением к получению выгоды, но и исповедуемыми ими ценностями, будь то религиозные верования и догматы или этические нормы и просто эмоции. Поэтому понятие «рациональности» в отличие от просто разумности должно включать моральный и чувственный аспекты, что означает самоограничение человека этическими соображениями порядочности и сострадания по отношению к другим людям. Требование не делать другому того, чего не желаешь получить от него в свой адрес, имплицитно присутствует в понятии *homo economicus* как в классической теории Адама Смита, так и в протестантской этике Макса Вебера [17]. Вся теория рыночной экономики исходит, по умолчанию, из того, что продавцы и покупатели на рынке относятся друг к другу честно, обязуясь не обвешивать, не обсчитывать, не укрывать товары, соблюдать равноценность обмена. Без этого просто невозможна цивилизованная торговля.

Односторонность методологического индивидуализма, не позволяющая исследовать социальную тематику. С самого начала своего возникновения экономическая наука исходила из методологического постулирования индивидуализма как сущностной характеристики человеческой личности, определяющей ее поведение прежде всего в сфере экономики. Хотя сама экономика претерпела очевидную трансформацию в процессе исторического развития в направлении усиления регулирующей роли государства, в теории остаются незыблемыми прежние исходные постулаты о рациональном индивидууме как экономическом субъекте, действующем только на свободном рынке и испытывающем на себе определяющее воздействие рыночных отношений.

Такое понимание соответствовало эпохе становления и утверждения рынка свободной конкуренции, когда торжествовал рациональный эгоизм товаропроизводителей и потребителей, не приводивший к серьезным сбоям в общем экономическом развитии. Однако по мере появления и усиления недостатков («провалов») свободного рынка, для устранения и предупреждения которых потребовалось вмешательство государства, стала выявляться односторонность методологического индивидуализма [13]. Этот принцип начал терять свою первоначальную универсальность, так как с его позиций нельзя было правильно понимать усложнившуюся реальность.

Наряду с индивидуальными интересами все большее значение стали приобретать интересы всего общества, существование которых экономическая наука была уже не в состоянии игнорировать. Спор шел лишь о том, что собой представляют эти общественные интересы, откуда они возникают и как соотносятся с исходными индивидуальными устремлениями и предпочтениями [12].

В самом деле, если продолжать исходить из понимания экономического человека как эгоистического индивидуалиста, то нельзя объяснить, откуда берутся общественные интересы и публичные блага и защищающая их государственная надстройка. Неуклонно утверждающаяся социальная реальность явно противоречит сущности человека-индивидуалиста и нуждается в ином его истолковании на научной основе, если не считать ее продуктом Божьего промысла или порождением космических сил [9].

Изначальным пороком методологического индивидуализма было неверное онтологическое понимание человека, а именно признание лишь одной – индивидуально-эгоистичной его сущности при игнорировании другого человеческого начала (как «общественного животного»), которое приобретает от неизбежного пребывания в обществе себе подобных, в коллективе сознательных личностей. Если бы человек не обладал коллективистским началом, не имел желаний и умения жить в социуме, человеческое общество не могло бы существовать. Следовательно, коллективизм (социальность) – это неотъемлемое составляющее человеческой природы, одно из двух его начал наряду с индивидуализмом.

Индивидуализм востребован в большей мере в рыночной среде, где определяющими являются корыстные интересы. Именно поэтому принцип методологического индивидуализма адекватен рынку и позволяет раскрывать его закономерности. Однако для исследования нерыночных сфер он не подходит, так как там господствуют общественные интересы, выражающие коллективистские

потребности людей. Коллективизм воспитывается и царит в семейных отношениях, несвободных, конечно, и от неизбежного влияния рынка, но построенных на ведении натурального (безобменного) хозяйства. Он присущ государственной и другим общественным сферам, где целью деятельности является не обязательное извлечение прибыли, а удовлетворение совместных потребностей людей, которого не в состоянии обеспечить рынок в силу ограниченности своих критериев эффективности получением сиюминутной и только индивидуальной выгоды [9].

Однако недостаточно, на наш взгляд, лишь констатировать наличие общественных интересов без объяснения причин их возникновения и характера взаимодействия с интересами индивидуумов. Иначе общественные интересы предстают как чужеродное тело в мире индивидуального эгоизма, как нечто случайное и необязательное, в лучшем случае как исключение из господствующих правил. Если же считать их порождением самого общества, то и в этом случае непонятно, что побуждает его защищать именно общие блага вместо охраны только индивидуальных ценностей.

Неизбежность утверждения коллективизма в человеческой личности. Человек может жить и развиваться только в обществе себе подобных. Вне этого общества он утрачивает человеческие черты. Вне общества люди не могут сохранять свою человеческую сущность и, как показывают реальные жизненные примеры, быстро деградируют и начинают вести себя как животные, среди которых они волею судеб оказываются, даже начинают передвигаться на четвереньках. Постоянное пребывание в обществе себе подобных вырабатывает у людей особые качества, необходимые для совместного существования, при сохранении особенностей их биологической природы.

Ради выживания человека как индивида и как биологического рода в его природные инстинкты заложен индивидуализм — превалирование личных интересов над интересами других людей. Индивидуализм обеспечивает выживание человека, как и любого животного, среди себе подобных, с которыми он вынужден конкурировать, а иногда даже бороться за жизнь.

В человеческом обществе врожденный индивидуализм неизбежно дополняется коллективизмом. Он начинает формироваться уже в семье под влиянием позитивного примера родителей и других родственников. Ребенок учится не быть эгоистом, делится своими игрушками и сладостями, осознает неприкосновенность чужого имущества и необходимость заботиться об общем благе.

Взрослые люди, вынужденные жить в более широком, чем семья, социуме, быстро начинают осознавать потребность в защите от враждебных действий более сильных, богатых и влиятельных соплеменников. При родовом строе они доверяли заботу о своем благополучии главе рода, а в дальнейшем — избираемым блюстителям порядка. В людях постепенно крепло убеждение, что необходимо усмирять собственное своеволие и добиваться того же самого от других. Иначе наладить нормальную совместную жизнь невозможно. Так при всеобщем согласии возникает общественная система безопасности, исторически связанная с появлением государства и его ролью арбитра. При отсутствии элементов коллективизма в отдельной личности сделать это было бы невозможно.

Поскольку всем людям суждено жить вместе не только в семье, но и в более крупных социумах, то их выживание и совершенствование возможно только при условии ограждения более слабых физически и менее удачливых в жизни от посягательства сильных и напористых. Поэтому в обществе вырабатываются правила лояльного поведения, за соблюдением которых всеми его членами следят общественные структуры от семьи до государства. Это происходит, потому что сами люди хотят жить именно так, чтобы выжить и реализоваться как личности.

Как и индивидуализм, присущий разным людям не в одинаковой мере (от безудержного эгоизма до простой склонности к одиночеству), коллективизм тоже «распределен» между ними по-разному (от его зачаточного состояния до альтруизма и повышенной социальной ответственности). В каждом конкретном человеке эти два начала сочетаются в разной пропорции, но они обязательно имеются у любого индивида. И проявляется каждый из них неодинаково в разных сферах жизнедеятельности.

Касаясь экономических аспектов данной темы, необходимо аксиоматично констатировать, что всем разумным людям свойственно стремление к получению большего эффекта с меньшими затратами. Однако это стремление может приводить к разным последствиям в зависимости от настроения конкретного человека вплоть до желания обладать чем-либо без всяких вообще затрат (например, путем обмана, воровства, грабежа, и даже убийства). С другой стороны, человеческое благоразумие заставляет большинство людей вести себя лояльно по отношению друг к другу.

Конечно, это не отменяет главного — все субъекты рынка руководствуются своими собственными интересами и ни в коей мере не проявляют альтруизма. На рынке, следовательно, господствует индивидуализм, хотя и скорректированный необходимостью заниматься общим делом. Но жизнь, в том числе и экономическая, не сводится только к рыночным отношениям. Она существовала до появления рынка и продолжится после его исчезновения. В современном же обществе все большую роль играет социальная сфера, функционирующая преимущественно на коллективистских началах.

Признание двойственной природы человеческой личности, наличия у нее помимо индивидуализма также коллективистского начала требует изменения самой парадигмы общественно-экономических научных исследований. Понимание этого начинает проникать пока что в умы отдельных ученых, среди которых можно назвать Амоса Витцтума, опубликовавшего в 2019 г. книгу «Предательство либеральной экономической теории».

Ссылаясь на достижения эволюционной биологии, антропологии и сравнительной нейропсихологии, в частности на гипотезу о «социальном мозге», Витцтум выдвигает тезис о внутренне присущей человеку социальности. На его основе он описывает модель поведения человека, отличающуюся от общепринятой в теориях, основанных на превалировании воздействия на человека только рыночных сигналов и соответствующей рациональности его экономического поведения. Эта модель подрывает безусловную веру в рыночную конкуренцию как наиболее эффективный механизм распределения ресурсов и подчеркивает необходимость социальных ориентиров, о которых говорили в своих трудах А. Смит и Дж. Милль [20].

Для данного раздела нашего исследования интерес представляет аргументация Витцтумом наличия у человека социального начала, которое, по мнению автора, присуще ему как биологическому существу, но в полной мере утверждается в процессе общественной жизни. Витцтум говорит о естественном переходе от врожденного эгоизма к инстинктивной социальности, развивающейся затем в осознанную приверженность обществу: «Социальность — результат не эгоистической или корыстной мотивации, а скорее более глубокого чувства общности. На ранних стадиях социальные действия были основаны на инстинктивном чувстве (кровного) родства. Потом сознание родства приобретает более когнитивный характер, и, следовательно, действие в интересах более абстрактного понятия родства предполагает, возможно, и более широкое сообщество, которое могло бы быть объектом подобных действий, и некоторые правила поведения, не связанные напрямую с интересами субъектов и не являющиеся врожденными... но тем не менее внутренние и не функциональные в простом смысле этого слова» [26. Р. 361].

Задаваясь вопросом, как влияет внутренне присущая человеку социальность (intrinsic sociality) на его поведение в обществе и само общество, Витцтум полагает, что рациональность человеческого действия может не сводиться к единственному мотиву личной выгоды, а преследовать также общие интересы социума. По его мнению, современная теория отошла от видения классических экономистов, ставивших в центр своих исследований тоже индивида, но действующего в социальной системе координат, где этика может влиять на индивидуальные мотивы поведения. Именно этот отход Витцтум считает предательством либеральной экономической теории по отношению к классике.

Индивидуальные и общественные интересы. Два начала человеческой личности — индивидуализм и коллективизм — порождают у нее как индивидуальные, так и общественные интересы. Они генерируются самой природой человека как «общественного животного», осознаются отдельными личностями по-разному и сосуществуют в разной пропорции в зависимости от присущих им склонностей.

Индивидуальный интерес — это стремление каждого человека к получению только для себя максимума пользы и к недопущению грозящего ему вреда. Полезно для нормального человека все то, что содействует его продолжительной и высококачественной жизни, а вредно то, что этому мешает.

Индивидуальный *экономический* интерес состоит в обеспечении человеком необходимых условий для его жизни с помощью собственного труда и имеющихся у него ресурсов. Частные интересы индивидов реализуются в процессе их свободных взаимоотношений на конкурентной основе. В экономической сфере это происходит посредством рынка, где осуществляется эквивалентный обмен индивидуальными благами (стоимостями). Конкуренция присутствует и при стремлении людей получить более благоприятный социальный статус.

Общественный интерес любого человека состоит в стремлении извлекать пользу от пребывания в том или ином социуме и одновременно получать защиту от нанесения вреда со стороны этого социума или отдельных его членов.

Коллективистское начало в человеке — не абстрактное понятие. Оно проявляется у каждой личности в разных конкретных формах. Общественные интересы личности проявляются уже на уровне врожденных инстинктов (создание семьи,

объединение в группы для защиты от внешней опасности). Однако в полной мере они выражаются в приобретенных моральных устоях (уважение прав других членов социума, ограничение ради них собственных необузданных желаний) и в готовности соблюдать законы и другие общественные нормы. Опосредованно они проявляются при участии человека в деятельности разных общественных структур, призванных защищать не только индивидуальные, но и коллективные интересы групп, социальных слоев, классов и народа в целом. Люди проявляют свои коллективистские качества, следуя нормам общественной морали, требуя выполнения законов, соблюдая чистоту и порядок на улицах, борясь за справедливость, словом, защищая общественные интересы.

Индивидуальные и общественные интересы уживаются в каждом отдельном человеке, они противоборствуют и определенным образом сочетаются, причем временами они могут даже полностью подавлять друг друга. Однако они, тем не менее, реально существуют в диалектическом единстве и выражаются в конкретных поступках и общем поведении любого индивида. Само существование, помимо законченных эгоистов, еще и альтруистов свидетельствует о наличии у последних ярко выраженных социальных интересов, которые часто преобладают и определяют личностный тип. Этот интерес заставляет таких людей задумываться об общем благе, об улучшении жизни других людей и всего социума, совершать неэгоистичные поступки, и даже посвящать всю свою жизнь служению общему делу [7].

При организации жизни в любом социуме складываются правила общежития, которые не навязываются извне, а являются выражением коллективистского начала в людях. Они сами так хотят жить, хотя некоторых из них, в ком преобладает эгоизм, приходится всем миром принуждать к соблюдению установленных правил. Стремление к общему благу в разной мере есть у каждого индивида. Поэтому у людей, оказавшихся в коллективе, начинает просыпаться или укрепляться их коллективистское начало, хотя до этого оно могло не проявляться. Если бы люди сами не организовывали совместную жизнь, то она в принципе была бы невозможной. А если она реально существует, то это значит, что дух коллективизма присутствует у большинства индивидов, заражающих им других или, по крайней мере, заставляющих их ограничивать свой эгоизм. В своем большинстве люди легко преодолевают в себе эгоизм и не страдают от того, что им приходится смирять свою необузданность. Правда, не исключается и другой вариант, когда может возобладать всеобщий эгоизм, и тогда социум распадается или деградирует.

Частные и общественные блага как экономические объекты. Понять механизм взаимодействия частных и общественных интересов можно только в их единстве, а не в противопоставлении их как взаимоисключающих категорий. Тогда более четкими становятся и представления о частных и общественных благах, которые предназначены для реализации двух разных типов интересов личности.

Частные блага создаются индивидуальными и корпоративными производителями для удовлетворения потребностей индивидов или их добровольных объединений. На свободном рынке, где обращаются такие блага в виде товаров и услуг, господствуют преимущественно индивидуальные интересы, эгоизм и корысть. Там все виды труда приводятся к общему знаменателю, каковым

служит общественно необходимый труд, и выравняется платежеспособный спрос на товары с их реальным предложением при помощи соответствующего изменения цен. На рынке нет места для алтруизма, каждый его участник следит, чтобы обмен был эквивалентным или же совершался только в свою пользу.

Общественные блага предназначены для удовлетворения общих потребностей людей. Эти блага неоднородны, отдельные их виды получили разные наименования: публичные, мериторные, опекаемые в зависимости от способов их создания и использования [14, 15].

В зависимости от способа возмещения затрат на их производство публичные блага подразделяются на платные и бесплатные. В процессе их использования складываются принципиально разные материальные взаимоотношения между государством и гражданами.

Общественные блага, предназначенные для всеобщего и в основном бесплатного потребления, производятся и используются иначе, чем частные и те публичные блага, затраты на которые частично или полностью возмещаются пользователями. Рыночные закономерности здесь действуют в определенных пределах, например, требуя соответствия издержек производства потребительным свойствам конкретных благ, что важно для экономии бюджетных средств. Аллокация же инвестиций по объектам и сферам осуществляется волевым решением властей в зависимости от их понимания общественной потребности в тех или иных публичных благах.

По способу потребления гражданами общественные блага подразделяются на два принципиально разных типа: материальные и нематериальные. Материальные (физически осязаемые) блага представляют собой конкретные объекты, создаваемые государством или обществом и используемые всеми желающими в индивидуальном порядке преимущественно бесплатно (парки, библиотеки, школы, больницы, поликлиники, бесплатные шоссе) или же за полную и льготную плату (объекты энергетической, транспортной и иной инфраструктуры). В первом случае одни индивиды могут пользоваться бесплатным благом многократно, а другие вообще отказываются от него за ненадобностью, не получая за это никакой компенсации. Во втором случае граждане пользуются благами сугубо индивидуально и оплачивают только потребленную их часть. Государство берет на себя труд создавать эти блага в тех случаях, когда частники этого не могут или не хотят делать. Здесь господствуют чисто рыночные отношения, когда индивид платит за услугу сполна, хотя государство может в социальных целях предоставлять субсидии малоимущим или льготы малому бизнесу, экспортным и социально значимым производствам.

Нематериальные общественные блага представляют собой не обычные товары и услуги, а создаваемые государством условия, обеспечивающие всеобщие интересы граждан. К ним относятся условия безопасной и упорядоченной жизни граждан, создаваемые государством независимо от их личных желаний и готовности платить за это налоги. Их можно подразделить на три группы: 1) обороноспособность страны (защита ее от внешних врагов); 2) внутренняя безопасность граждан и защита их конституционных прав; 3) управляемость страной в целом и разными сферами жизнедеятельности общества.

Нематериальные блага в отличие от материальных предоставляются сразу всем гражданам во всей их совокупности и используются в комплексе без индивидуализации их потребления. Для обеспечения таких благ создаются специальные материальные объекты (армия со всем ее оснащением, оборонно-промышленный комплекс, органы правопорядка, суды, тюрьмы, учреждения государственной власти, организации социальной и культурной сфер). Эти объекты служат общей материальной базой, необходимой для предоставления соответствующих нематериальных благ.

Ограниченные размеры статьи не позволяют, к сожалению, остановиться на взаимоотношениях людей и принципах их деятельности как важнейших составляющих онтологии экономической науки. Тем не менее хотелось бы обратить внимание на то, что вопросам взаимодействия людей уделяется все большее внимание, но главным образом как проблеме координации их деятельности, в том числе и в экономической сфере. При этом акцентируется не сущностное содержание этой деятельности по поводу экономических объектов (прав собственности и других производственных отношений), а сами процессы межличностной координации и их типология.

С.И. Паринов говорит о трех базовых формах координации – договорной (прямой, непосредственной), косвенной (опосредованной коммуникации, стигметрии с использованием имеющихся внешних знаков, меток) и следовании общепринятым правилам [10]. В повседневной практике эти формы сочетаются в разных пропорциях. В применении к экономике он выделяет рыночную, иерархическую (делегированную) и сетевую (договорную, доверительную) координацию. Распространение Париновым договорных отношений на отдельные фазы и сферы общественного воспроизводства приводит к тому, что, например, денежно-финансовая система объявляется всего лишь средством взаимобмена правами на ресурсы поддержания жизни (то есть деньгами и ценными бумагами) при игнорировании капиталистической сути кредитно-денежных отношений, состоящей в кругообороте капитала с целью максимизации прибыли, включая спекулятивные и иные негативные аспекты современной финансиализации мировой экономики. Улучшение финансовой координации может способствовать максимизации экономической выгоды, но не является главным ее источником при капитализме.

В.М. Полтерович [11] считает, что в рыночной сфере координирующую роль выполняет конкуренция, которая представляет собой соперничество агентов в их борьбе за получение приоритетной позиции, тогда как в других сферах (и даже в рыночной) все большую роль играет коллаборация субъектов хозяйственной и иной деятельности. Для нашего исследования важно, что помимо рыночной, на базе которой строится большинство экономических теорий, указанными авторами упоминаются альтернативные формы взаимодействия, а именно договорная и иерархическая, преимущественно используемые в социальной сфере и в деятельности государственной власти, координирующей производство, распределение, обмен и потребление общественных и частично индивидуальных благ. Как отмечает Е.В. Устюжанин [21], при использовании общественных благ определяющую роль играет нормативная координация, включающая

стандартизацию, устанавливаемую государством. В данном случае речь идет об осознанной, субъективной деятельности людей, которая осуществляется не только как бессознательное следование объективным рыночным законам, но и на основе сознательного учета их требований, открытых наукой или выявленных на практике, причем иногда вопреки краткосрочным критериям эффективности в расчете на больший эффект в будущем.

Отмечая максимизирующий характер экономической деятельности, выражающейся в стремлении агентов получать максимальную выгоду от исполняемой работы, и учитывая неизбежность взаимодействия производителей с поставщиками сырья и сбытовыми организациями, а также со сферой распределения и потребления, А. Алчиан и Г. Демсец [1] сделали упор на договорные отношения между всеми участниками воспроизводственного процесса. При этом авторы абстрагировались от реальности капиталистической системы, при которой отношения в процессе производства строятся не на договоре равноценных субъектов, а на грубо иерархической форме взаимодействия, когда наемные работники вынуждены подчиняться навязанным работодателем условиям и его неограниченной воле.

Заключение. В ходе проделанного нами исследования были приведены аргументы, подтверждающие гипотезу о том, что в реальной действительности проявляется двойственная природа человека, и опровергается одностороннее представление о нем как об исключительно эгоистичной личности. Осознание этого факта требует новой экономической аксиоматики, которая исходит из подлинной природы человека, являющегося не просто рациональным индивидуалистом, но еще и не переменным членом разных коллективов и человеческого общества в целом.

Индивидуализм и коллективизм свойственны человеку во всех проявлениях его жизнедеятельности. Однако в разных сферах может преобладать одно из этих двух сущностных свойств. В рыночных отношениях на передний план выходит индивидуалистическая сущность человека как производителя, торговца, покупателя и потребителя. При организации же общественной жизни во всех ее проявлениях первичным становится коллективизм. Общественные интересы заставляют государство вмешиваться в изначально стихийные рыночные отношения с целью защиты от негативных последствий монополизма и других неурядиц на рынке вплоть до периодических кризисов.

Поскольку предлагаемый подход допускает два антагонистических постулата в экономических исследованиях, то логично назвать его *методологическим дуализмом*, означающим признание диалектического сочетания индивидуализма и коллективизма (социальности) в человеческой личности. Методологический дуализм применим и для экономических, и для других общественных наук, изучающих человеческие отношения в разных сферах жизни социума. Везде проявляется двойственная природа человека, без учета которой нельзя до конца понять ни мотиваций отдельной личности в разных обстоятельствах, ни природу и особенности любых общественных институтов.

Предлагаемая аксиоматика человеческой сущности отвергает как безудержный индивидуализм, к которому нельзя свести все богатство поведения человека

в повседневной жизни, так и всепоглощающий, в особенности насильственный, коллективизм, подчиняющий себе свободную личность. Реально имеет место сочетание этих двух начал на всех уровнях (в каждом человеке, в любом социуме, в государстве и обществе в целом), и задача науки состоит в исследовании разных вариантов такого сочетания в тех или иных конкретных условиях.

Литература

1. *Алчиан А., Демсец Г.* Производство, информационные издержки и экономическая организация // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. 2004. Вып. 5. С. 166–207.
2. *Ананьин О.И.* Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: ИЭ РАН. 2013.
3. *Болдырев И.А.* Онтология экономической науки // Философские проблемы экономической науки. М.: ИЭ РАН. 2009.
4. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М: ИЭПресс. 2000.
5. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономика как синергетическая система. М.: ИЭ РАН. 2009.
6. *Князев Ю.* Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму // Мир перемен. 2011. № 2.
7. *Князев Ю.К.* Современная экономика – синтез рынка и социального регулирования. М.: Инфра–М. 2014. 176 с.
8. *Князев Ю.* Воздействие глобального кризиса на экономическую теорию и практику // Общество и экономика. 2011. № 2.
9. *Князев Ю.* Индивидуализм и коллективизм – противоречивые начала человеческой личности и общества // Экономист. 2008. № 6.
10. *Паринов С.И.* Микроуровень процессов экономической координации // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 127–144.
11. *Полтерович В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–26.
12. *Попов А.* «Методологический индивидуализм» и холизм в контексте плановых и рыночных методов хозяйствования // Экономист. 2015. № 12.
13. *Радьгин А., Энтов Р.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12.
14. *Рубинштейн А.Я.* Опекаемые блага: институциональные трансформации // Вопросы экономики. 2011. № 3.
15. *Рубинштейн А.Я.* Теория опекаемых благ. Учебник. СПб.: Алетейя. 2018.
16. *Самуэльсон П.* Экономика. М.: НПО «Алгон» ВНИИСИ. 1992. Т. 1. 334 с.
17. *Сен А.* Адам Смит и современность // Вопросы экономики. 2011. № 11.
18. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика. 1997.
19. Современная экономическая мысль. М., 1981.
20. *Сущенко М.С.* Социальная экономика: что отказываются признавать экономисты? О книге М. Витцтума «Предательство либеральной экономической теории» // Вопросы экономики. 2022. № 3.
21. *Устюжанин Е.В.* Вопросы построения теории координации хозяйственного взаимодействия // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14. № 1. С. 25–35.
22. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6.
23. *Commons J.R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. V. I. USA. 1961.
24. *Simon H.A.* Rationality in Political Behavior // Political Psychology. 1995. Vol. 16. No 1.
25. The Conservative Economic World View. N.Y. 1979.
26. *Witztum A.* The betrayal of liberal economics. Chan: Palgrave Macmillan. 2019.

Yuriy Knyazev (e-mail: kyuk151@rambler.ru)
Grand Ph.D. in Economics, Professor, Head Researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

TOWARDS A NEW ONTOLOGY OF ECONOMICS

The article attempts to look at the ontology of economic science from the standpoint of the dual nature of the human personality, which combines two principles – individualism and collectivism. The purpose of this study is to identify the true nature of man, who is not a one-dimensional individualist, but also has features of collectivism, i.e. the desire and ability to live in society. The author puts forward and seeks to prove the following hypothesis: individualism and collectivism are simultaneously inherent in the human personality and inevitably manifest themselves in its vital interests, including economic ones. The research methodology, based on taking into account the objective and subjective factors of economic life, allows us to identify the genesis of public interests as a continuation of the collectivist principle in man himself, as well as to characterize and typologize public goods in their combination with private goods. Based on the analysis, the one-sidedness of methodological individualism is shown, which takes into account only the egoistic nature of man and not his collectivist principle. The overwhelming majority of society, with the help of the state, forces the disobedient minority to obey the rules of community life, without which social life is impossible. As a result of the study, the main conclusion is made about the need to replace methodological individualism with the principle of methodological dualism, postulating a dialectical combination of individualistic and collectivist inclinations of people.

Keywords: ontology of economic science, economic subjects and objects, dual nature of man, individualism and collectivism, individual and public interests, private and public goods, methodological individualism, methodological dualism.

DOI: 10.31857/S0207367624070012, **EDN:** BASMXK

© 2024

УДК: 330.1

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: socpolma1@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ИНТЕГРАТИВНОЕ ВИДЕНИЕ

Статья посвящена проблеме оценки влияния экономической трансформации на развитие общества как социальной системы. Особое внимание сфокусировано на признанных драйверах экономических перемен в настоящем десятилетии – всеобъемлющей цифровизации и постепенном утверждении «зеленой», без углеродной экономики. Обосновывается трактовка устойчивой обще социальной трансформации как универсального системного процесса. Согласно приведенной аргументации, правомерна оценка результатов трансформации национальной экономики исходя из индикаторов степени ее приближения к устойчивой траектории. В заключительной части статьи раскрывается роль экономической трансформации как проводника будущего обще социального прогресса, который становится достижимым при условии выполнения оптимистичного консолидированного сценария мирового развития.

Ключевые слова: экономическая трансформация, обще социальный прогресс, цифровизация, «зеленая» экономика, устойчивое развитие.

DOI: 10.31857/S0207367624070023, EDN: BASHZG

По-прежнему дискуссионной и очень актуальной остается проблема оценки результирующего эффекта экономической трансформации относительно трансформации всего общества, особенно применительно к конкретным странам западного и незападного миров, притом внутренне дивергентных. Попытаемся хотя бы в самом первом приближении представить адекватный подход к разрешению этой проблемы, принимая во внимание новые реалии, складывающиеся в третьем десятилетии нынешнего века.

1. Разграничение экономической трансформации в рамках трансформации социальной системы

Начнем с общеизвестной констатации. Давно доказана временем несостоятельность идеологии экономического детерминизма, хотя до сих пор ее разделяют адепты неолиберализма и ортодоксальные последователи «марксистского вероучения» (конечно, к ним не следует относить самих Карла Маркса и Фридриха Энгельса) [1, 2]. Для разрешения взаимосвязанных проблем современного общества недостаточно только экономического роста, который может быть сопряжен с усилением неравенства, ухудшением социального климата и природной среды и антидемократическими переменами. Востребован по-настоящему общий социальный прогресс, обусловленный в равно значимой степени экономическими (рыночными) и внеэкономическими драйверами и притом взаимно дополняющими друг друга. Такова

широко признанная на международном уровне позиция, в практическом плане выразившаяся во всеобъемлющей интеграции различных измерителей развития современных стран [3–5].

Обществу не может быть отведена лишь роль поставщика человеческих ресурсов для современных рынков. Напротив, именно рынки призваны являться проводниками удовлетворения потребностей общества при всем многообразии и отличиях интересов его субъектов. Это означает, что трансформация современной рыночной экономики выступает имманентной составляющей трансформации всей социальной системы.

С приведенным заключением отчасти согласуется давно признанная концепция смешанной экономики, восходящая еще к Фридриху Листу [6]. Она предполагает активное общественное/ государственное регулирование рыночных процессов с целью исправления их возможных социальных изъянов. Однако выполнения такого императива представляется недостаточным в современных условиях, характеризующихся очень существенной зависимостью любой экономической системы от внешних перемен.

Ограниченно востребованной выглядит и популярная в недавнем прошлом концепция социоэкономики, или социальной экономики, основанная на традиционной теории социальных систем [например, 7]. Предмет существующих социоэкономических изысканий априори ограничен областью взаимодействий социальных субъектов по различным направлениям их деятельности (экономическому, политическому и др.). Из поля зрения опять-таки выпадает грандиозное влияние технологических и других перемен, порожденных вне социальной системы, на результаты развития экономики и всего общества.

Определенно возникает потребность в исследовании взаимного влияния различных составляющих экономической трансформации и неэкономических трансформаций при их строгой демаркации. Требуется кропотливый анализ значимых сцеплений такого рода с целью принятия эффективных решений, без избыточных затрат и неблагоприятных побочных эффектов. Для конкретизации сказанного кратко остановимся на двух коллизиях.

Как справедливо отмечается в недавнем докладе Всемирного экономического форума [8], в ходе реализации национальной экономической политики фактически не учитывается влияние старения населения и других демографической метаморфоз на рыночную перспективу, в первую очередь касающуюся рынков труда и потребительских рынков. Возникает настоятельная потребность во взаимосвязанной реализации программ переквалификации возрастных когорт занятых и взвешенной миграционной политики, опираясь на существующий позитивный опыт (в частности, Сингапура).

Также, согласно многочисленным деловым опросам, в настоящий момент наблюдается явный дефицит высокоодаренных, способных к творческим новациям специалистов в секторах новой экономики в ходе ее цифровизации. А таланты, как известно, возвращаются в процессе образования в условиях благоприятного человеческого климата. Выход из положения по всей видимости состоит в точечных, социально-ориентированных инвестициях в рамках специальных образовательных программ.

В соответствии с высказанной аргументацией представляется резонным обратиться к теории социальной системной трансформации, опирающейся на признанные научные свершения [9–12]. Согласно этой теории, правомерна исследовательская парадигма, заключающаяся в трактовке развития социальной системы как трансформации ее многомерной структуры. В решающей мере это происходит на основных полях социальных действий (экономическом, статусном, политическом), характеризующихся наличием определенного институционального устройства, ресурсного и организационного обеспечения. Однако наряду с этим необходимо обязательно принимать в расчет следующее: внутрисистемные социальные изменения на институционально структурированных полях неизбежно сопровождаются в значительной мере неинституционализированными процессами технологических, демографических и климатических изменений, которые можно полагать экзогенными. Только при таком условии становится достижимым интегративное представление всех существенных компонент вектора развития определенного общества в реальном временном измерении.

2. Феномены цифровизации и становления «зеленой» безуглеродной экономики в ходе современной экономической трансформации: как оценить их полный обще-социальный эффект?

В современный период все фундаментальные экономические трансформации происходят на фоне постиндустриальной эпохи, обычно соотносимой с «четвертой технологической революцией». Наиболее весомые из этих изменений, по широко признанному мнению, индуцированы двумя трансформационными процессами, порожденными постиндустриальным развитием – цифровизацией и становлением «зеленой» экономики.

Без преувеличения, тектонический сдвиг в современном мировом развитии заключается в утверждении нематериальной базы цифровой экономики, как, впрочем, и цифровизации социальных секторов. Все более проявляется грандиозное влияние цифровизации и распространения цифровых платформ на трудовые отношения: изменяется характер труда в сторону его виртуализации, возникают самые широкие возможности для дистанционного труда и самостоятельной экономической деятельности [13–15].

Уже в близкой перспективе прогнозируется утверждение первенствующих позиций инновационного и высокотехнологичного секторов, использующих цифровые технологии с точки зрения аккумуляции доходов и капитала. Как следствие, произойдет кардинальное изменение соотношения ролей всех экономических агентских укладов.

Также трудно поставить под сомнение грандиозность экономического, как и социального эффекта «зеленой» трансформации, часто называемой «декарбонизацией». Так, по оценкам, к 2030 г. только в Китае переход к «зеленой» («природной позитивной», по определению китайских исследователей) экономике может привести к созданию 88 млн новых рабочих мест [16].

Во многих азиатских странах достигнут существенный прогресс в направлении целевых ориентиров устойчивого развития, несмотря на последствия пандемии COVID-19 и мировую экономическую турбулентность. Так, в Индии и Юго-Восточной Азии в ближайшие годы прогнозируется беспрецедентно

широкое распространение новейших безотходных технологий и возобновляемых источников энергии [17, 18].

Принципиально важно, что рассмотренные глобальные трансформационные процессы взаимно дополняют друг друга. Так, использование цифровых платформ и других цифровых новшеств значительно облегчает выполнение проектов в области экологизации экономической деятельности прежде всего с точки зрения сокращения потребных издержек [19]. В свою очередь, происходящий постепенный переход к безуглеродной экономике объективно способствует использованию рыночными и социальными предпринимателями самого широкого набора цифровых технологий, не наносящих какого-либо ущерба природной среде.

В известных автору конкретных исследованиях роль цифровой и «зеленой» экономик, опираясь на традиционный подход, определяется по удельному весу их выпуска в ВВП (например, [20]). Вместе с тем общий социальный эффект их функционирования остается как бы за кадром. Для его идентификации требуется принимать в расчет все значимые изменения состояния социальной системы, индуцируемые соответствующими трансформационными процессами.

Следуя такой посылке, общий социальный системный эффект цифровизации в первую очередь правомерно оценивать, исходя из динамики производительности труда и физического капитала, экологизации бизнеса и уменьшения использования природных ресурсов, улучшения пользования рыночными и социальными услугами. В свою очередь, позитивный системный эффект «зеленой» трансформации выражается в достижении желаемых экономических результатов при сохранении и приумножении природной среды, а также улучшении социального климата для всех членов общества.

Отдельным вопросом является косвенное влияние цифровизации и «зеленой» экономики на неэкономические трансформации.

Так, увеличение занятости квалифицированных работников, представляющих средний класс, в секторах цифровой и «зеленой» экономик очевидно сопряжено с усилением их статусных позиций. Наряду с этим резонно ожидать пополнения высших страт общества предпринимателями/руководителями в соответствующих секторах.

В свою очередь, на политическом поле последствия цифровизации и декарбонизации, вероятно, в первую очередь проявятся в давно предсказанном сдвиге. Национальная политическая элита будет в значительной мере пополняться представителями высшего менеджмента в инновационном и высокотехнологичном корпоративном секторах, а также в секторах «зеленой» экономики.

3. Методологический подход к интегративному представлению результатов экономической трансформации, исходя из критериев устойчивого (устойчиво поддерживаемого) развития общества

Нет нужды доказывать, что прямые и косвенные результаты трансформации любой национальной экономики сильно зависят от господствующей или, во всяком случае первенствующей, доктрины развития соответствующей страны. Вплоть до настоящего времени наиболее известны три концептуальные доктрины такого рода: неолиберальная, неоконсервативная и устойчивого (sustainable) развития.

Как известно, после мирового кризиса 2007–2009 гг. неолиберальная доктрина безвозвратно потеряла свое былое признание. Следование императиву полной экономической свободы в условиях функционирования несовершенного и ограниченно эффективного рынка капитала оказалось сопряжено с коллапсом отдельных рынков, влекущим за собой длительную депрессию тех или иных национальных экономик. Достаточно упомянуть о примере России и других постсоветских стран, где всеобъемлющая исходная либерализация сырьевых и финансовых рынков в значительной мере способствовала общеэкономическому спаду.

К рассмотренной идеологической доктрине примыкает хорошо известная концепция полной экономической глобализации во имя свободного движения корпоративного капитала, по существу игнорировавшая сложившуюся глубокую институциональную дивергенцию между разными странами, в том числе внутри западного мира. Последний мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. продемонстрировал несостоятельность глобальной модели неолиберального корпоративного капитализма, в котором доминирующую роль играют крупнейшие финансовые и нефинансовые корпорации. Во многом именно вследствие институциональных изъянов открытых рынков корпоративных ценных бумаг произошло беспрецедентное увеличение фиктивного финансового капитала, в свою очередь ставшего одной из главных причин обвала мирового фондового рынка и международных кредитных рынков.

Фактически на смену неолиберальному экономическому курсу вновь пришел неоконсервативный курс, как бы обновленный его нынешними адептами во главе с бывшим Президентом США Дональдом Трампом. Главный постулат обновленного неоконсерватизма выглядит весьма простым: практически всегда расширение деятельности национальных производителей как рыночных агентов воплощается в повышении личного благосостояния и прочих позитивных социальных переменных, достигаемых при не более чем дозированно необходимой, по существу минимальной государственной поддержке нерыночных секторов [21].

Спору нет, стимулирование предпринимательской активности посредством сокращения налогов дает возможность временно увеличить рыночный выпуск. Однако в нынешней рыночной экономике третьего десятилетия XXI в. эффект финансового стимулирования роста предпринимательской активности становится заведомо ограниченным. И можно уверенно предсказывать, что дальнейшее углубление цифровизации и декарбонизации будет сопряжено с сильным сокращением невысокотехнологичных и ненаукоемких секторов при сопутствующем сужении пространства заведомо свободных рыночных инициатив. В такой ситуации избыточная рыночная конкуренция в границах обычных предпринимательских секторов неизбежно будет приводить к падению доходов ее участников, что повлечет за собой усиление экономического и в целом социального дисбалансов.

Как известно, неоконсервативная политика сегодняшнего образца также характеризуется агрессивным экономическим национализмом, выражающимся в нарушении международных договоренностей и прямых торговых войнах. Вследствие происходящей дестабилизации мировой экономики наносится глобальный

ущерб всем предпринимателям и потребителям, в том числе в странах-реципиентах агрессивной неконсервативной политики.

Об идеологии устойчивого развития. Стоит констатировать: утилитарная и одновременно агрессивная прагматика неоконсервативного толка целенаправленно навязывается широким кругам общественности в развитых странах агентами утвердившегося сообщества миллиардеров. Противовесом этой пропагандистской кампании выступает распространение идеологии обще социального прогресса как устойчивого развития.

Как известно, рамочная концепция устойчивого развития, принятая ООН в 2015 г., завоевала широкое признание в очень многих странах. И стоит сделать особый акцент на том, что с этой концепцией вполне согласуются идеологические платформы левоцентристских и социал-демократических/ социалистических партий со значимым политическим весом. То же касается обновленной концепции социального рыночного хозяйства [22], как и последней китайской версии концепции социалистической рыночной экономики (с учетом симбиоза институциональных моделей, которые она вбирает, добавим в скобках) [23].

Следуя идеологии устойчивого развития, на национальном и наднациональном уровнях настала пора перейти от практики стабилизационных и стимулирующих решений по их очень разнородным направлениям к консолидированной общественной регуляции. Она призвана быть направленной на обеспечение сбалансированного и поступательного развития определенных стран, на кардинальное снижение риска дестабилизации и регресса. В пользу такой стратегии развития свидетельствует накопленный практический опыт, прежде всего в ЕС.

Бесспорно, перед человеческим сообществом снова и снова будут вставать новые животрепещущие проблемы. Однако в случае утверждения идеологии и практики устойчивого развития они могут разрешаться приемлемым образом, без продолжительных кризисов и грандиозного социального ущерба, на основе глобального, региональных и национальных консенсусов.

Исходя из общеизвестного критерия оптимального временного соотношения затрат и результатов, предпочтительна трансформация социального макроса как системы по стабильной долгосрочной траектории, которую принято именовать «устойчиво поддерживаемой» (sustainable). Ее имманентной чертой выступает не скачкообразное, а неуклонное, последовательное приближение к реально достижимым трансформационным рубежам, исходя из выявленных возможностей. Социальное развитие по этой траектории в полной мере соответствует требованию Новой Нормальности, получившей признание в послекризисный период 2010-х годов.

Востребование идеи универсального устойчивого развития. Логичным представляется обращение к понятию универсальной системной устойчивости, хотя бы в ее существующей эскизной интерпретации [24–26]. В соответствии с ней атрибут устойчивости присущ в большой степени всем социальным практикам, а не только опосредствующим взаимоотношения общества и его окружающей среды. Исходя из такого допущения, правомерным выглядит востребование идеи универсального устойчивого развития применительно к системной (именно системной!) трансформации всего общества. Оно выражается в достижении перспективных экономических, политических, экологических и других параметров

(количественных и качественных) состояния социального макроса, которые соответствуют принятым критериям «устойчивого поддержания» в процессе системной трансформации. Тем самым, субстанциональной чертой устойчивого развития как универсальной трансформации выступает нормальность/приемлемость результатов фундаментальных изменений на основных институционализированных полях социальных действий.

Не менее важно, что такого рода универсальная трансформация призвана удовлетворять условию адаптации (сопротивляемости) к возможным неустойчивым переменам [27, 28]. В первую очередь речь идет об адаптации к ожидаемым технологическим, демографическим и климатическим изменениям в той мере, в какой они выступают в качестве неинституционализированных факторов в рамках социальной системы. Кроме того, следует принимать в расчет необходимость адаптации к огромному числу процессов нестабильных и заведомо колебательных изменений, обусловленных циклическими рыночными драйверами, спорадическими политическими пертурбациями и многообразными социальными конфликтами. Выполнение этого условия предполагает использование широкого набора инструментов как рыночного регулирования, так и нерыночного воздействия со стороны государства и гражданских организаций. Такого рода общественная регуляция должна быть направлена на возможное элиминирование источников турбулентности на основных полях социальных действий.

Вместе с тем, стоит оставаться реалистами. В обозримом будущем важные направления развития тех или иных стран могут быть связаны с осуществлением неустойчивых трансформационных изменений, заведомо ускоренных или замедленных. В частности, в сегодняшних реалиях выполнение военно-политической стратегии в большинстве стран выглядит затруднительным в случае приоритетной ориентации на критерии универсальной устойчивости.

Оценка результатов экономической трансформации как составляющей универсальной устойчивой трансформации. Теперь сформулируем нашу главную посылку. Наряду с традиционными индикаторами структурных ресурсных сдвигов для оценки результатов трансформации национальной экономики целесообразно использование индикаторов степени ее приближения к устойчивой (устойчиво поддерживаемой) траектории. Они призваны отражать вклад, который вносит экономическая трансформация в обеспечение устойчивого общесоциального прогресса.

В идентификации нуждаются сами условия устойчивой экономической трансформации через квантифицируемые ресурсные индикаторы. Правомерно

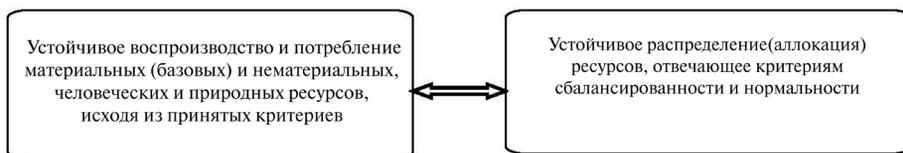

Рис. 1. Условия устойчивой экономической трансформации

Источник: составлено автором.

сформулировать два взаимообусловленных условия ресурсной устойчивости в рамках экономической системы (рис. 1).

Первое из этих условий состоит в устойчивом, по существу рациональном производстве и потреблении существующих основных ресурсов: материальных и нематериальных, человеческих и, конечно, природных. В первую очередь исходя из признанных целевых ориентиров устойчивого развития (ЦУР) в соответствии с Повесткой-2030. В дополнение к этому, становится все более целесообразным инкорпорирование дополнительных целевых ориентиров, предопределяющих траектории устойчивого воспроизводства и потребления ресурсов в их расширяющемся составе. Эти нормативные уровни потребления и распределения ресурсов задаются, исходя из секторных прогнозов на базе максимально полной информации о сложившихся тенденциях.

Второе условие состоит в сбалансированности ресурсной структуры и нормальности распределения определенных видов ресурсов на всех уровнях системной иерархии в соответствии с существующими критериями. Практически это означает сбалансированность основных ресурсных, материальных и финансовых, потоков наряду с нормальным распределением капитала и труда и, как следствие, доходов в макро-, секторном и региональном разрезе.

Принципиальное значение имеет инкорпорирование в качестве первоочередных макроцелей/ задач в дополнение к принятым ЦУР. Они представимы индикаторами распределения финансовых ресурсов и капитала, потенциала занятости, численности трудового миграционного потока. Для обеспечения сбалансированности нового круга макроиндикаторов устойчивого развития возникает необходимость применения усовершенствованной процедуры их согласования. Такая процедура давно апробирована в ЕС [29, 30]; определенно целесообразно заимствование этой практики в странах всего мира.

Отдельный важнейший вопрос, на котором необходимо хотя бы кратко остановиться, заключается в применении критериев для оценки степени устойчивости цифровой трансформации на экономическом поле, прежде всего в отношении влияния на занятость.

Несомненно, прямой эффект автоматизации, роботизации и распространения искусственного интеллекта в сфере материального производства непосредственно выражается в сокращении производственного и, в еще большей степени, офисного персонала, занятого рутинной деятельностью (например, [31]). Однако одновременно стремительное развитие новых рыночных сегментов, порожденное цифровизацией, способствует стабилизации занятости, сокращающейся в традиционных отраслях. Так, электронная коммерция и экономика совместного пользования стали мощными каналами поглощения занятости. Достаточно упомянуть о притоке работников в такие новые виды бизнеса, как Интернет-магазины, онлайн-сервисы такси и доставки еды на дом.

В целом на макроуровне, согласно проведенным исследованиям (например, [32]), повышение уровня цифрового развития сопряжено со снижением спроса на рабочую силу со средним и ниже среднего образованием. Однако одновременно диффузия новых технологий объективно влечет за собой увеличение спроса на высококвалифицированный персонал.

Для стабилизации структуры занятости в секторах, серьезно затронутых цифровизацией, становится безальтернативной масштабная реструктуризация, в которой первостепенная роль отводится государству как регулятору и инвестору. Для удовлетворения спроса на высококвалифицированную рабочую силу в промышленных секторах должны быть реализованы строго адресные и постоянно продолжающиеся программы переобучения персонала. Особенно необходимым становится внедрение такой практики в кратчайшие сроки в рамках трудоемких промышленных сегментов, где велик риск потери рабочих мест вследствие автоматизации.

Также есть все основания ожидать кардинального повышения секторной дифференциации оплаты труда и в целом – усиления поляризации доходов в обществе. По-видимому, возникнет необходимость в перераспределении национального дохода посредством специального налогообложения производителей, использующих высокопроизводительные безлюдные технологии с искусственным интеллектом и роботов.

В силу сказанного, для оценки степени устойчивости цифровой трансформации представляется целесообразным использование целой совокупности новых индикаторов. Они призваны фиксировать сокращение занятых вследствие автоматизации на одних рыночных сегментах и увеличение занятых в ходе цифровизации на других сегментах. То же касается изменения уровня оплаты труда этих, сокращающихся или растущих, категорий занятых.

Методологический дискурс. До настоящего времени индикаторы УР оцениваются на основе нормативных моделей. В данной связи возникает очевидный методологический дискурс: предпочтителен ли выбор нормативно определяемых критериев устойчивости в качестве альтернативных известным критериям оптимальности для оценки результатов экономической трансформации?

Как известно, апробация традиционных оптимизационных макро-, мезо- и микроэкономических моделей может принести хорошо интерпретируемые результаты в отношении желаемого распределения ресурсов и доходов. Однако эти рафинированные результаты представляются слишком ненадежными, по крайней мере в силу двух очень весомых причин. Во-первых, крайней неопределенности задания изменений во времени как ограничений, отражающих условия предпочтительного потребления ресурсов, так и существующих рыночных, и тем более внеэкономических, ограничений. Во-вторых, фактической недостаточности информации для оценки последствий риска нарушения принятых ограничений, принимая во внимание огромные масштабы деятельности экономических и других социальных агентов, заведомо не соответствующей критериям оптимальности.

В противоположность сказанному, нормативное определение индикаторов УР, основанное на анализе сложившихся тенденций выпуска, потребления и распределения ресурсов, заведомо не сопряжено с риском «попадания в молоко». Стоит добавить, что для повышения степени достоверности этих нормативных индикаторов на предварительной стадии их оценки вполне правомерно использование частных оптимизационных моделей [33].

Проблема сочетания интересов общества и предпринимательских интересов в русле универсального устойчивого развития. В завершение методологической

части нашего изыскания было бы некорректно обойти вниманием эту возникающую фундаментальную проблему.

Общепризнанно, что главной целью большинства экономических агентов выступает удержание достигнутых позиций на рынках. Эти агенты объективно заинтересованы в выполнении условий ESG, ресурсной и финансовой долговременной сбалансированности ради снижения оперативных, и тем более инвестиционных, рисков. В свою очередь, лидирующие рыночные агенты, следующие своим оптимально-ориентированным бизнес-стратегиям, также становятся все более заинтересованными в снижении риска. Такая тенденция обусловлена объективным снижением потенциального коммерческого эффекта рискованных решений (так называемой «премии за риск») вследствие грандиозного прогресса в информатизации благодаря применению цифровых и сопутствующих новейших технологий, когда фактор асимметрии информации постепенно сходит на нет.

Как показывает разнообразный мировой опыт [34], в случае выполнения ESG-стандартов и следования другим императивам устойчивости перед корпоративным и иным бизнесом сохраняются широкие возможности для улучшения своего рыночного положения. В ходе устойчивой трансформации отдельных рынков возникает возможность достижения их дополнительного роста в результате предполагаемых инициативных предпринимательских решений с учетом возникающих потребительских запросов. Это в первую очередь касается компаний-лидеров, утвердившихся на действующих рынках. Посредством требуемой корректировки, исходя из императивов устойчивости и своих долгосрочных бизнес-стратегий, они в состоянии добиться оптимальных финансовых и других рыночных результатов, совокупный эффект которых на макро-, секторном и региональном уровнях не будет нарушать приемлемые пропорции выпуска и распределения в соответствии с предполагаемыми условиями устойчивого воспроизводства.

Обозначенная возможность может быть реализована при условии осуществления адекватной политики рыночного регулирования на макро-, секторном и региональном уровнях. Она должна быть направлена на согласование различных корпоративных и иных предпринимательских стратегий с государственным стратегическим курсом в соответствии с принципом компромиссного равновесия («равновесия по Нэшу»). Благодаря такого рода стабилизационной политике станет достижимой адаптация к неустойчивым изменениям – как институционализированным в рамках социальной системы, так и неинституционализированным: технологическим, демографическим, климатическим.

Конечно, нельзя не принимать во внимание многочисленные примеры оппортунистического поведения предпринимателей в отношении ESG-практик, и в целом императивов, устойчивого развития. Тем не менее есть все основания предполагать, что в случае успешного продвижения повестки ESG в ходе взаимодействия бизнеса, государства и гражданских организаций рыночные агенты-оппортунисты окажутся в меньшинстве. Фактор социального отторжения их деятельности будет вынуждать к изменению бизнес-стратегий по образцу большинства конкурентов.

4. Оптимистический взгляд в будущее. Экономическая трансформация как проводник обще социального устойчивого прогресса

Обратимся к феномену экономической трансформации в перспективе. Что произойдет к концу 2020-х годов и в последующем десятилетии?

Дать исчерпывающий ответ на этот назревший вопрос представляется крайне затруднительным, в первую очередь вследствие недостатка прогнозной информации. Разработка и сопоставление различных и притом разнoverоятных сценариев будущей трансформации современных обществ, опираясь на реалии нынешних двадцатых, составляет предмет кропотливых коллективных изысканий. Они, насколько известно автору, пока не выполнены.

В силу сказанного ограничимся рассмотрением исключительно консолидированного оптимистического сценария будущего развития, затрагивающего большинство стран. Исходя из такого подхода, поставим перед собой задачу обосновать адекватное видение желаемого вклада экономической трансформации в обще социальный прогресс.

Для представления рассматриваемого оптимистического сценария резонно обратиться к вербальной каузальной модели системной трансформации национального социума. Она отражает зависимость внутрисистемных институционализированных изменений от предполагаемых предшествующих перемен такого рода, в основном неинституционализированных, по существу, экзогенных драйверов (технологических, демографических, климатических) и наднациональных институционализированных системных сдвигов (рис. 2).

Очевидное исходное допущение заключается в предваряющем осуществлении позитивных внутрисистемных сдвигов, которые, как предполагается, произойдут в 2020-е годы. В первую очередь это означает кардинальное приближение к целевым ориентирам УР и другие позитивные сдвиги в двадцатые

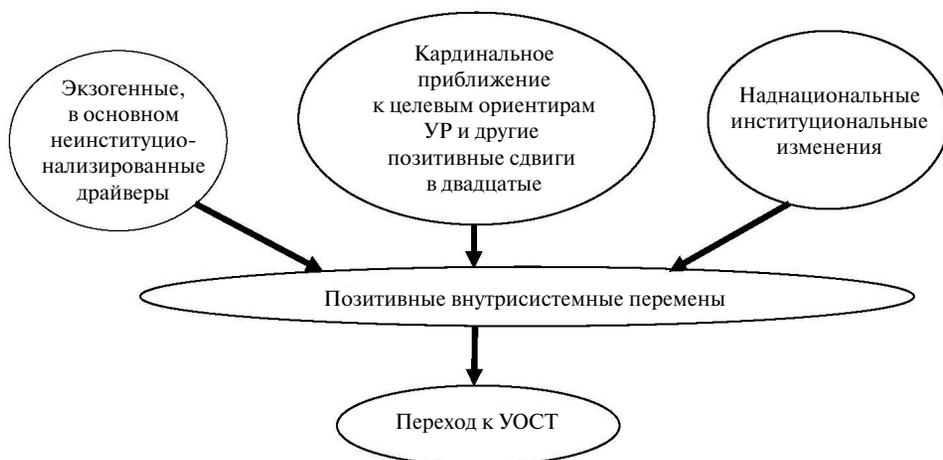

Рис. 2. Оптимистичный сценарий: утверждение устойчивой обще социальной трансформации в качестве доминирующей составляющей национального развития

Источник: составлено автором.

адаптацией к цифровизации и другим технологическим сдвигам в отдельных странах к концу нынешнего десятилетия.

Следует также предполагать позитивный исход нынешнего глобального политического противостояния, в том числе необратимое завершение военного конфликта на Украине и в других странах, а также нейтрализацию исламистского и других экстремистских движений.

Влияние экзогенных, в основном неинституционализированных драйверов. По всем признакам знаковым атрибутом мирового развития в предстоящей 10-летней перспективе станет дальнейшая цифровизация, как и распространение «безлюдных» технологий и искусственного интеллекта. Судя по существующему мировому опыту, в высокотехнологичных секторах можно ожидать разового (в отдельных случаях более чем десятикратного) повышения отдачи от вложенного капитала.

Очевидно, по мере углубления цифровизации структура занятости всеобъемлюще изменится. С одной стороны, применение роботов и искусственного интеллекта неизбежно вызовет сокращение на порядок занятых в традиционных рыночных и социальных секторах. С другой стороны, произойдет дальнейшее увеличение числа высококвалифицированных специалистов, как и обычных работников в секторах новой нематериальной экономики.

В дополнение, резонно подчеркнуть, что значимый приток мигрантов с низкой квалификацией станет неприемлем. Повсеместной практикой станет отбор мигрантов-профессионалов, в основном высокой квалификации, по способностям.

Неравенство в оплате труда между высококвалифицированными работниками и другими занятыми продолжит увеличиваться [35]. Тем самым, обеспечение приемлемого базового уровня доходов для целого ряда многочисленных групп граждан останется необходимым для поддержания макросбалансированности. Следуя широко известной позиции международных экспертов, это условие будет выполнено в случае перераспределения национального дохода посредством специального налогообложения производителей, использующих производственные технологии с искусственным интеллектом и роботов.

Основополагающим экзогенным фактором системной трансформации выступают и демографические изменения, которые в весьма ограниченной мере поддаются корректировке посредством государственной политики. В частности, согласно прогнозам, в России они останутся весьма неблагоприятными в предстоящее десятилетие: численность населения уменьшится, несмотря на ожидаемый существенный прирост численности мигрантов [36].

По преобладающему мнению экспертов, тенденция ухудшения климата заметно ослабнет. Тем не менее она будет продолжать оказывать замедляющее влияние на позитивную экономическую динамику и понижать отдачу от человеческого и социального капиталов. По оценкам, экономический, и в еще большей мере социальный, ущерб от потепления климата будет весьма существенным.

Влияние надсистемных институционализированных перемен на основных социентальных полях. Согласно преобладающим ожиданиям [37], период турбулентности на мировой экономической арене заканчивается. По крайней мере, к концу нынешнего десятилетия предполагается принципиальное обновление

глобальной финансовой архитектоники и деятельности существующих международных финансовых организаций, детерминируемое условиями равноправного сосуществования всех национальных рыночных экономик.

Есть основания предполагать качественное совершенствование формирующихся рыночных экономик в постразвивающихся и постсоциалистических странах. Тогда их взаимовыгодное сотрудничество со зрелыми экономиками западных стран станет неотъемлемым атрибутом мирового развития.

Также трудно преуменьшить влияние предполагаемых позитивных надсистемных перемен на статусном поле. Так, в рассматриваемой перспективе позитивным примером станет окончательное утверждение в большинстве индустриальных стран креативного среднего класса с современным образованием. Резонно рассчитывать на самое широкое распространение постматериалистического сознания среди представителей этой страты общества. Постматериалисты ценят личный предпринимательский успех и накопление индивидуального богатства наравне с профессиональными достижениями и долговременным человеческим благополучием в рамках окружающей человеческой и природной среды, обеспечивающими рост социального капитала.

Крайне важно и то, что в условиях тотальной информатизации признанные в мире достижения, касающиеся стандартов потребления, образования, улучшения здоровья и других жизненных ценностей, выступают образцами для подражания. Рано или поздно они будут заимствованы в большинстве стран.

Особенно значимыми выглядят возможные позитивные надсистемные перемены на политическом поле. Так, с течением времени, к концу нынешнего десятилетия, существующая супердуополия политической и военной силы может исчерпать себя в случае трех основных метаморфоз. Во-первых, вследствие взаимного сближения политических курсов США и Китая при отказе от имперского экспансионизма, в том числе в ходе реализации мегапроекта «Путь и дорога». Во-вторых, ЕС станет самостоятельным центром силы. Вновь намеченный (ранее отложенный) замысел создания вооруженных сил Европы, опираясь в первую очередь на ракетно-ядерный потенциал Франции, будет в конце концов реализован. При этом стоит обратить внимание на высокую вероятность тиражирования благодаря использованию цифровых технологий, новых компактных вооружений (нейтронных, биологических и др.), которые дадут возможность небольшим странам наносить невосполнимый ущерб потенциальным агрессорам. Наконец, произойдет, по-видимому, самая весомая метаморфоза: на порядки вырастет экономическая мощь, как и политический вес и военное могущество целого ряда стран постразвивающегося мира.

Реализация этих глобально значимых политических сдвигов по существу будет означать наступление новой стадии мирового развития, которое, по-видимому, будет ознаменовано формированием многополярного мирового политического порядка. Такой антигегемонистский порядок призван стать основой для удовлетворения национальных интересов средних и малых стран. Для этого потребуются создание гибких, подвижных во времени институциональных механизмов, включая организационные структуры обеспечения международной безопасности. Неотъемлемым условием глобальной политической устойчивости

станет и утверждение международного правового режима в качестве юридически первенствующего.

Что в результате? Резонно сфокусировать внимание на основных внутри-системных изменениях на национальном уровне в результате действия всех рассмотренных факторов.

Правомерно прогнозировать тектонические ресурсные сдвиги применительно к самым разным национальным экономикам. Произойдет существенное сокращение производственного и личного потребления материальных ресурсов в относительном и, вполне возможно, в абсолютном выражении, однозначно сопряженное с увеличением доли в ВВП инновационного и высокотехнологического секторов и ростом высококвалифицированного человеческого потенциала по мере дальнейшей цифровизации. Знаковой переменной призвано стать и преобладание «зеленых» видов экономической деятельности во многих рыночных секторах в результате предполагаемого приближения к УР в предшествующий период.

Можно ожидать полного исчезновения препятствий в отношении совершенствования структурообразующих корневых институтов экономик с формирующимися рынками. Они достигнут качественного уровня институтов зрелых западных экономик.

На статусном поле кардинально усилится роль всех членов и групп общества, заинтересованных в развитии и эффективном использовании своих способностей. Посредством предоставления общественных благ, необходимых для творческого развития личности и эффективного креативного социального предпринимательства, будет достигаться значительный позитивный внерыночный эффект, выражающийся в ослаблении социального неравенства и одновременно повышении социальной интеграции и мобильности.

В результате целенаправленного формирования среды для творческого созидательного характера деятельности предпринимателей, особенно в социальной сфере, станет возможным устойчивый рост социального капитала как совокупности позитивных социальных связей, которыми индивидуумы обладают и которыми пользуются в межличностных и межгрупповых отношениях. По сути своей инновации, создаваемые этими предпринимателями, будут воплощаться в новых продуктах, услугах и бизнес-моделях, которые наиболее эффективно удовлетворяют социальные нужды и одновременно создают положительный социальный капитал.

Нельзя не затронуть хотя бы кратко и тему культурной адаптации к будущим вызовам. Она станет возможной в случае успешного формирования модели рационального культурного разнообразия с учетом исторического прошлого отдельных стран. Ее отличительной чертой выступает соответствие приоритетам и базовым гуманитарным ценностям при одновременном сохранении наследия и интеграционного своеобразия национальной культуры.

Принципиально важно, что в случае осуществления позитивного сценария системной трансформации в рассматриваемой перспективе возникнут необходимые условия для утверждения зрелых правовых институтов, дополняемых эффективными механизмами их применения. То же касается становления различных звеньев гражданского общества вследствие ожидаемого спонтанного

распространения гражданских инициатив, особенно в рамках местного самоуправления.

В будущем наиболее предпочтительной выглядит партнерская модель, обеспечивающая устойчивый компромисс в отношениях гражданского сектора и государства. Она характеризуется участием представителей государства в различных формах равноправного сотрудничества с некоммерческими организациями (НКО) и гражданскими активистами, когда общественные организации предлагают решения социальных проблем и, в свою очередь, участвуют в постоянном совершенствовании деятельности звеньев государственной власти. Реальным станет превращение многих НКО в полноправных участников реализации социальных программ наряду с бюджетными учреждениями, выполняющими патерналистские функции.

Наконец, о позитивных внутрисистемных трансформационных изменениях на политическом поле. В первую очередь они выразятся в безоговорочном утверждении широко известных институтов, обеспечивающих устойчивую внутривнутриполитическую трансформацию отдельных стран на принципах демократизации и соревнования [38].

На общественной авансцене в существенной мере восстановится роль демократических движений, представляющих интересы растущего среднего класса в его новом временном обличье. Одновременно правомерно ожидать существенного обновления национальной элиты, включая ее правящую часть. Обновленная элита будет объективно заинтересована в поддержании качества устойчивых внутривнутриполитических институтов, от которых напрямую зависит, как свидетельствуют страноведческие исследования, эффективность административного управления на всех его уровнях.

Свершение рассмотренных внутрисистемных сдвигов по существу откроет возможность для необратимого качественного перехода к устойчивой общей социальной трансформации (УОСТ) в ее ранее представленном универсальном понимании. Понятно, что УОСТ неправомерно отождествлять с системной трансформацией всего общества. Неустойчивые трансформации, институционализированные и неинституционализированные, также могут иметь место. Однако они не будут оказывать значимого негативного системного эффекта и создавать угрозу нарушения траекторий УОСТ как знаковой доминирующей трансформации в социальной системе.

В развитие сказанного нельзя не упомянуть о коллизии дивергенции перехода к УОСТ. Бесспорно, в случае реализации обозначенного позитивного сценария мирового развития исчезнут внешние ограничения для такого всеобъемлющего и окончательного перехода в наиболее передовых странах, к числу которых следует отнести Швейцарию, Финляндию и ряд других [39]. В этих странах достижение принятых целевых ориентиров устойчивого развития по большинству направлений фактически имело место или, вероятно, произойдет наряду с обеспечением внутрисистемной сбалансированности – макро-, секторной, региональной. В свою очередь, в других развитых странах, в том числе постразвивающихся и постсоциалистических, не будет возникать препятствий для постепенного утверждения УОСТ по мере позитивных внутрисистемных перемен.

В развивающихся, до настоящего момента бедных, странах рассматриваемый переход навряд ли состоится и в следующее десятилетие, принимая во внимание преобладающие глобальные прогнозы. Тем не менее велика надежда на кардинальное приближение к траектории УОСТ и в этой части мира при условии эффективного соучастия в этом процессе большинства развитых стран в дополнении к мегапроекту «Путь и Дорога» Китая.

Утверждение УОСТ выглядит достижимым при сохранении в будущем широкой институциональной дивергенции национальных экономик различных стран. Этот трансформационный процесс совместим с реализацией институциональных моделей экономического развития Германии и других стран Западной Европы, а также моделей Японии и Канады. Аналогичное заключение можно сделать в отношении модели среднего пути развития в странах Юго-Восточной Азии, вполне оформившейся в Малайзии и Сингапуре. По-видимому, в случае обозначенных глобальных политических перемен не возникнет существенных препятствий и для согласования УОСТ с гибридной институциональной моделью развития Китая.

В то же время, как отмечалось ранее, Переход к УОСТ не совместим с экономическим курсом на базе неолиберальной или неоконсервативной институциональных моделей. Целый ряд стран будет поставлен перед дилеммой востребования коренных институциональных перемен, опосредующих отказ от преобладавшей в прошлом капиталистической ориентации.

Будущая роль экономической трансформации в рамках УОСТ. В первую очередь ее следует оценивать в проекции экономического роста. Бесспорно, рост ВВП, притом долговременный и непрерывный, необходим для надежного обеспечения приемлемого по мировым стандартам уровня благосостояния населения в количественном выражении. В частности, весьма продолжительное время потребность в его весомом увеличении будет сохраняться для такой страны, как Россия, где в течение длительного периода затягивания поясов среднестатистический уровень доходов и личного потребления был невысоким. Однако применительно к долгосрочной перспективе идеология максимизации экономического роста, по всей видимости, исчерпала себя.

Наиболее значимый аргумент: для воспроизводства потенциала постиндустриальной оцифрованной экономики, базирующейся на эффективном использовании энергетических и прочих ресурсов, в основном воспроизводимых, не требуется максимального количественного роста новых технологий и новой техники. Так, спрос на новые информационные технологии и компьютеры будет ограничен хотя бы с точки зрения физического числа их покупателей. При этом следует принимать в расчет, что, по всем прогнозам, в ближайшее десятилетие продолжится тенденция относительного удешевления техники (с точки зрения соотношения продажных цен и полезного эффекта).

Также в рассматриваемой перспективе, вероятно, не возникнет потребности в очень быстром росте физических объемов зданий, сооружений и других объектов инфраструктуры. Компактность и эргономичность большей части высокотехнологичных предприятий при устойчивой тенденции миниатюризации технологического прогресса — главный довод в пользу такого предположения.

Кроме того, весомый аргумент против максимизации экономического роста обусловлен ожиданием дальнейшего институционального совершенствования основных внутренних рынков в незападных странах, в том числе в России. По прогнозу, в рассматриваемой перспективе прибыльность инвестиций в реальных и иных секторах незападных экономик этих стран уменьшится и приблизится к существующей в западных странах [40]. Сначала это произойдет в Китае, а затем в других азиатских гигантах – Индии и Индонезии и в большинстве остальных постразвивающихся стран. Бурного роста большинства товарных рынков, вызванных конъюнктурными, и тем более спекулятивно финансовыми, факторами, наблюдаться не будет и, соответственно, у рыночных субъектов не будет возникать заинтересованности в максимальной аккумуляции производственного капитала. Сказанное, стоит заметить, не ставит под сомнение возможно высокую динамику в предстоящей перспективе локальных рынков недвижимости, отдельных предметов роскоши, особых медицинских препаратов и медицинских услуг (таких как операции по пересадке стволовых клеток). Вместе с тем роль названных высокодоходных рынков будет заведомо ограниченной.

Что касается личного потребления, то направления трансформации его структуры в ходе УОСТ в наибольшей степени будут предопределять изменения рациональных потребительских стандартов. На первый план выходит ценность качества жизни в окружающих природных условиях XXI в., что предполагает рациональное, однозначно нерасточительное личное потребление ресурсов. Осознание бессмысленности пользования ради престижных соображений множеством автомобилей, загородных зданий (для строительства которых используется огромная масса «коричневых» стройматериалов) и других атрибутов роскошной жизни, наносящих вред окружающей среде, станет основополагающей чертой будущей потребительской идеологии.

В конечном итоге прямое влияние будущей устойчивой экономической трансформации на состояние всей социальной системы следует оценивать, исходя из результирующего эффекта значимых структурных сдвигов. Правда, следует обратить внимание на вероятно широкий диапазон скорости этих сдвигов вследствие предполагаемого сохранения объективной дивергенции рыночных секторов. Заметим, что быстрый рост целого ряда инновационных и высокотехнологических рынков, дополняемый адекватным экономическим регулированием, вполне согласуется с императивами универсальной устойчивости.

Можно подытожить. Будущая устойчивая экономическая трансформация имманентно сопряжена с неспешной, невзрывной, общеэкономической динамикой и в то же время – с фундаментальными структурными сдвигами, обусловливающими обще социальный прогресс. В конечном итоге он проявляется в повсеместном обеспечении высокого качества жизни, притом в полной мере с учетом гуманитарных базовых и экологических ценностей.

Впрочем, уместно сделать важное пояснение. Устойчиво благоприятные изменения на экономическом поле, объективно достижимые в очень значительной мере благодаря целенаправленной национальной и наднациональной экономической политике, ни в коей мере не следует трактовать как идеально наилучшие, так называемые «перфекционистские» процессы. Однако они необходимы для осуществления

в принципе возможных оптимальных ресурсных и институциональных сдвигов, обусловленных инициативными решениями самих рыночных агентов.

Все более усиливается потребность в разработке и выполнении национальных стратегий устойчивого развития, вбирающих в себя экономическую составляющую как доминантную [41]. В результате станет достижимым адекватное пространственно-временное позиционирование реально достижимых траекторий экономических трансформаций на макро-, секторном и региональном уровнях в направлении ЦУР.

В данной связи, правда, представляется правомерным принципиальное уточнение. Непосредственная привязка стратегических проектировок устойчивой трансформации к целевым индикаторам Повестки-2030, фактически разработанных 10 лет назад и в значительной мере ориентированных на развивающиеся страны, не представляется целесообразной, в том числе в силу информационных затруднений. Правомерным выглядит востребование иного, реально выполнимого подхода. Он заключается в оценке степени приближения к императивам устойчивости самих целевых ориентиров социально-экономического развития, представленных в разработанных национальных стратегиях.

Применительно к многомерным национальным экономикам узловое значение приобретает приближение к траекториям устойчивого развития на региональном уровне. В частности, в нашей стране разрешение названной проблемы предполагает согласование основных направлений развития рыночных и нерыночных секторов, представленных в долгосрочных социально-экономических стратегиях российских регионов, с императивами устойчивого развития. Целесообразным представляется инкорпорирование в эти обновляемые стратегии индикаторов приближения к УР непосредственно по основным направлениям развития регионов.

Обоснование предпочтительного выбора будущего экономического развития выступает необходимым предваряющим условием преодоления тенденций общественного регресса. Как стремился показать автор, выполнение сценария, опосредствующего такой выбор, вполне реально, несмотря на немалую вероятность продолжения нынешних неблагоприятных политических пертурбаций глобальной значимости.

Литература

1. *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: УРСС. 2003.
2. *Giddense A.* A contemporary critique of historical materialism. V. 1. Berkeley: University of California Press. 1983.
3. OECD 2015. How's Life? 2015: Measuring Well-being. OECD Publishing, Paris.
4. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 1998. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf>
5. *Stiglitz J., Fitoussi J.-P., Durand M.* Beyond GDP: Measuring What Counts for Economic and Social Performance, OECD Publishing, Paris. 2018.
6. *Лист Ф.* Национальная система политической экономики. М.: Европа, 2005.

7. *Hellmich S.N.* What is Socioeconomics? An Overview of Theories, Methods, and Themes in the Field. *Forum for Social Economics*, 2017. 46(1), 3–25. URL: <https://doi.org/10.1080/07360932.2014.999696>
8. The Future of Growth Report 2024. *World Economic Forum*. <https://www.weforum.org/reports>
9. *Поланья К.* Великая Трансформация. СПб.: Алетейя, 2002.
10. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
11. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.
12. *Луман Н.* Социальные системы. СПб.: Наука, 2007.
13. *Свиштунов В.М., Лобачев В.В.* Цифровизация экономики: современные тенденции и особенности // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2022. № 5. С. 5–10. URL: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-5-5-10>
14. *Вуколов В.Л.* Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: взаимовлияние, особенности и тенденции развития // *Социально-трудовые исследования*. 2023. Т.50. № 1. С.24–30. URL: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-24-30>.
15. Цифровая трансформация российских компаний. *Naumen Research*. URL: https://www.Naumen_Research_Digital_Transformation_2023.pdf
16. Seizing Business Opportunities in China's Transition Towards a Nature-positive Economy, 2022. *World Economic Forum*. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_New_Nature_Economy_Report_China_2022.pdf
17. How Asia's green economy will transform the world in the next decade. *World economic forum*. May 26, 2023. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/05/how-asia-green-economy-transform-world-next-decade>
18. Green Economic Policies, Strategies & Initiatives of India. December 2023. *EAI* URL: <http://dx.doi.org/10.4108/ew.4659>
19. TWI2050 – The World in 2050. 2019. *The Digital Revolution and Sustainable Development: Opportunities and Challenges*. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis. DOI: 10.22022/TNT/05-2019.15913
20. Цифровая трансформация: ожидания и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 221 с.
21. A Second Trump Presidency? Potential Economic Effects. *MetLife Investment Management*. February 29, 2024. URL: <https://investments.metlife.com/content/mim-a-second-trump-presidency-potential-economic-effects.pdf>
22. The Social Market Economy. *German Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action*. URL: <https://www.bmwk.de/Navigation/EN/Service/Contact/contact.html>
23. *Zhang X.* Is China Socialist? 2023. *Theorising the Political Economy of China // Journal of Contemporary Asia*. 2023. Vol. 53, No. 5, P. 810–827. URL: <https://doi.org/10.1080/00472336.2023.2235757>
24. *Giddings B., Hopwood B., O'Brien G.* Environment, economy and society: fitting them together into sustainable development // *Sustainable Development*. 2002. Vol. 10. P. 187–196. URL: <https://doi.org/10.1002/sd.199>
25. *Fisher J., Rucki K.* 2017. Re-conceptualizing the Science of Sustainability: A Dynamical Systems Approach to Understanding the Nexus of Conflict, Development and the Environment // *Sustainable development*. 2016. Vol. 25. P. 267–275. URL: <https://doi.org/10.1002/sd.1656>
26. *Martynov A.* 2019. The Turn to Overall Sustainable Social Transformation: Does it Real? *Preprints*, 2018100148. <http://www.10.20944/preprints201810.0148.v2>.
27. *Gallop G.* Linkages between vulnerability, resilience and adaptive capacity // *Global Environmental Change*. 2006. Vol. 16. P. 293–303.
28. *Folke C.* Resilience (Republished) // *Ecology and Society*. 2016. Vol. 21, No. 4. P. 44–50.
29. Statistical annex of Alert Mechanism Report 2022. 2021. *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/info/publications/2022-european-semester-alert-mechanism-report>
30. Alert Mechanism Report 2023. 2022. *European Commission*. URL: <https://www.european-sources.info/record/alert-mechanism-report-2022>

31. *Белокрылова О.С., Лю Пэн.* Цифровые особенности современного рынка труда. 2023. С. 585–588. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-osobennosti-sovremennogo-rynka-truda>
32. *Aghion Ph., Antonin C., Bunel S., Jaravel X.* 2023. Modern manufacturing capital, labor demand and product market dynamics: Evidence from France. Centre for economic performance. Discussion Paper No. 1910. URL: <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1910.pdf>
33. *Sadollah A., Nasir M., Zong W.G.* 2020. Sustainability and Optimization: From Conceptual Fundamentals to Applications. Sustainability, 14 May.
34. Get-ready-for-the-next-wave-of-ESG-reporting. 2023. KPMG. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/br/pdf/2023/6/Get-ready-for-the-next-wave-of-ESG-reporting.pdf>
35. *Acemoglu D., Jonas Loebbing J.* 2022. Automation and Polarization. NATIONAL BUREAU OF ECONOMIC RESEARCH WORKING PAPER 30528. URL: <https://doi.org10.3386/w30528>
36. Если быть точным // Ведомости. 3 ноября, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles>
37. World economic outlook. Global recovery is steady but slow and differs by region. IMF. April, 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024>
38. *Mazarr M.* Summary of the Building a Sustainable International Order Project. RAND Corporation. 2018. URL: https://rand.org/pubs/research_reports/RR2397.html
39. *Мартынов А.* Устойчивый прогресс как результат общесоциальной трансформации // Общество и экономика, 2021. №1. С. 100–120. URL: <https://doi.org10.31857/S020736760013405>
40. 30-year return forecasts (2023–52). 2023. Schroders. URL: <https://mybrand.schroders.com/Long-run-return-forecasts-2023-Part-2a.pdf>
41. *Мартынов А.* К национальной стратегии устойчивого развития // Общество и экономика, 2022. № 12. С. 88–112.

Arkady Martynov (e-mail: socpolma1@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Head Researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

ECONOMIC TRANSFORMATION AS A COMPONENT OF SOCIETAL TRANSFORMATION: AN INTEGRATIVE VISION

The article is devoted to the problem of assessing the impact of economic transformation on the development of society. Particular attention is paid to the well-received drivers of economic change in the current decade – widespread digitalization and the gradual establishment of a “green”, carbon-free economy. The interpretation of sustainable societal transformation as a universal systemic process is substantiated. According to the argumentation presented, it is reasonable to assess the results of the transformation of the national economy based on indicators of the degree of its approach to a sustainable trajectory. The final part of the article reveals the role of economic transformation as a driver of future general social progress, which becomes achievable provided that the optimistic consolidated scenario of global development is fulfilled.

Keywords: economic transformation, social transformation, digitalization, carbon-free economy, sustainable development.

DOI: 10.31857/S0207367624070023, **EDN:** BASHZG

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 331.5; 338.24.021.8; 316.44

Ирина Соболева

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: irasobol@gmail.com)

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ И РЫНКА ТРУДА

В статье сквозь призму системы общественных и индивидуальных потребностей, удовлетворяемых в сфере образования, прослеживаются основные этапы ее реформирования в постсоветский период, анализируются последствия реформ для социального развития и для рынка труда. Показано, что в период социально-экономических трансформаций и адаптации к рыночным реалиям недооценка специфических особенностей сферы образования привела к формированию устойчивых механизмов эрозии качества образования и сбою в работе его ключевых функций. Раскрыты глубинные факторы устойчивости деформации сферы образования, расхождения структуры профессионального образования и потребности экономики в рабочей силе, сбоев механизма социального выравнивания. Обсуждаются альтернативные подходы к финансированию образования, учитывающие специфику производства и использования создаваемых в этой сфере благ.

Ключевые слова: сфера образования, рынок труда, социальное выравнивание, механизмы эрозии качества, финансирование образования.

DOI: 10.31857/S0207367624070033, EDN: BAKBFW

Введение

Сегодня практически все исследователи и хозяйственники главным барьером для обеспечения устойчивого экономического роста видят обострившийся кадровый голод. Кадровые агентства фиксируют дефицит работников самых разных специальностей. Потенциальная рабочая сила стремительно сокращается, свидетельствуя о постепенном истощении незадействованного ресурса труда. Однако при резком сокращении безработицы и исчерпании резервов трудовых ресурсов пока что численность занятых, напротив, демонстрирует тенденцию к росту. В 2023 г. она достигла 73,7 млн человек, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 1 млн человек (1,4%). Иными словами, устойчиво неблагоприятная демографическая динамика хотя и должна стать серьезным фактором сокращения предложения труда в стратегической перспективе, в настоящее время не вносит особого вклада в нарастающий дисбаланс спроса и предложения на рынке труда. Две зоны наиболее острого дефицита – ниши малоквалифицированного труда в гостиничном и ресторанном бизнесе, строительстве, торговле и секторы экономики, опирающиеся на труд высокой квалификации. И если в первом случае важным фактором стало сокращение притока мигрантов, то за нехватку квалифицированных работников в немалой степени ответственна формирующаяся в процессе непрерывного реформирования система образования, не отвечающая нуждам сегодняшнего дня.

Образование играет важнейшую и растущую роль среди отраслей нематериального производства, обеспечивающих развитие человеческого потенциала, необходимого для успешного социально-экономического развития. В большинстве стран мира поддержка сферы образования декларируется как один из важнейших приоритетов государственной политики, а разработка эффективных механизмов такой поддержки, отвечающих динамично изменяющимся реалиям, неизменно попадает в фокус внимания исследователей и международных организаций. Россия с советских времен унаследовала одну из лучших на тот момент систем образования среди развитых стран, которую без преувеличения можно было считать одним из ключевых ресурсов национальной конкурентоспособности. По индикаторам уровня образования населения и накопленного человеческого капитала наша страна и сегодня удерживает достаточно высокие позиции в мировых рейтингах [30, 33]. В то же время траектория развития сферы образования была противоречивой. На протяжении последних десятилетий здесь накопилось немало проблем, требующих осмысления. Сегодня система образования несет глубокий отпечаток зависимости от недавнего прошлого и развивается по сформированной колее, выбраться из которой довольно трудно.

В статье сквозь призму системы общественных и индивидуальных потребностей, удовлетворяемых в сфере образования, прослеживаются основные этапы ее реформирования в постсоветский период, последствия этих реформ для социального развития и для рынка труда, обсуждаются альтернативные подходы к финансированию образования, учитывающие специфику производства и использования создаваемых здесь благ.

Особенности сферы образования

В комплексе отраслей нематериального производства сфера образования играет особую роль и обладает спецификой, отличающей ее от других социальных отраслей – таких как здравоохранение и культура. Отличительными особенностями этой сферы являются: 1) отложенный и часто сильно растянутый во времени эффект от потребления создаваемых здесь благ; 2) крайне высокая степень интерактивности во взаимодействии с потребителем; 3) «равновеликость» ее социальных и экономических функций и широкий спектр удовлетворяемых потребностей.

Монетарную и немонетарную отдачу от образования человек может ощущать на протяжении всей жизни, но пик этой отдачи, как правило, не приходится на первые годы трудовой карьеры [18, 32]. Существует немало свидетельств влияния образования как на динамику экономического роста [13, 34], так и в аспекте общего оздоровления социального климата [31]. Однако в большинстве случаев позитивный эффект развития образования как на индивидуальном, так и на общественном уровне проявляется с некоторым лагом, а отслеживание его связи с параметрами системы образования и с затратами труда и материальных ресурсов на его получение требует специальных усилий.

Процесс получения образования отличает основополагающая роль совместной деятельности контрагентов возникающих здесь отношений. Интерактивность в той или иной степени свойственна не только образованию, но и другим социальным отраслям, где производится нематериальный продукт, эффективность усвоения

которого существенно по сравнению с материальным производством зависит от характеристик не только самого продукта, но и его потребителя. В случае культуры эффект взаимодействия особенно ощутим в исполнительских искусствах, где артистам необходима «энергетика» зрительного зала [11]. Однако и в других случаях восприятие предложенного продукта требует некоторых эмоциональных и интеллектуальных усилий со стороны потребителя. В здравоохранении важным фактором успешного лечения является уровень доверия медицинскому персоналу, моральный настрой и тщательность выполнения рекомендаций. Более того, согласие или несогласие на выполнение тех или иных действий дает сам пациент, тем самым непосредственно участвуя в формировании подхода к лечению [28].

Однако в сфере образования требуемый уровень интерактивности качественно иной. Получение образования предполагает затраты труда обучаемого, по крайней мере сопоставимые с затратами труда педагога, а во многих случаях превышающие их. Иными словами, потребитель является одновременно производителем этого нематериального блага. Крайний случай – самообразование, когда потребитель является по существу единственным производителем им же усваиваемого продукта. В то же время в образовании, в отличие от здравоохранения и в некоторых случаях культуры, принципиально невозможна обратная ситуация, когда единственным производителем выступает педагог. С учетом этого обстоятельства, представляется неправомерной утвердившаяся в современном российском экономическом мейнстриме трактовка образования как услуги, сопоставимой, например, с услугами медицинских учреждений или учреждений культуры¹.

Наконец, третьей важнейшей особенностью является широта спектра возложенных на сферу образования функций, которая связана со множественностью прямых и косвенных потребителей продукта данной отрасли нематериального производства (табл. 1). Между индивидуальными и общественными потребностями, которые удовлетворяются в сфере образования, можно установить некоторое примерное соответствие. Наиболее очевидной базовой функцией образования на уровне общества в целом является передача/приобретение накопленных предшествующими поколениями запасов знаний. Изначально доступ к этим запасам через образование был привилегией элиты и служил упрочению ее власти. Соответственно, за образованием закрепилась и его исторически исходная социальная функция – поддержание сложившегося общественного порядка, иерархической структуры социальных страт. С развитием общества и усложнением производственных процессов все большее значение приобретает экономическая функция образования – подготовка работников с необходимыми для обеспечения нормального хода экономических процессов профессионально-квалификационными характеристиками. Одновременно расширяется и модифицируется спектр социальных функций образования. В современном

¹ Отметим, что принятый 14.07.2022 г. Федеральный закон № 295-ФЗ зафиксировал исключение из российского законодательства термина «образовательная услуга», уравнивающего нематериальный продукт сферы образования и коммерческие услуги торговли, банковского сектора сферы обслуживания и т.п. Тем не менее методологический подход к образованию как к услуге и сегодня широко используется в аналитике и разделяется значительной частью научного сообщества [20, 23].

обществе это важнейший инструмент распространения социально одобряемых ценностей и норм, признанный механизм совершенствования социальной структуры, сглаживания противоречий, социального выравнивания.

Такой структуре важных для общества функций образования в целом соответствует и их структура на индивидуальном уровне, направленная на удовлетворение потребностей отдельного человека. Прежде всего образование удовлетворяет базовую функцию получения знаний об окружающем мире, духовного обогащения, развития заложенных в человеке потенций. Не менее важной в современном мире является социальная функция образования – усвоения принятых в обществе норм и поведенческих практик, формирования мировоззренческих установок. Обе эти функции имеют инструментальный аспект, связанный с приобретением нематериальных активов, способных приносить их обладателям монетарную и немонетарную отдачу в различных сферах жизнедеятельности.

Таблица 1

Функции сферы образования

На индивидуальном уровне	На уровне общества
Приобретение знаний об окружающем мире, личностное развитие (базовая потребность).	Сохранение накопленных предшествующими поколениями запасов нематериального богатства.
Социализация, интеграция в социальную реальность.	Распространение социально одобряемых ценностей и норм.
Приобретение знаний и навыков, способных принести экономическую отдачу, укрепить конкурентоспособность на рынке труда.	Насыщение рынка труда рабочей силой с профессионально-квалификационными характеристиками, соответствующими спросу работодателей.
Повышение социального статуса (социальный лифт) посредством:	Сохранение/развитие социальной структуры, социальное выравнивание.
— установления социальных связей;	Генерирование перспективных потребностей.
— приобретения формальных статусных отличий (дипломы, сертификаты).	
Преодоление функциональной неграмотности.	

Источник: составлено автором.

Идеология и практическая направленность развития сферы образования определяется ранжированием функций, выстраиванием иерархии приоритетов, в основе которой – система ценностей, разделяемых в том или ином обществе. При этом значение имеют как официально декларируемые приоритеты и ценности, так и ценностные установки, *de facto* разделяемые различными слоями населения. Радикальные изменения или сдвиги в идеологии неизбежно требуют реформ сферы образования. В то же время важным фактором, влияющим на направленность и глубину реформ, является предшествовавшая траектория развития [17, 22]. В значительной мере выраженность зависимости от прошлого

в развитии сферы образования связана с тем, что, в отличие от большинства отраслей материального и нематериального производства, эта сфера сама ответственна за формирование и распространение ценностных установок и норм.

Рыночный разворот системы образования: итоги 1990-х

В начале 1990-х годов Россия вошла в процесс реформ, обладая одной из лучших по стандартам того времени систем образования. К ее безусловным преимуществам можно отнести установку на поддержание единых стандартов качества для всех учебных заведений, расположенных на огромной территории страны; фундаментальный характер образования и относительно высокое соответствие пропорций системы профессионального образования потребностям народного хозяйства в рабочей силе с различным профилем подготовки². При этом советское образование отличала гипертрофированная роль идеологической составляющей и безусловное доминирование общественного интереса, следствием чего стала излишняя жесткость системы и недостаточный учет индивидуальных потребностей учащихся на всех ее уровнях.

В целом иерархия приоритетов в сфере образования и на уровне общества, и на индивидуальном уровне выстраивалась достаточно разумно. Высшие позиции и в том, и в другом случае занимали функции, связанные с приобретением знаний, развитием способностей и навыков, в том числе (но не только) обладающих практической полезностью и способных принести экономическую отдачу. Следующую ступень занимали функции, связанные с социализацией, формированием ценностных установок и социальным выравниванием, в то время как приобретение формальных символических атрибутов, связанных с получением образования, в основном воспринималось лишь как естественный сопутствующий результат. В процессе становления новых социально-экономических реалий это положение изменилось.

Переход от идеологии советского типа к идеологии свободного рынка спровоцировал радикальный разворот иерархии приоритетов в сфере образования. Во главу угла встал не просто индивидуальный интерес, что отражало бы стремление наиболее полно учесть потребности различных слоев и групп населения, в том числе уязвимых, требующих специфических условий для своего полноценного развития, а индивидуальный интерес, подкрепленный платежеспособным спросом. На фоне резкого сокращения доходов основной массы населения страны и возрастания риска бедности, в особенности для семей с детьми, такое развитие событий послужило триггером для превращения образования из инструмента социального выравнивания в фактор закрепления социальных различий и роста неравенства.

Опора на индивидуальный интерес и рыночную конкуренцию как ключевые факторы перестройки сферы образования имела и другие плачевные последствия. Такой подход заложил теоретико-методологическую основу для оправдания

² Вряд ли можно признать справедливой позицию ряда идеологов реформ, согласно которой идеальной целью советской системы профессионального образования была «подготовка «винтиков» с кругозором, ограниченными производственными задачами своего рабочего места» [14. С. 17]. Тем более что несколькими страницами ниже авторы сами вынуждены признать, что излишняя специализация вузов компенсировалась программами обучения, предполагавшими широкое базовое образование» [14. С. 21].

резкого сокращения ее государственного финансирования³. Точка зрения, согласно которой ключевым фактором эффективного развития сферы образования является конкуренция между учебными заведениями за покупателей «образовательных услуг», прочно укоренилась не только в исследовательском сообществе, но и в государственных структурах. Она получила институциональное закрепление в принятом в 1992 г. новом законе «Об образовании», дополнительную поддержку в законе 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» и в «Концепции реформирования российского образования до 2010 года», делающих специальный акцент на развитие коммерческой составляющей образовательной среды.

Результаты разворота сферы образования в сторону рыночных отношений отражены в табл. 2. В первое десятилетие реформ государственные вложения в образование в реальном выражении сократились более чем вдвое. В то же время расширялась система высшего образования. Рост происходил почти исключительно за счет коммерческого сектора – развития сети негосударственных вузов и увеличения числа студентов, оплачивающих обучение за счет собственных ресурсов домохозяйств.

Таблица 2

Некоторые индикаторы развития образования в первое десятилетие реформ, 1991–2001 гг.

Показатель	1991	1993	1995	1997	1998	1999	2001
Государственные расходы							
% ВВП	3,6	4,5	3,7	4,5	3,7	3,2	3,1
в сопоставимых ценах	100	65	45	52	38	43	48
Число вузов							
всего	519	626	762	880	914	939	1008
государственных	519	548	569	578	580	590	621
частных	–	78	193	302	334	349	387
Динамика контингента студентов							
Индекс (1991=100)	100	94,6	101,0	117,6	130,2	147,4	171,6
Доля бюджетников	100	97,3	87,0	84,2	59,6	59,4	59,2

Источник: составлено по данным Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ и [8].

На первый взгляд такое развитие событий представлялось вполне благополучным: охват верхними ступенями образования вырос, увеличилась средняя продолжительность обучения, а образовательные учреждения, несмотря на сокращение государственного финансирования, сумели выжить, опираясь на дополнительные ресурсы, полученные в результате интеграции в экономику свободного рынка. Однако недооценка рассмотренных выше специфических

³ Следует отметить, что по этому пути пошли отнюдь не все страны, столкнувшиеся с необходимостью социально-экономических трансформаций. В большинстве стран Восточной Европы государственные инвестиции в образование в период трансформационного кризиса, наоборот, увеличились, что позволило, несмотря на высокую инфляцию, сохранить или даже расширить масштабы государственной поддержки этой сферы, важнейшей и для человеческого развития, и для национальной конкурентоспособности [8].

особенностей сферы образования привела к тому, что в процессе адаптации к рыночным реалиям сформировались устойчивые механизмы эрозии качества образования и произошел сбой в работе его ключевых функций.

В то же время позитивная тенденция более полного учета индивидуальных интересов, отказа от чрезмерной жесткости советской системы образования с ее унифицированными требованиями к учащимся, расширение вариативности образовательных траекторий и программ порождает серьезные риски снижения качества и провалов в образовании. Это связано с тем, что размываются стандарты его оценки, контроль качества становится более сложным и затратным и расширяются возможности для оппортунистического поведения. В благоприятных условиях важными факторами поддержания стандартов качества являются уровень профессионализма и морально-этические установки кадрового корпуса. При ухудшении социально-экономической ситуации и снижении уровня благополучия, связанного с работой, этот ресурс постепенно утрачивается, как это произошло в России в период трансформационного кризиса.

Результатом стал раскол системы образования на элитарную и массовую, сопровождавшийся снижением качества массового образования [8, 24]. Если в элитных учебных заведениях с достаточным уровнем финансирования, обеспечивающим хорошую материальную базу и достойный уровень заработной платы педагогического состава, и педагоги, и учащиеся могли в полной мере воспользоваться возможностями доступа к современным технологиям обучения и расширения гибкости учебного процесса, то в массовой школе сложилась иная ситуация. Износ материальной базы и дефицит кадров усугублялись вынужденным оппортунистическим поведением педагогов, сознательно делавших объяснение материала возможно более лаконичным, создавая базу для перекрестного репетиторства [1].

Дополнительный механизм эрозии качества профессионального образования сформировался в ходе подстройки масштабов и структуры приема в вузы под платежеспособный спрос населения, обладающего часто очень скромными финансовыми возможностями. Увеличившийся приток молодых специалистов с дипломами на рынок труда повысил планку требований работодателей к претендентам на рабочие места. Формальный документ о высшем образовании приобрел роль пропуска в достойную занятость, потеснив усвоение знаний и навыков в индивидуальной иерархии приоритетов. В этой ситуации рациональной стратегией стало снижение финансовых и трудовых затрат на получение высшего образования. Рос спрос на эрзац-образование, предъявляющее минимум требований к субъекту его получения и доступное семьям с невысоким доходом. Тем самым была создана благоприятная почва для мягких форм коррупции, ведущих к снижению стандартов качества образования, предлагаемого учебным заведением по обоюдному согласию производителя и потребителя «образовательных услуг».

Еще одним аспектом действия этого механизма стало обострение профессионально-квалификационного дисбаланса на рынке труда. Проблема неиспользования образовательного потенциала в связи с расхождением профиля образования и требований рабочего места существовала и в советской экономической системе, особенно в преддверии ее краха. Однако в тот период главным

фактором выступали диспропорции оплаты труда: специалисты с высшим образованием, зарабатывавшие существенно меньше квалифицированных рабочих, переходили на рабочие должности для увеличения зарплаток [26]. С переходом к рынку факторы дисбаланса умножились, масштабы выросли, а его контуры приняли иные очертания.

Расширению масштабов ориентированного на запрос населения дешевого образования гуманитарного и социально-экономического профиля способствовала искаженная трансформационным кризисом структура спроса на труд. На старте реформ реальный сектор экономики переживал трудные времена, в то время как рыночные сектора (торговля, финансы, операции с недвижимостью) переживали бум и на первых порах могли поглотить значительный объем новых работников, обладающих не очень качественным «общим высшим образованием». В дальнейшем ситуация изменилась, но маховик уже был запущен. На рубеже тысячелетий, по данным Росстата, три четверти выпускников вузов имели гуманитарное, социально-экономическое или педагогическое образование.

Тревожные тенденции в сфере профессионального образования, обусловленные резким снижением качества и рассогласованием структуры выпускаемых кадров с потребностями экономики, не остались незамеченными. Специалисты фиксировали подрыв ключевой народнохозяйственной функции образования – обеспечения перспективной потребности экономики в квалифицированных кадрах [4, 16, 27], возросший уровень безработицы среди выпускников вузов [10], устойчивое снижение качества образования в оценках работодателей [9, 25]. Был поднят вопрос о необходимости усиления государственного вмешательства для смягчения диспропорций и проблем, обострившихся в период рыночной трансформации.

Новый раунд реформирования образования

Корректирующие реформы в сфере образования были запущены на рубеже 2000–2010-х годов. Наряду с постепенно осознаваемой необходимостью поставить заслон снижению качества массового образования и переориентировать пропорции системы в направлении потребностей экономики в квалифицированных кадрах важным триггером корректирующих институциональных реформ стала интеграция России в глобальную экономику. Появилась потребность взаимного признания дипломов. Это поставило на повестку дня вопрос о вступлении России в Болонский процесс, что требовало соблюдения стандартов, установленных в международном образовательном пространстве.

При том что основная дискуссия сосредоточилась вокруг достоинств и недостатков законодательного закрепления единого государственного экзамена и двухступенчатой системы высшего образования, в ходе подготовки реформы были затронуты и такие не менее важные вопросы, как недостаточность государственного финансирования, снижение качества образования и его несоответствие потребностям работодателей. Характерно, что о необходимости увеличения централизованных инвестиций в развитие сферы образования в этот период заговорили и представители либеральной экономической мысли, поддержавшие реформы 1990-х годов [7, 15]. Под одновременным давлением как внутренних, связанных с нарастающей неудовлетворенностью работодателей профессиональ-

но-квалификационными характеристиками выходящей на рынок труда молодежи, так и внешних, идущих от международных стандартов, факторов в 2012 г. был принят новый закон об образовании, пришедший на смену законам 1992 и 1996 г. Он предусматривал структурную перестройку не только высшего, но и среднего профессионального образования в целях его адаптации к реалиям технологического развития и повышения престижа рабочих профессий. К важным аспектам реформы следует отнести введение регулярного мониторинга эффективности высших учебных заведений, законодательное закрепление стандартов достойной оплаты труда педагогов и введение ряда законодательных ограничений на расширение масштабов платных услуг в сфере школьного образования.

В августе—сентябре 2012 г. впервые был проведен мониторинг государственного сектора высшего профессионального образования. По его результатам более четверти из 502 обследованных вузов не удовлетворяли установленным стандартам организации образовательного процесса, а среди их филиалов проверку не прошло более половины [21]. В дальнейшем мониторинг с еще менее утешительными итогами был распространен на негосударственные учебные заведения. Вузы, показавшие неудовлетворительные результаты, были либо реорганизованы, либо лишены лицензий и закрыты. За десятилетие общее число вузов сократилось на треть, в том числе частных — более чем вдвое (табл. 3).

Таблица 3

Некоторые индикаторы развития образования в новом тысячелетии, 2000–2021 гг.

Показатель	2000	2005	2010	2019	2020	2021
Государственные расходы (% ВВП)	2,9	3,7	4,2	4,3	4,0	3,6
Число вузов						
Всего	965	1068	1115	724	710	717
Государственных	607	655	653	495	497	501
Частных	358	413	462	229	213	216
Доля студентов-бюджетников						
Высшее образование	59,1	42,5	37,2	46,5	47,0	47,8
Специалисты среднего звена	67,4	61,9	69,9	64,2	61,7	60,4

Источник: составлено по данным Мониторинга образования НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Таким образом, предпринятые реформы способствовали некоторому оздоровлению ситуации в сфере образования. Тем не менее главные тренды первых постсоветских десятилетий повернуть вспять не удалось. Как хорошо видно из табл. 3, несмотря на достигнутый консенсус исследователей в отношении необходимости увеличения государственных усилий по поддержке сферы образования, их уровень до сих пор остается весьма скромным и существенно отстает от большинства развитых экономик [3, 18]. Платный сектор образования устойчиво расширяется, постепенно распространяясь и на среднее профессиональное образование. Следствием этого является, с одной стороны, устойчивость профессионально-квалификационного дисбаланса, с другой — сбой в работе

важнейшей функции образования – социального выравнивания. Согласно результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения⁴, по специальности работают лишь около половины занятых в экономике лиц, имеющих диплом о профессиональном образовании (табл. 4). И если для старших поколений это во многом обусловлено радикальными сдвигами в структуре занятости в период трансформаций, то в случае молодежи ведущую роль играет расхождение пропорций системы профессионального образования и потребности в рабочей силе.

Таблица 4

Соответствие профессионального образования по диплому требованиям рабочих мест, 2014–2022 гг.

Показатель	2014	2016	2018	2020	2022
Занятое население в целом (%)					
Работают по своей специальности	46,4	46,7	46,9	46,8	49,1
Работают по близкой специальности	17,4	18,1	17,6	19,9	19,4
Работают не по специальности	36,2	35,0	35,5	33,2	31,5
Занятое население трудоспособного возраста (%)					
Работают по своей специальности	46,7	47,0	47,1	47,1	49,4
Работают по близкой специальности	17,9	18,4	18,0	20,4	19,6
Работают не по специальности	35,4	34,4	34,9	32,4	30,9
Занятое население в возрасте до 29 лет (%)					
Работают по своей специальности	46,2	45,6	46,0	46,8	47,6
Работают по близкой специальности	17,9	19,1	17,3	20,0	19,5
Работают не по специальности	35,9	35,2	36,7	33,0	32,8

Источник: составлено по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за соответствующие годы.

Показательны результаты опроса экспертного сообщества экономистов «Государство, гражданское общество, гуманитарный сектор экономики»⁵. С тем, что существующая система профессионального образования способна удовлетворить потребности национального рынка труда, в той или иной степени согласны менее 40% экспертов из научно-исследовательских структур, но более половины представителей профессорско-преподавательского состава вузов. Доля экспертов, убежденных, что в современных российских реалиях система образования работает на усиление неравенства, поскольку качественное образование доступно не всем, почти втрое превышает долю тех, по мнению которых доступность образования создает для всех равные возможности. В целом среди экспертов доминирует отрицательная или «скорее отрицательная» оценка политики государства в сфере образования, ее дали 44,4% экспертов.

⁴ На сопоставимой основе проводится Росстатом с 2014 г. каждые два года.

⁵ Интернет-опрос был проведен в 2023 г. по инициативе Новой экономической ассоциации при участии ряда научных организаций и учреждений высшего образования. В нем приняли участие 752 эксперта. Подробнее см. <https://www.econorus.org/socmon.phtml>

Положительно или «скорее положительно» государственную политику в этой сфере оценивает лишь один из пяти экспертов (22%), в то время как около трети придерживаются нейтральной оценки.

В ходе непрекращающейся дискуссии о перспективных направлениях государственной политики в сфере образования обсуждается необходимость развития кадрового потенциала отрасли, в том числе — через стимулирование научно-исследовательской деятельности в вузах, укрепления их связи с профильным бизнесом, предъявляющим спрос на выпускников, и выравнивание региональных различий в условиях получения образования [2, 12]. Одновременно реализуется линия на особую поддержку элитарного корпуса учебных заведений, задающих планку высокого качества образования.

Значительно реже в зону дискуссии попадают глубинные факторы деформации сферы образования, прямо связанные с ее переводом на рыночные рельсы, которые хотя и наталкиваются на барьеры, выставленные законом об образовании 2012 г., тем не менее сохранили жизнеспособность и продолжают действовать [5, 29]. Прежде всего это касается не только источников, но и механизмов финансирования образования. Сегодня практически по всему миру, в том числе в странах с высоким уровнем государственных инвестиций в образование, утвердилась практика опоры на множественность источников финансирования. При этом получило распространение не только финансовое участие бизнес-структур, опора на спонсоров и эндаумент-фонды, но и привлечение средств населения, предъявляющего спрос на различные виды образования. Однако нигде, кроме России и некоторых стран постсоветского пространства, не практикуется сочетание двух принципиально различных моделей доступа к образованию в зависимости от взятых на себя финансовых обязательств.

Разделение студентов на бюджетных и коммерческих подрывает здоровую конкуренцию абитуриентов. Тем самым оно, с одной стороны, тормозит механизм отбора более способных и мотивированных претендентов для обучения в вузах (являющийся одной из отправных точек эффективного образовательного процесса). А с другой стороны, оно подрывает базовые моральные нормы и представления о справедливости, снижает мотивацию к приложению усилий, направленных на усвоение необходимых для продолжения образования базовых знаний и умений.

В дальнейшем студент, обучающийся на коммерческой основе, чувствует себя защищенным от академических провалов, поскольку хорошо знает, что с его отчислением учебное заведение лишится и связанных с ним финансовых поступлений. Поэтому такая модель не только способствует структурным диспропорциям профессионального образования и потребности экономики в кадрах, о чем шла речь выше, но и порождает веер факторов, отрицательно влияющих на качество образовательного процесса и его результата. Тем не менее в российских условиях она оказалась необычайно устойчивой, сформировав одну из основных институциональных ловушек. Ее устойчивость связана с поддержкой со стороны всех контрагентов, в том числе и со стороны домохозяйств, для которых недорогое платное образование выступает действенным механизмом амортизации стресса и неопределенности, связанных с конкурсным поступлением в вуз, механизмом,

к которому они привыкли и от которого не хотят отказываться. Дополнительным фактором устойчивости колеи, в которой сегодня развивается российская система образования, является сформировавшееся за три последних десятилетия низкое качество обучения в массовой школе, недостаточность базовой подготовки для успешного овладения сложной программой инженерных и естественно-научных специализаций.

Заключение

Сегодня изменения спектра вызовов для социально-экономического развития страны закономерно привели к развороту ракурса реформ в сфере образования. Наиболее активно обсуждается необходимость новых структурных реформ, связанных с отказом от стандартов Болонской системы. Активно обсуждается целесообразность использования советского опыта, когда страна, по общему признанию, обладала одной из лучших систем образования. Предполагается сокращение числа бюджетных мест по гуманитарным и социально-экономическим специальностям, где готовят специалистов для поддержки рыночной инфраструктуры. Симптоматично, что при этом никто не ставит вопрос о сокращении коммерческого сектора высшего и среднего профессионального образования, отвлекающего на себя материальный и кадровый ресурс и служащего триггером снижения качества и эффективности функционирования сферы образования.

Представляется, что наиболее важный принцип, который сегодня целесообразно заимствовать из советской системы при построении экономических основ функционирования сферы образования, состоит в жестком ограничении допуска в эту сферу рыночных, коммерческих отношений. В то же время ориентация на советскую модель образования, спрессованную на начальных этапах жизненного пути и жестко увязывающую направления подготовки в системе профессионального образования с запланированной на перспективу структурой экономики, вряд ли оправдана в современных динамично меняющихся реалиях. Такая модель показала свою эффективность в условиях медленных по сравнению с сегодняшним днем темпов научно-технического прогресса и структурных сдвигов в экономике. Знания и навыки устаревали медленно, приобретенный в молодости человеческий капитал, который постепенно модифицировался по мере «накопления производственного опыта», долго сохранял первоначальную ценность. Часто его хватало на всю трудовую жизнь.

Сегодня ситуация качественно иная. Стремительность технологических сдвигов меняет требования к организации и содержательному наполнению институтов системы образования. На первый план выходят гибкость системы и более равномерное распределение процесса получения образования по этапам жизненного цикла. В профессиональном образовании возрастает важность развития адаптационных возможностей, приобретения навыков модернизации получаемых знаний и компетенций, подстройки квалификационного профиля к меняющимся требованиям рабочих мест. В системе должны быть заложены механизмы корректировки индивидуальной образовательной траектории как в процессе базового этапа приобретения общего и профессионального образования на старте трудовой карьеры, так и на следующих этапах жизненного

цикла, что многократно увеличивает значимость образования взрослых, широкого распространения непрерывного образования в течение всей жизни как не просто нормальной, но обязательной практики современного этапа общественного развития. Этот процесс уже набрал силу практически во всех экономически развитых странах, но в России на сегодняшний день находится в зачаточном состоянии [6].

С учетом современных реалий основные звенья процесса получения образования, механизмы доступа к ним и распределение финансовой ответственности между заинтересованными сторонами могли бы выглядеть следующим образом. Первое звено – базовое образование, в той или иной форме обязательное для всех вне зависимости от желания, мотивации, характеристик домохозяйства и иных обстоятельств. Его предоставление контролируется и полностью финансируется государством. Второе звено – общедоступное образование, предоставляемое всем претендентам при условии их соответствия установленным стандартам качества, проверяемым посредством квалификационных экзаменов, собеседований и т.п. Его предоставление финансируется или активно субсидируется государством, но допускается софинансирование со стороны домохозяйств при наличии у них финансовых возможностей.

Третье звено – профессиональное образование, предоставляется на конкурсной основе в объемах, определенных с учетом прогнозных оценок потребности экономики в кадрах. В случае превышения спроса над предложением предполагает конкуренцию между претендентами в процессе единых для всех конкурсных экзаменов и допускает софинансирование со стороны работодателей и домохозяйств (при ведущей роли государственных инвестиций) только при условии успешного прохождения конкурсного отбора.

Четвертое звено – непрерывное образование в течение всей жизни, приобретаемое в целях саморазвития, подстройки под изменившийся рынок труда, ликвидации функциональной неграмотности. Будущее именно за этим видом образования, который на индивидуальном уровне расширяет альтернативные пути построения успешной трудовой карьеры, а на уровне экономики служит важнейшим инструментом преодоления структурных дефицитов рынка труда, неизбежно порождаемых стремительным развитием технологического базиса. Его финансовая поддержка предполагает использование разнообразных механизмов с привлечением средств государства, населения, бизнеса и некоммерческих организаций.

В силу ожидаемого сопротивления со стороны представителей практически всех слоев населения, в котором уже укоренились рыночные установки и стереотипы поведения, связанные с доступом в сферу образования и механизмами его получения, даже постепенный переход к модели, предполагающей развитие этой сферы на иных началах, сопряжен с большими трудностями. Однако ориентация государственной политики в этом направлении будет способствовать повышению как экономической, так и социальной отдачи национальной системы образования.

Литература

1. *Абанкина И.В., Белова Ю.Ю., Зиньковский К.В., Латыпова Е., Милованов А.Е.* Есть ли у педагогов альтернатива репетиторству для увеличения доходов? // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 8–32.
2. *Абанкина И.В., Семенова К.А.* Образование: инвестиции в будущее // В кн.: Гуманитарный сектор патерналистского государства / Под общ. ред. А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетей, 2023. Гл. 4. С. 108–151.
3. *Агранович М.Л.* Экономика российского образования через призму международных сравнений // Экономика образования. 2014. № 3. С. 15–17.
4. *Александрова О.А.* Высшее образование и структура российской экономики // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 27–37. EDN IBVKDL
5. *Александрова О.А.* Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 157–168. URL: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168.
6. *Баскакова М.Е., Чубарова Т.В.* Непрерывное образование в России как механизм воспроизводства человеческого потенциала: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 169–184. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.10>
7. *Беляков С.А., Агранович М.Л., Озерова Н.Б., Клячко Т.Л.* Система финансирования образования. Анализ эффективности. М.: Технопечать, 2003. 180 с.
8. *Болдов О.Н., Иванов В.Н., Суворов А.В., Широкова Т.К.* Динамика и структура сферы образования в России в 90-е годы // Проблемы прогнозирования. 2002. № 4. С. 123–124.
9. *Бондаренко Н.* Запросы работодателей к качеству профессиональной подготовки работников // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 3 (77). С. 41–58.
10. *Бюраева Ю.Г.* Дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда (на примере Республики Бурятия // ЭКО. 2015. № 5.
11. *Кабдиева С.Д.* Театр периода пандемии // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2020. № 2. С. 200–206.
12. *Клячко Т.Л.* Образование в России и мире: основные тенденции // Образовательная политика. 2020. № 1(81). С. 26–40.
13. *Колосницына М.Г., Ермолина Ю.Е.* Государственные расходы на образование и экономический рост: межстрановой анализ // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 70–85.
14. *Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д.* Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
15. *Кузьминов Я.И., Рудник Б.Л.* Интегрированная модель финансирования высшего профессионального образования Российской Федерации // Экономика образования. 2007. № 2. С. 18–33.
16. *Кязимов К.Г.* Проблемы несбалансированности объемов и профилей подготовки кадров с потребностями современного рынка труда // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 63–68.
17. *Латов Ю.В.* Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3. С. 36–43.
18. *Лемешонок О.* Воспроизводство человеческого потенциала в современных условиях функционирования системы образования // Общество и экономика. 2023. № 11. С. 46–55.
19. *Марцинкевич В.И.* США: Человеческий фактор и эффективность экономики. М.: Наука, 1991. 240 с.
20. *Мигранова Л.И.* Анализ состояния и перспектив развития рынка образовательных услуг региона // Управленческий учет. 2021. № 12 (3). С. 735–744.
21. Минобрнауки нашло признаки неэффективности у четверти российских вузов // Ведомости. 02 ноября 2012. URL: <https://inecon.org/zhurnal-lobshhestvo-i-ekonomikar.html>

22. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. URL: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/27257/1/ep99001.pdf>
23. Российский рынок образовательных услуг: текущая ситуация и основные игроки – 2024. М.: Analytic research group. 2024. 143 с.
24. *Рощина Я.М., Константиновский Д.Л., Вахитайн В.С., Куракин Д.Ю.* Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 186–202.
25. *Семено Г.В.* Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990–2005) // Экономические и социальные проблемы России. 2006. № 1. С. 129–147.
26. *Соболев Э.Н.* Деформации в оплате квалифицированного труда: истоки и механизмы преодоления // Экономическая безопасность. 2022. Том 5. № 3. С. 1009–1026. URL: <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.3.114901>
27. Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов по материалам Всероссийской научно-практической интернет-конференции с международным участием. Книга III. Петрозаводск: ПетрГУ. Петрозаводск, 2004. 268 с.
28. *Терзиева А., Стамболова И., Васильева Н.* Участие и роль пациентов в лечении. Взаимоотношения и взаимодействие в группе // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 2. С. 86–95.
29. *Яковлева Н.Г.* Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 36–46. URL: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46 EDN GNWDCQ
30. “Data Page: Human Capital Index”. Our World in Data (2024). Data adapted from World Bank. Retrieved from <https://ourworldindata.org/grapher/human-capital-index-in-2018>
31. *McMahon W.W.* The External Benefits of Education. In: International Encyclopedia of Education (Third Edition), Elsevier. 2010. P. 260–271. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-044894-7.01226-4>.
32. *Simister J.* Delayed Effects of Education on Graduate Earnings: A Degree of Hope // Global Journal of Human and Social Sciences. 2014. Vol. 14. No. 6. P. 33–41.
33. UNDP. Human Development Report 2023–24: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. New York: 2024.
34. *Valero A.* Education and economic growth. Working Paper No.1764. London: The Centre for Economic Performance, April 2021.

Irina Soboleva (e-mail: irasobol@gmail.com)

Grand Ph.D. in Economics, Chief Researcher,

Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

THE EDUCATION SPHERE OF POST-SOVIET RUSSIA IN THE MIRROR OF THE LABOUR MARKET REQUIREMENTS AND THE NEEDS OF THE POPULATION

Within the theoretical framework of social and individual needs satisfied in the sphere of education, the paper traces the main stages of educational reforms in the post-Soviet Russia, analyzes the consequences of the reforms for social development and for the labor market. It is shown that during the period of socio-economic transformations and adaptation to market realities, underestimation of specific features of educational process undermined its key functions and led to the formation of degradation mechanisms. The underlying factors exacerbating professional-educational mismatch and weakening mechanisms of social equalization are revealed. Taking into account the specifics of the sphere of education, alternative approaches to its financing are discussed.

Keywords: education, labor market, social equalization, quality erosion mechanisms, financing education.

DOI: 10.31857/S0207367624070033, **EDN:** BAKBFW

© 2024

УДК: 336.2, 351

Евгений Благолев

аспирант Аспирантской школы по государственному и муниципальному управлению, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
(e-mail: esblagolev@hse.ru)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ НА НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ

В статье анализируется влияние на неравенство в распределении доходов применяемых в России социальных налоговых вычетов на образование и здравоохранение. Цель исследования – количественная оценка перераспределительных эффектов данной фискальной меры. В работе также оцениваются эффекты возможных реформ предоставления налоговых вычетов; в частности, рассматривается сценарий с изменениями, предложенными в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в феврале 2023 г. и вступившими в силу в 2024 г. Информационную базу исследования составляют данные Федеральной налоговой службы и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Для анализа в работе использована микроимитационная модель RUSMOD, которая позволяет оценивать перераспределительные эффекты налоговых мер и трансфертов. Исследование показало, что применяемые в настоящий момент налоговые вычеты на образование и здравоохранение фактически не имеют значимого влияния на неравенство в распределении доходов. С другой стороны, в случае реформирования налоговых вычетов в сторону увеличения их лимитов и доли получателей наблюдается незначительное увеличение уровня неравенства доходов.

Ключевые слова: фискальная политика, налоговый вычет, неравенство доходов, перераспределение доходов.

DOI: 10.31857/S020736762407004, EDN: BAISRE

Введение. Во время экономических кризисов правительства сталкиваются с необходимостью стимулировать восстановление экономики и рост благосостояния, учитывая при этом проблемы социальной справедливости и ограничения государственного бюджета [32].

Многие государства предоставляют блага, от которых выигрывает все население, и которые имеют перераспределительный эффект, например услуги здравоохранения и образования [32]. В то же время страны заинтересованы в повышении профессиональных компетенций граждан и их здоровье, а потому принимают меры по стимулированию собственных расходов граждан в данных сферах [1].

Как и любая система преференций, меры фискального стимулирования искажают налоговую систему, в результате чего может снижаться ее прозрачность, а также проявляться непреднамеренные эффекты в других сферах, например повышаться неравенство доходов или включаться механизм регрессивного налогообложения. В то же время фискальная система должна учитывать растущий запрос граждан и общественных объединений на автономию и возможность принятия управленческих решений и самостоятельного распоряжения средствами, из которых финансируется предоставление государственных услуг [22, 24].

Частью мер фискального стимулирования является предоставление физическим лицам или домохозяйствам налоговых льгот. Налоговые льготы широко применяются в России и европейских странах [6]. Согласно ст. 56 Налогового кодекса РФ, налоговыми льготами признаются преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками, включая возможность не уплачивать налог или уплачивать его в меньшем размере¹.

Налоговые льготы в форме налоговых вычетов делятся на возвратные (*refundable*) и невозвратные (*nonrefundable*): если возвратный вычет превышает сумму уплаченных налогов, разница выплачивается в качестве возмещения, в то время как если невозвратный вычет превышает сумму уплаченных налогов, излишек теряется [39, 59]. Также предоставление или размер налоговых вычетов могут зависеть от доходов налогоплательщика: ряд вычетов предоставляется, например, только налогоплательщикам с низким уровнем дохода, ряд вычетов предоставляется вне зависимости от уровня доходов [58]. Одним из критериев различия налоговых вычетов является также наличие ограничений по объему снижаемой налоговой базы: существуют вычеты с ограничениями и без ограничения объема снижения налоговой базы [10].

Постановка проблемы. Уровень неравенства в России в 2010–2015 гг. устойчиво снижался, с 2016 по 2019 г. увеличивался, а в 2020 г. снизился до минимального значения [37]. Систему налогообложения доходов физических лиц в данный период нельзя назвать прогрессивной; несмотря на это, уровень неравенства по доходам, оцениваемый как индекс Джини, в России является фактически самым высоким среди постсоветских стран с доступными данными (рис. 1).

При рассмотрении возможных реформ законодателям необходимо оценивать последствия вводимых изменений для населения. Так, в случае реформ налоговых

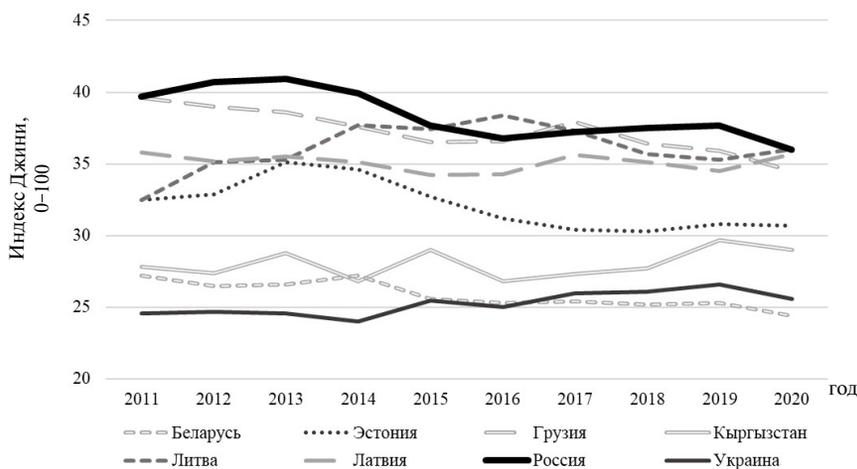

Рис. 1. Динамика индекса Джини в постсоветских странах с 2011 по 2020 г.

Источник: Gini Index // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 15.06.2023).

¹ Налоговый Кодекс Российской Федерации // ФНС России URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения: 10.01.2023).

вычетов следует устранить информационные пробелы в области количественной оценки воздействия данных мер на экономическое благосостояние населения, на распределение доходов и обеспечение доступа населения к социальным услугам.

Налоговый вычет представляет собой уменьшение налоговой базы при исчислении НДФЛ либо возврат ранее уплаченного НДФЛ частично или полностью в установленных случаях. Социальные налоговые вычеты по расходам на образование и здравоохранение можно получить при подаче декларации 3-НДФЛ в электронном или бумажном виде в налоговую инспекцию по окончании года с приложением копий подтверждающих документов. Например, налогоплательщик может вернуть часть стоимости оплаченных медицинских услуг путем подачи декларации в налоговую инспекцию пакета документов, включающего справку об оплате медицинских услуг.

Поскольку социальные налоговые вычеты изменяют объем располагаемых доходов, а следовательно, влияют на изменение уровня неравенства, возникает необходимость оценить это влияние, найти баланс между расширением доступа к налоговым вычетам и уровнем неравенства, изменяющимся в результате применения данной меры. Таким образом, оценка влияния данной меры на неравенство становится необходимой частью оценки эффективности налоговых вычетов в целом, ведь при внедрении реформы без данного измерения сохраняется риск проявления нежелательных эффектов.

Например, реформа налога на доходы физических лиц в России, связанная с установлением единой ставки НДФЛ на уровне 13%, оказала разнонаправленное влияние на уровень неравенства: прямой налоговый эффект увеличивал неравенство, а косвенный эффект в виде снижения уклонения от налогообложения при этом снижал неравенство [31]. Эффекты последующих налоговых реформ НДФЛ и налоговых вычетов не имеют достаточных оценок влияния на доходы населения и неравенство. Предварительные расчеты влияния налоговых реформ на неравенство доходов в обществе являются важным инструментом для обоснованного принятия экономических решений. Такие расчеты позволяют оценить потенциальные последствия различных налоговых инициатив на распределение доходов среди различных социальных групп и выбирать наиболее эффективные меры, направленные на достижение справедливого распределения ресурсов. Кроме того, такие расчеты помогают избежать непредвиденных негативных последствий, которые могут усугубить социальное напряжение и подорвать экономическую стабильность. Таким образом, предварительный анализ является критически важным для формирования справедливой и эффективной налоговой политики, способствующей устойчивому развитию общества.

Обзор литературы. В условиях бюджетных ограничений и экономической рецессии распространенной практикой является финансирование государственных инициатив за счет привлечения частных инвестиций через меры фискального стимулирования, например налоговые вычеты на образование и здравоохранение [45].

Некоторые из этих налоговых мер фактически дополняют государственные программы образования и здравоохранения (там, где они существуют) и субсидируют стоимость частного образования и медицинского страхования [19]. В то же время часто остается неясным, какие группы населения являются ключевыми

бенефициарами реализации данных положений. Определение этих групп позволит повысить эффективность государственных расходов.

Меры по достижению всеобщего охвата услугами здравоохранения, предусмотренные концепцией ВОЗ [4], на практике реализуются таким образом, что сначала ими будут охвачены более обеспеченные слои населения, что в среднесрочной перспективе может привести к увеличению неравенства [38]. В исследовании ВШЭ под руководством С.В. Шишкина [2] в России за период с 1994 по 2016 г. отмечался высокий уровень неравенства по расходам на медицинские услуги в зависимости от уровня дохода. Так, в 2016 г. значение индекса Джини по доходам составляло 0,35, а по объемам расходов на услуги здравоохранения – 0,97.

Исследование Демери [30] показывает, что беднейший квинтиль получает наибольшую выгоду от субсидирования начального образования и наименьшую – от государственных расходов на высшее образование. Для самого богатого квинтиля характерна обратная картина. В то же время слои с более низкими доходами могут быть ограничены в использовании государственной медицины в силу отсутствия соответствующей инфраструктуры, так как она расположена в местах проживания более обеспеченных слоев. Территориальное неравенство, хоть и не является предметом изучения в данном исследовании, также должно учитываться при реализации реформ. В России оно может проявляться как в различиях в доступе к инфраструктуре, так и в различиях в региональных программах [2].

В отчете Европейской комиссии представлен обширный обзор налоговых вычетов в рамках прямого налогообложения в странах Европейского союза [34]. Однако многообразие используемых подходов и понятий на национальном уровне не позволяет проводить сравнительный межстрановой анализ относительной эффективности, результативности и влияния налоговых систем на располагаемые доходы, используя в качестве единственного источника публикуемые на национальном уровне статистические данные.

Ранее были опубликованы работы по анализу влияния вычетов в различных странах. Например, в США Вебер анализировал влияние налогового вычета на полученный доход (*Earned Income Tax Credit*) на сбережения домохозяйств [58]. Нацеленность данного вычета на конкретные группы населения и соответствие вычета целям политики описаны Хойнс [39]. В Европе также исследовалось фискальное воздействие различных видов налоговых вычетов для отдельных государств, например Тоне для Германии [56], Тайсон для Италии [57], Клун для Словении [42] или Коллинс и Уолш для Ирландии [28]. При этом в данных работах оцениваются не эффекты налоговых вычетов, а описываются их структуры и место в структуре экономики. Так, в исследовании Тоне представлен анализ влияния фискальных мер на достижение целей их внедрения. Автор делает заключение, что только 5 из 20 мер в полной мере способствуют достижению целей, для которых они внедрялись, при этом расходы бюджета на их реализацию составляют только 15,5% от общего объема налоговых расходов [56]. В результате подчеркивается неэффективность использования столь обширного перечня мер. Тайсон оценил долю и объем различных налоговых вычетов в Италии с рекомендацией продления налоговых льгот только в рамках ежегодного бюджетного процесса [57]. В работе Клун описаны применяемые в Словении налоги и налоговые вычеты, а также

рассмотрено распределение налоговых вычетов по группам их получателей [42]. Коллинс и Уолш оценили опыт предоставления налоговых вычетов в Ирландии, включая их количество, объем, долю от валового внутреннего продукта, а также дали рекомендации по реформированию мер фискальной поддержки [28].

Одним из современных инструментов исследования эффектов фискальной политики является методология Commitment to Equity (CEQ). Использование данного подхода позволяет оценить, насколько перераспределение доходов и сокращение бедности достигается с помощью фискальной политики, насколько налоги и государственные расходы учитывают интересы бедных слоев и снижают бедность, а также каково влияние фискальных реформ, которые изменяют размер и/или прогрессивность конкретного налога или льготы [47]. Данный кластер исследований изучает перераспределительные эффекты систем налогов и трансфертов, однако ограничен существующими программами и не позволяет рассмотреть гипотетические сценарии.

Анализ эффективности российской фискальной системы в области перераспределения доходов показал низкую эффективность в сокращении бедности и относительно слабое чистое финансовое воздействие на все демографические группы, кроме пенсионеров [46]. Если рассматривать пенсии как отложенные доходы, то снижение Джини в России за счет прямых налогов и трансфертов находится на уровне 0,031 пункта между рыночным доходом и располагаемым доходом, в то время как если считать пенсии трансфертами, то сокращение неравенства составляет 0,132 пункта Джини. В работе Поповой и др. также отмечается умеренное относительно большинства стран Европейского союза снижение неравенства в РФ за счет налогово-льготной политики. При этом отмечается высокое перераспределительное влияние пенсий на фоне ограниченного влияния налогов и других социальных выплат [55].

Перераспределительное влияние налоговых систем с использованием методологии Commitment to Equity также исследовалось для Сербии [52], ЮАР [41], Уругвая [23], Турции [29], Индии [44] и других государств. Межстрановые сравнения проводились для развивающихся [40, 48] и постсоветских [21, 35] государств, а также стран Латинской Америки [36, 50]. В целом по результатам анализа CEQ отмечается в основном сглаживающая роль основных государственных образовательных программ и систем общественного здравоохранения. Однако отмечается, что государственное финансирование высшего образования может приводить к увеличению неравенства.

Микросимуляционные методы анализа фискальной политики и социальных трансфертов использовались для изучения влияния мер в странах ЕС, России, а также ряда развивающихся стран. Барриос и соавторы в своем исследовании [20] использовали микросимуляционную модель EUROMOD² для анализа воздействия реформирования налогообложения работников с низким уровнем дохода в пяти европейских странах. В частности, они показывают, что прямые фискальные издержки этих мер могут быть частично, а иногда и полностью,

² EUROMOD – это модель микросимуляции налогов и льгот для Европейского союза, которая позволяет исследователям рассчитывать сопоставимым образом влияние налогов и льгот на доходы домохозяйств и стимулы к труду для населения каждой страны-члена и ЕС в целом.

компенсированы, если принять во внимание поведенческие реакции со стороны предложения труда, включая возможный экстенсивный (увеличение числа занятых) и интенсивный (увеличение рабочей нагрузки на сотрудника в виде часов занятости) рост предложения труда.

Исследование роли налогов и трансфертов в стабилизации последствий кризисов с использованием EUROMOD представлено в исследовании Тима Каллана и соавторов [25]. Выяснилось, что эффекты автоматической стабилизации, особенно через пособия по старости и по безработице, играют важную роль в снижении неравенства во всех странах, переживших кризис, при этом для трудоспособного населения их влияние меньше.

Перераспределительные эффекты мер поддержки во время пандемии COVID-19 с использованием микросимуляционных моделей активно оценивались для стран Европы и России. В большинстве исследованных государств отмечается высокий уровень компенсации негативного влияния кризиса на доходы населения в 2020 г. Наиболее выраженный эффект антикризисных мер наблюдается среди групп с низким доходом [17, 18, 26, 27]. Результаты исследований с применением методов микро-моделирования подчеркивают возможность таргетирования фискальных и трансфертных мер, а значит, и принятие решений об их дальнейшем применении или формировании исходя не только из бюджетных, но и из социальных эффектов.

В России с использованием микросимуляционных моделей исследовались перераспределительные эффекты пособий на детей [53, 54], эффекты антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 [17], последствия монетизации льгот [3] и другие проблемы. Методология SEQ применялась в том числе для анализа перераспределительной силы налоговой системы России [46], оценки влияния фискальной и социальной политики на доходы и уровень бедности [49], а также для оценки изменений фискальной нагрузки при введении безусловного базового дохода [33].

Задачи исследования. В работе применяются современные методологические подходы к количественной оценке эффектов фискальной политики, анализируется система налоговых вычетов в России и моделируется воздействие налоговых вычетов на образование и здравоохранение на доходы населения и уровень неравенства.

Задачами исследования являются: 1) систематизация существующих подходов к анализу перераспределительных эффектов вычетов; 2) моделирование сценариев реформ налоговых вычетов для России; 3) оценка влияния реализации сценариев на распределение доходов населения; 4) оценка изменения уровня неравенства в рамках отдельных сценариев.

Система налоговых вычетов в России. В России физическим лицам предоставляются, согласно ст. 218–221 НК РФ, стандартные налоговые вычеты для льготных категорий граждан, социальные вычеты, инвестиционные вычеты, имущественные вычеты, профессиональные вычеты, а также вычеты, связанные с переносом убытков³. Социальные налоговые вычеты, согласно ст. 219 НК РФ, разделяются на 5 видов в зависимости от направленности расходов: 1) на благотворительность; 2) обучение; 3) лечение и медикаменты; 4) негосударственное пенсионное обеспечение и страхование жизни, а также 5) по расходам на накопительную часть

³ Налоговый Кодекс Российской Федерации // ФНС России. URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения: 10.01.2023).

пенсии⁴. Вычеты предоставляются в отношении доходов, относящихся к основной налоговой базе, такой как заработная плата, а также доходов от продажи имущества, страховых выплат и выплат по пенсионному обеспечению.

Гипотезы исследования. В ходе исследования выдвигаются следующие гипотезы:

1а) абсолютный эффект прироста доходов в результате снижения объема налогов к уплате проявляется больше в верхних децильных группах;

1б) относительный эффект перераспределения доходов в результате снижения объема налогов к уплате проявляется больше в средних децильных группах;

2) налоговые вычеты на образование и здравоохранение (а также расширение их охвата и размера) приводят к увеличению неравенства доходов.

Предполагается, что наибольший абсолютный эффект (в рублях) социальных вычетов будет отмечаться среди верхних децильных групп как наиболее способных нести высокие затраты. При этом в силу ограничения размера социальных вычетов наибольший относительный эффект (в % от дохода без вычета) будет отмечен среди средних децильных групп, тогда как в верхних децильных группах доход от вычета будет незначительным в общем объеме доходов.

В силу наибольшего абсолютного эффекта в верхних децильных группах и низкого эффекта в нижних децильных группах ожидается увеличение уровня неравенства по располагаемому доходу. При этом с расширением программ (предоставлением вычетов в беззаявительном порядке или увеличением лимитов) неравенство будет только возрастать. Это связывается с тем, что для получения налогового вычета изначально необходимо понести затраты, при этом представители более низких децильных групп несут затраты ниже, чем представители более высоких групп.

Методология и информационная база исследования. В данном исследовании с целью оценки эффектов социальных налоговых вычетов в России используется микросимуляционная модель RUSMOD, разработанная на основе программного обеспечения и принципов модели EUROMOD для стран Евросоюза. RUSMOD является полномасштабной микросимуляционной моделью для России, которая позволяет моделировать большую часть существующих программ налогово-бюджетной политики, осуществляемой на федеральном и региональном уровнях, для национально-репрезентативной выборки населения [51]. Использование микросимуляционных моделей позволяет оценить, как конкретные налоговые инструменты взаимодействуют с другими программами в рамках фискальной политики для репрезентативной выборки домохозяйств и физических лиц и каков будет чистый эффект реформ отдельных инструментов налоговой политики на распределение доходов [51]. Стоит отметить, что модель RUSMOD, как и EUROMOD, является статической микросимуляционной моделью, то есть используется для оценки первичных эффектов реформ налогов и трансфертов на распределение доходов, или эффектов в краткосрочном периоде, до каких-либо реакций населения на реформы.

RUSMOD моделирует располагаемые доходы населения с использованием нескольких допущений, позволяющих учитывать также и ненаблюдаемые доходы. Так, в базе исследования имеется информация о сообщенных респондентами

⁴ Налоговый Кодекс Российской Федерации // ФНС России. URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения: 10.01.2023).

доходах за вычетом налогов, однако в целях оценки фискального воздействия в модели рассчитывается рыночный или доналоговый доход (или доход до вычета НДФЛ и страховых взносов). В него также включаются ненаблюдаемые доходы, которые рассчитываются как разница между расходами домохозяйства и располагаемым доходом до моделирования (если она положительна). Затем к рыночному доходу прибавляются пенсии и социальные трансферты [51]. После вычета прямых налогов и добавления прямых трансфертов формируется располагаемый доход, который является ключевым показателем в данном исследовании.

Базой данных RUSMOD являются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ–ВШЭ). В данном исследовании применяются данные РМЭЗ–ВШЭ за четвертый квартал 2020 г.⁵ Данный мониторинг представляет собой лонгитюдное обследование домохозяйств и является серией ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. Объем репрезентативной выборки индивидов в 2020 г. – 12120 респондентов. Обследование является выборочным, поэтому расчетные показатели могут иметь расхождения с данными официальной статистики.

Для расчета объема расходов на образование и здравоохранение используются следующие переменные:

- *ye13.1b* – «Сколько всего рублей Ваша семья истратила на содержание и оплату занятий детей в дошкольных учреждениях, школах, секциях, кружках, на оплату частных уроков, репетиторов, в том числе и на подарки педагогам?»;
- *ye13.22b* – «Сколько всего рублей Ваша семья истратила на лечение, обследование в стационарных лечебных учреждениях: больницах, госпиталях, клиниках, исключая покупку лекарств?»;
- *ye13.23b* – «Сколько всего рублей Ваша семья истратила на лечение, обследование в поликлиниках, амбулаториях, исключая покупку лекарств?»;
- *ye13.24b* – «Сколько всего рублей Ваша семья истратила на лечение, протезирование зубов, исключая покупку лекарств?»;
- *ye13.4b* – «Сколько всего рублей Ваша семья истратила на оплату занятий взрослых членов семьи в различных секциях, на курсах, у преподавателей?».

Совокупность расходов респондентов на образование и здравоохранение представляется как сумма значений переменных *ye13.1b*, *ye13.22b*, *ye13.23b*, *ye13.24b* и *ye13.4b*.

Располагаемые доходы домохозяйства рассчитываются на основании сообщенных респондентами сведений об их рыночных доходах с применением поправки на ненаблюдаемые доходы, за вычетом налогов и после добавления трансфертов. Доходы в расчете на индивида рассчитываются на основании доходов домохозяйства с использованием модифицированной шкалы эквивалентности ОЭСР [13].

⁵ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

В базовом сценарии (статус-кво) применяются существующие правила политики предоставления вычета с ограничением 120 тыс. руб. и 50 тыс. руб. на каждого ребенка. При этом сценарий учитывает заявительный характер вычета и оценивает количество получателей вычета согласно расчетной доле получателей налогового вычета, составляющей 6,5% в 2020 г. [9]. Таким образом, налоговый вычет моделируется для всех возможных получателей, а затем калибруется на долю фактически получавших вычетов, по данным Федеральной налоговой службы.

Выбор 2020 г. в качестве исследуемого периода обусловлен необходимостью учета периода возможных дополнений налоговой отчетности, в результате чего возможно дозаявить доходы или предъявить к получению налоговые вычеты, что ограничивает возможности использования более свежих данных.

Население в модели делится на децильные группы на основании эквивалентных располагаемых доходов: совокупность домохозяйств разделяется на 10 равнонаполненных групп по возрастанию дохода. Неравенство в данном исследовании измеряется через показатель концентрации доходов – индекс Джини. Он принимает значения от 0 (полное равенство) до 1 (полное неравенство) [8].

Сценарии реформ налоговых вычетов. Цифровизация налогового учета и получения налоговых льгот позволяет рассматривать в качестве возможных сценариев беззаявительный порядок получения вычетов, максимально сокращающий издержки для их получения. Важным шагом в данном направлении является начало предоставления в упрощенном порядке тех вычетов [15], которые применяются при покупке недвижимости, уплате процентов по ипотеке [5], а также инвестиционных вычетов [14]. В данном случае налогоплательщик избавляется от необходимости заполнения декларации 3-НДФЛ, при этом срок получения вычета сокращается с четырех месяцев до полутора.

В работе оценивается воздействие на располагаемые доходы и неравенство пяти сценариев реформ налоговых вычетов (табл. 1):

- первый сценарий – статус-кво, выражающийся в применении базовых правил налоговой политики с применением поправки на вероятность получения вычета (ограничение 120 тыс. руб., 50 тыс. руб. на каждого ребенка);
- второй сценарий – налоговый вычет не предоставляется;
- третий сценарий – текущие правила налоговой политики с вероятностью получения вычетов 100% (беззаявительный порядок) (ограничение 120 тыс. руб., 50 тыс. руб. на каждого ребенка);
- четвертый сценарий – лимит вычета увеличен до 150 тыс. руб. на взрослого и 110 тыс. руб. на каждого ребенка с вероятностью получения вычетов 100% (беззаявительный порядок);
- пятый сценарий – лимит вычета увеличен на Индекс потребительских цен (ИПЦ, базовый год – 2009, когда были установлены действующие лимиты) с применением поправки на вероятность получения вычетов.

Использование таких сценариев позволяет сравнить действующую систему налоговой политики с системами, предполагающими повышение лимитов вычетов, повышение вероятности их получения, а также сочетание увеличенных лимитов и доли получателей.

Таблица 1

Параметры моделируемых сценариев реформ вычетов

Показатель	Сценарий 1 (статус-кво)	Сценарий 2	Сценарий 3	Сценарий 4	Сценарий 5
Доля получателей среди понесших затраты на лечение и образование	6,5%	0%	100%	100%	6,5%
Лимит на каждого взрослого, руб.	120 000	0	120 000	150 000	250 500
Лимит на каждого ребенка, руб.	50 000	0	50 000	110 000	104 375

Источник: Статистическая форма ФНС 1-ДДК, ст. 218 Налогового кодекса РФ, расчеты автора.

Статус-кво. Исходный сценарий предполагает использование фактических лимитов вычетов, а также реальной вероятности получения вычетов. Данная вероятность для 2020 г. составляет 6,5% и рассчитывается как количество всех получателей соответствующих вычетов (по данным ФНС [9]), разделенное на количество граждан, несших соответствующие траты (по результатам моделирования на данных РМЭЗ). Федеральная налоговая служба ведет учет количества получателей вычетов отдельно по каждому из оснований его получения. Это приводит к необходимости вычисления количества получателей вычетов на образование и здравоохранение путем их сложения, при этом не вводится поправка на пересечение между собой реципиентов вычетов из каждой группы. В результате фактическое число получателей может быть меньше, чем представлено в модели, но уточнить его на данном этапе не представляется возможным.

Так, по данным ФНС, совокупность получателей вычетов на образование и здравоохранение в 2020 г. составила 2,27 млн человек. По данным РМЭЗ, всего соответствующие расходы несли 34,1 млн граждан. Соответственно, доля получателей вычетов среди всех, кто имеет на это право, в зарубежных исследованиях называемая *take-up*, равна примерно 6,5% [43].

Лимит получения вычета составлял 120 тыс. руб. на взрослого и 50 тыс. руб. на ребенка. Это означает, что максимально возможной суммой к получению является 15600 руб. на взрослого и 6500 руб. на каждого ребенка.

Средний размер доходов в месяц на человека с использованием модифицированной шкалы эквивалентности ОЭСР составлял 37932,97 руб., на домохозяйство – 59778,80 руб.

Уровень неравенства по располагаемому доходу (индекс Джини) в сценарии статус-кво составляет 0,3210.

Средний размер вычета составляет 3767 руб. Важно отметить, что в 3, 4 и 6 децилях средний объем вычетов значительно ниже среднего уровня. В 1 дециле наблюдается высокий средний размер вычета относительно доходов индивидов, причиной тому может быть высокая доля неучтенных доходов (табл. 2, 3).

Наиболее высокий номинальный объем вычетов характерен для 10 дециля (7472,2 руб.), а относительно располагаемых доходов индивидов (объем вычета,

Таблица 2

Распределение располагаемых доходов в сценарии 1, 2020 г.

Дециль	Доход домохозяйства, руб. в месяц	Доход индивида (шкала эквивалентности), руб. в месяц
1 дециль	18 161,91	13 497,33
2 дециль	27 702,28	18 903,35
3 дециль	33 727,08	22 526,51
4 дециль	42 383,65	25 864,39
5 дециль	48 592,08	29 201,56
6 дециль	54 854,00	32 896,43
7 дециль	66 032,33	37 543,11
8 дециль	76 811,82	43 395,05
9 дециль	93 294,53	53 695,82
10 дециль	178 269,11	101 899,41
В среднем	59 778,80	37 932,87

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Таблица 3

Количество получателей и средний размер вычетов в сценарии 1

Дециль	Количество получателей вычетов, человек	Доля получателей в дециле, %	Доля дециля в общем объеме вычетов, %	Средний размер вычета, руб. за год
1 дециль	68 222	0,48	3,0	3430,7
2 дециль	166 139	1,17	7,32	2344,4
3 дециль	246 840	1,73	10,87	1802,8
4 дециль	192 012	1,34	8,45	2495,3
5 дециль	267 244	1,88	11,77	4450,7
6 дециль	149 709	1,05	6,59	1874,0
7 дециль	303 846	2,13	13,38	4436,4
8 дециль	282 949	1,99	12,46	2689,0
9 дециль	318 266	2,23	14,01	4295,9
10 дециль	275 901	1,94	12,15	7472,2
Всего	2 271 128	1,59	100,0	3767,0

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

разделенный на объем располагаемых доходов) – в 1 и 5 децилях (2,12% и 1,27% годового дохода соответственно).

Сценарий 2

Данный сценарий предполагает отмену практики предоставления налоговых вычетов, а значит, нулевую вероятность их получения. В результате никто из граждан не получит вычетов на образование и здравоохранение вне зависимости от факта несения соответствующих расходов.

Объем доходов в месяц на человека с использованием шкалы эквивалентности в среднем составлял 37925,29 руб. (меньше на 7,58 руб. относительно статус-кво), на домохозяйство – 59767,13 руб. (меньше на 11,68 руб.)(табл. 4).

Таблица 4

Распределение располагаемых доходов в сценарии 2

Дециль	Доход домохозяйства, руб. в месяц	Доход индивида (шкала эквивалентности), руб. в месяц
1 дециль	18 159,50	13 495,31
2 дециль	27 697,90	18 900,04
3 дециль	33 721,69	22 521,79
4 дециль	42 351,75	25 855,57
5 дециль	48 593,13	29 187,76
6 дециль	54 805,05	32 895,11
7 дециль	66 052,30	37 530,60
8 дециль	76 818,00	43 383,43
9 дециль	93 273,39	53 683,79
10 дециль	178 237,00	101 881,06
В среднем	59 767,13	37 925,29

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Уровень неравенства по располагаемому доходу – 0,3210, что равно значению в сценарии статус-кво.

Сценарий 3

Предполагается использование фактических лимитов вычетов со стопроцентной вероятностью получения вычетов. Вычеты будут предоставлены всем, понесшим соответствующие затраты в рассматриваемом периоде, с учетом доходов. Определенные черты данного сценария уже внедряются в существующие практики в виде предоставления налоговых вычетов в упрощенном порядке.

Как указывалось ранее, такие затраты несли 34,1 млн граждан, при этом количество получателей вычетов по децилям монотонно растет (рис. 2).

Объем доходов в месяц на человека с использованием шкалы эквивалентности в среднем составлял 38038,41 руб. (на 105,54 руб. больше, чем в статус-кво), а на домохозяйство – 59941,81 руб. (на 163,04 руб. больше) (табл. 5).

Уровень неравенства по располагаемому доходу (индекс Джини) в сценарии 3 составляет 0,3212.

Средний размер вычета составляет 3769 руб. При этом в некоторых группах отмечается снижение среднего размера вычета, это объясняется тем, что в данном сценарии предоставляются даже те вычеты, за которыми граждане не обращались бы из-за слишком малого размера.

Наиболее высокий номинальный объем вычетов проявляется в 10 дециле (6533,58 руб.), а относительно располагаемых доходов индивидов – в 1 дециле (1,29% годового дохода).

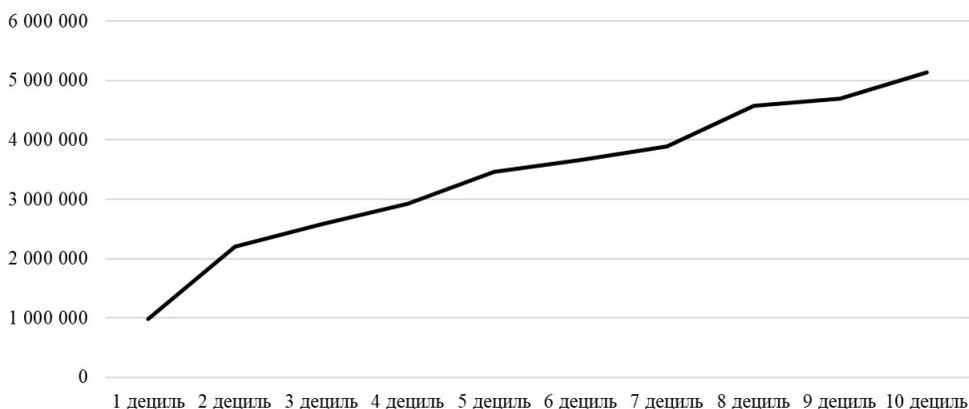

Рис. 2. Количество получателей налоговых вычетов по децильным группам в сценарии 3

Источник: расчеты автора.

Таблица 5

Распределение располагаемых доходов в сценарии 3

Дециль	Доход домохозяйства, рублей в месяц	Доход индивида (шкала эквивалентности), рублей в месяц
1 дециль	18 205,08	13 512,39
2 дециль	27 661,90	18 935,46
3 дециль	33 640,21	22 575,61
4 дециль	42 787,56	25 930,96
5 дециль	48 770,33	29 288,54
6 дециль	55 244,97	33 014,27
7 дециль	65 970,66	37 672,56
8 дециль	77 163,46	43 544,74
9 дециль	93 506,23	53 860,30
10 дециль	178 843,07	102 146,47
В среднем	59 941,84	38 038,41

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Сценарий 4

В данном сценарии используются лимиты вычетов, предложенные в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2023 года [11], изложенные в Федеральном законе «О внесении изменений в статьи 219 и 257 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» [16]. Данные изменения вступили в силу в 2024 г. В соответствии с законом лимиты налоговых вычетов увеличены до 150 тыс. руб. на взрослого и 110 тыс. руб. на каждого ребенка. При этом президент в ходе послания также отметил необходимость «не только поднять сумму вычета, но и повысить его востребованность, чтобы вычет предоставлялся в проактивном режиме, быстро и дистанционно, необременительно для граждан» [11]. В соответствии с этим предложением сценарий предусматривает

Таблица 6

Количество получателей и средний размер вычетов в сценарии 3

Дециль	Количество получателей вычетов, человек	Доля получателей в дециле, %	Доля дециля в общем объеме вычетов, %	Средний размер вычета, руб. за год
1 дециль	984 173	6,90	2,89	2087,37
2 дециль	2 198 905	15,42	6,45	1793,86
3 дециль	2 571 460	18,05	7,54	2358,07
4 дециль	2 926 739	20,53	8,58	2831,93
5 дециль	3 459 908	24,19	10,15	3222,25
6 дециль	3 665 129	25,61	10,75	2965,32
7 дециль	3 884 465	27,43	11,39	3517,36
8 дециль	4 578 557	32,15	13,43	3888,85
9 дециль	4 689 533	32,92	13,75	4503,05
10 дециль	5 135 452	36,05	15,06	6533,58
Всего	34 094 321	23,92	100,0	3769,14

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

вероятность получения вычета в 100%, таким образом, количество получателей соответствует распределению в сценарии 3 (табл. 6).

Объем доходов в месяц на человека с использованием шкалы эквивалентности в среднем составил 38044,55 руб. (на 111,68 руб. больше, чем в статус-кво), на домохозяйство – 59951,31 руб. (на 172,51 руб. больше) (табл. 7).

Таблица 7

Распределение располагаемых доходов в сценарии 4

Дециль	Доход домохозяйства, руб. в месяц	Доход индивида (шкала эквивалентности), руб. в месяц
1 дециль	18 205,08	13 512,39
2 дециль	27 661,90	18 935,46
3 дециль	33 641,29	22 576,42
4 дециль	42 790,78	25 933,14
5 дециль	48 773,84	29 290,40
6 дециль	55 248,79	33 016,70
7 дециль	66 079,62	37 673,37
8 дециль	77 030,07	43 546,39
9 дециль	93 525,59	53 871,30
10 дециль	178 898,95	102 178,57
В среднем	59 951,31	38 044,55

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Уровень неравенства по располагаемому доходу (индекс Джини) в сценарии 4 составляет 0,3213.

Таблица 8

Количество получателей и средний размер вычетов в сценарии 4

Дециль	Количество получателей вычетов, человек	Доля получателей в дециле, %	Доля дециля в общем объеме вычетов, %	Средний размер вычета, руб. за год
1 дециль	984 173	6,90	2,89	2087,37
2 дециль	2 198 905	15,42	6,45	1793,86
3 дециль	2 571 460	18,05	7,54	2392,74
4 дециль	2 926 739	20,53	8,58	2910,18
5 дециль	3 459 908	24,19	10,15	3293,27
6 дециль	3 665 129	25,61	10,75	3037,47
7 дециль	3 884 465	27,43	11,39	3588,95
8 дециль	4 578 557	32,15	13,43	4099,66
9 дециль	4 689 533	32,92	13,75	4770,03
10 дециль	5 135 452	36,05	15,06	7232,01
Всего	34 094 321	23,92	100,0	3972,14

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Средний размер вычета составляет 3972 руб. (табл. 8). Наибольший пророст среднего размера вычета отмечается в 10 дециле, тогда как для 1 и 2 дециля он фактически не изменился. Даже несмотря на отсутствие изменений наибольший относительный эффект сохраняется в 1 дециле (1,29% годового дохода индивида).

Сценарий 5

В данном сценарии предусматривается проведение индексации лимитов вычетов на Индекс потребительских цен с первого года установления лимита в 120 тыс. руб. на взрослого и 50 тыс. на ребенка. По данным Росстата, с января 2009 г., когда были установлены лимиты, по январь 2020 г. уровень инфляции составил 108,75% [12]. Таким образом, лимиты вычетов в сценарии увеличены на 108,75% до 250500 руб. на взрослого и 104375 руб. на каждого ребенка. Отмечу, что для взрослых в данном сценарии лимиты выше, чем вступившие в силу в 2024 г., а для детей – ниже. Вероятность получения вычета соответствует сценарию статус-кво – 6,5%, количество получателей – аналогично.

В данном сценарии объем доходов в месяц на человека с использованием шкалы эквивалентности в среднем составлял 37934,46 руб. (на 1,59 руб. больше, чем в статус-кво), на домохозяйство – 59781,33 руб. (на 2,53 руб. больше) (табл. 9).

Средний размер вычета в данном сценарии составляет 4581 руб., в 10 дециле он максимальный и равен 11601 руб. (табл. 10). Относительно уровня располагаемых доходов индивидов наиболее выраженный прирост – в 1 и 5 децилях (2,12% и 1,56% соответственно).

Уровень неравенства по располагаемому доходу (индекс Джини) в сценарии 5 составляет 0,3211.

Таблица 9

Распределение располагаемых доходов в сценарии 5

Дециль	Доход домохозяйства, руб. в месяц	Доход индивида (шкала эквивалентности), руб. в месяц
1 дециль	18 161,91	13 497,33
2 дециль	27 702,28	18 903,35
3 дециль	33 673,21	22 527,16
4 дециль	42 476,58	25 865,11
5 дециль	48 596,03	29 203,70
6 дециль	54 854,00	32 896,43
7 дециль	65 962,95	37 541,44
8 дециль	76 888,57	43 390,22
9 дециль	93 296,42	53 696,95
10 дециль	178 286,86	101 909,40
В среднем	59 781,33	37 934,46

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Таблица 10

Количество получателей и средний размер вычетов в сценарии 5

Дециль	Количество получателей вычетов, человек	Доля получателей в дециле, %	Доля дециля в общем объеме вычетов, %	Средний размер вычета, руб. за год
1 дециль	68 222	0,48	3,0	3430,71
2 дециль	166 139	1,17	7,32	2344,45
3 дециль	240 313	1,69	10,58	1427,97
4 дециль	198 540	1,39	8,74	3036,24
5 дециль	267 244	1,88	11,77	5479,19
6 дециль	149 709	1,05	6,59	1873,97
7 дециль	292 425	2,05	12,88	4332,61
8 дециль	294 370	2,06	12,96	3848,14
9 дециль	318 266	2,23	14,01	4679,54
10 дециль	275 901	1,94	12,15	11601,21
Всего	2 271 128	1,59	100,0	4581,08

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В результате анализа распределения доходов и уровня неравенства в каждом из сценариев было выявлено, что в случае отмены налогового вычета уровень неравенства не изменяется относительно статус-кво. При этом любые программы по увеличению лимитов вычетов или доли их получателей на уровне погрешности (на несколько пунктов индекса) увеличивают неравенство относительно

действующего сценария. Наиболее высокое значение индекса Джини отмечается в сценарии 4. Этот же сценарий сильнее других влияет на объем располагаемых доходов граждан.

Абсолютный эффект прироста доходов в результате получения вычетов наиболее выражен в 10 дециле, при этом средний размер вычета выше при применении сценария 5 (индексация на ИПЦ), чем при применении сценария 4 (вступившего в силу в 2024 г.: 11601 руб. против 7232 руб. Такое различие происходит в силу получения вычетов в рамках сценария 4 всеми имеющими на него право, даже если речь о незначительных суммах.

Относительный эффект ярче всего выражается в 1 дециле, он максимален при использовании 1 и 5 сценариев (более 2% годового дохода индивида) (табл. 11).

Расходы государства на реализацию программы вычетов изменяются в соответствии с их лимитами и долей граждан, обращающихся за ними (табл. 12).

Наиболее высокие расходы (135,4 млрд руб.) отмечаются в сценарии 4, предполагающем увеличение лимитов вычетов до 150 тыс. и 110 тыс. руб., а также увеличение вероятности получения вычетов до 100%. При использовании действующих лимитов с увеличением вероятности получения вычетов до 100% (сценарий 3) расходы составляют 128,5 млрд руб. При этом по состоянию на 2020 г. объем расходов в сценарии статус-кво отмечается на уровне 8,6 млрд руб.

Таблица 11

Сравнение показателей оценки доходов и неравенства между сценариями

Сценарий	Эквивалентный доход на члена домохозяйства, руб. в месяц	Индекс Джини	Дециль с наибольшим абсолютным эффектом	Дециль с наибольшим относительным эффектом
Сценарий 1	37932,87	0,3210	10	1
Сценарий 2	37925,29	0,3210	–	–
Сценарий 3	38038,41	0,3212	10	1
Сценарий 4	38044,55	0,3213	10	1
Сценарий 5	37934,46	0,3211	10	1

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Таблица 12

Сравнение объема расходов на программу налоговых вычетов на образование и здравоохранение между сценариями

Сценарий	Объем расходов на программу, млн руб.
Сценарий 1	8 555,3
Сценарий 2	0
Сценарий 3	128 506,3
Сценарий 4	135 427,3
Сценарий 5	10 404,2

Источник: расчеты автора в модели RUSMOD (версия EUROMOD 3.4.6), данные 29 волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Заключение. В условиях ограниченных возможностей роста государственных расходов на прямые трансферты налоговые вычеты становятся важным инструментом фискальной и социальной политики. В то же время задача точной оценки объемов перераспределения доходов в результате мер налогового стимулирования не является простой, особенно в условиях ограниченности данных. В представленной работе впервые предпринята попытка оценить влияние социальных налоговых вычетов на распределение доходов и неравенство в России с применением методов статического микро моделирования, которые оптимально подходят для изучения перераспределительных эффектов системы налогов и трансфертов в краткосрочном периоде.

Результаты исследования ставят также вопрос о развитии теории участия в контексте влияния граждан и общественных объединений на систему налогообложения.

В исследовании предложены к рассмотрению пять сценариев налоговой политики, включая сценарий, применяющийся в России на практике. Исследование показало, что расширение программ налоговых вычетов как через рост лимитов вычетов, так и через расширение доли получателей вычетов ведет к увеличению неравенства доходов на уровне статистической погрешности. Наибольший прирост неравенства характерен для сценария 4, повторяющего законодательно принятую реформу.

Результаты работы позволяют сделать вывод о том, что социальный налоговый вычет на образование и здравоохранение существенно не меняет степени неравенства при сравнении ситуации статус-кво и сценария с отменой вычета. Поэтому данный налоговый вычет не следует рассматривать как меру снижения неравенства как при статус-кво, так и при реформах, предусматривающих беззаявительный характер вычета или увеличение его предела.

Реализация четвертого сценария, повторяющего правила, вступившие в силу 1 января 2024 г., ведет к номинально большему увеличению неравенства по сравнению с остальными рассматриваемыми моделями, при этом динамику нельзя назвать значимой. Если рассматривать налоговые вычеты как меру по поддержке населения в целом, видно, что в результате их применения располагаемые доходы населения растут, а значит, их можно назвать мерой по поддержке населения в целом, при этом наибольшая часть прироста приходится на самых обеспеченных.

В итоге, следует отметить, что первичные эффекты налоговых вычетов скорее способствуют росту неравенства доходов, однако вторичные эффекты могут быть позитивными, в том числе для более бедных слоев. Так, например, стимулирование расходов на образование может повышать совокупный человеческий капитал, а также обеспечивать достаточный спрос на образовательные услуги.

Литература

1. *Боброва А.Г.* Образование и здравоохранение в человеческом капитале Республики Беларусь // Экономическая наука сегодня. 2017. № 5. С. 200–210.
2. *Быков А., Красильникова М., Понкратова О., Ракута Н., Шишкин С.* Неравенство в сфере здравоохранения: Аналитический доклад. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2021. URL:<https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2633-0>
3. *Волчкова Н.А., Лобанов С.Н., Турдыева Н.А., Халева Ю.В., Юдаева К.В.* Микросимуляционный анализ последствий монетизации льгот в России // Прикладная эконометрика. 2006. № 4. С. 105–134.

4. Всеобщий охват услугами здравоохранения // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). URL: [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/universal-health-coverage-\(uhc\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/universal-health-coverage-(uhc)) (дата обращения: 23.03.2023).
5. Домклик поможет получить налоговый вычет в упрощённом порядке // Журнал Домклик. URL: <https://blog.domclick.ru/post/na-domklik-teper-mozhno-oformit-nalogovyy-vychet-v-uproshyonnom-poryadke> (дата обращения: 20.05.2022).
6. *Милоголов Н.С.* Налоговые льготы, связанные с образованием и здравоохранением, в странах ОЭСР и в России // Финансовый журнал. 2014. № 3 (21). С. 68–75.
7. Налоговые вычеты по НДФЛ // ФНС России URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndfl/nalog_vichet/ (дата обращения: 10.06.2023).
8. *Нартикоев А.Р., Пересецкий А.А.* Моделирование динамики распределения доходов в России // Прикладная эконометрика. 2019. №2. Т. 54. С. 105–125.
9. О декларировании доходов физическими лицами (форма 1-ДЛК) // Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-decfl/> (дата обращения: 20.05.2022).
10. Получение налогового вычета // ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/fl/interest/tax_deduction/ (дата обращения: 10.06.2023).
11. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 20.05.2023).
12. Потребительские цены // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19571/1e79208bcfa7884572bf0f8f64e4bc4145b792eb/ (дата обращения: 10.06.2023).
13. *Суринов А.Е., Луппов А.Б.* Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 539–571.
14. Упрощенный налоговый вычет по ИИС в Тинькофф Инвестициях // Тинькофф. URL: <https://www.tinkoff.ru/blog/whats-new/tax-refund/> (дата обращения: 20.05.2022).
15. Упрощенный порядок получения вычетов по НДФЛ // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ndfl_easy/ (дата обращения: 20.05.2022).
16. Федеральный закон от 28.04.2023 N 159-ФЗ «О внесении изменений в статьи 219 и 257 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446107/ (дата обращения: 10.06.2023).
17. *Фре́йхе С., Матыцин М.С., Попова Д.О.* Влияние экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и антикризисных мер на распределение доходов в России // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 43–60.
18. *Almeida V., Barrios S., Christl M., De Poli S., Tumino A., van der Wielen W.* The impact of COVID-19 on households' income in the EU // The Journal of Economic Inequality. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 413–431. URL: <https://doi.org/10.1007/s10888-021-09485-8>.
19. *Barrios S., Coda Moscarola F., Figari F., Gandullia L., Riscado S.* The fiscal and equity impact of social tax expenditures in the EU // Journal of European Social Policy. 2020. Vol. 30. No. 3. P. 355–369. URL: <https://doi.org/10.1177/0958928719891341>.
20. *Barrios S., Fatica S., Martínez D., Mourre G.* The Fiscal Effects of Work-related Tax Expenditures in Europe // Public Finance Review. 2018. Vol. 46. No. 5. P. 793–820. URL: <https://doi.org/10.1177/1091142116679729>.
21. *Benicio D.F., Seitz W., Jellema J., Goldman M.* The Effects of Fiscal Policy on Poverty and Inequality in Tajikistan // CEQ Working Paper 108. No.108. New Orleans: Tulane University. 2021.
22. *Blühdorn I.* The dialectic of democracy: Modernization, emancipation and the great regression // Democratization. 2020. Vol. 27. No 3. P. 389–407. URL: <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1648436>.
23. *Bucheli M., Lara Ibarra G., Tuzman D.* Assessing the Effects of Fiscal Policies on Poverty and Inequality: The Case of Uruguay [Working Paper] // Washington, DC: The World Bank. 2020. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9499>.
24. *Butzlaff F.* Consenting Participation? How Demands for Citizen Participation and Expert-Led Decision-Making Are Reconciled in Local Democracy // Political Studies Review. 2022. Vol. 21. No.2. P. 340–356. URL: <https://doi.org/10.1177/14789299221091884>.

25. *Callan T., Doorley K., Savage M.* Inequality in EU Crisis Countries: How Effective Were Automatic Stabilisers? // IZA Discussion Papers, Article 11439. Bonn: Institute of Labor Economics. 2018.
26. *Cantó O., Figari F., Fiorio C.V., Kuypers S., Marchal S., Romaguera-de-la-Cruz M., Tasseva I.V., Verbist G.* Welfare Resilience at the Onset of the COVID-19 Pandemic in a Selection of European Countries: Impact on Public Finance and Household Incomes // Review of Income and Wealth. 2022. Vol. 68. No. 2. P. 293–322. URL: <https://doi.org/10.1111/roiw.12530>.
27. *Christl M., Poli S.D., Figari F., Hufkens T., Leventi C., Papini A., Tumino A.* Monetary compensation schemes during the COVID-19 pandemic: Implications for household incomes, liquidity constraints and consumption across the EU // Seville: European Commission. 2022.
28. *Collins M.L., Walsh M.* Tax Expenditures: Revenue and Information Forgone – the experience of Ireland // Trinity Economics Papers, Working Paper No. 1211. Dublin: Department of Economics, Trinity College. 2011.
29. *Cuevas P.F., Lucchetti L., Nebiler M.* What Are the Poverty and Inequality Impacts of Fiscal Policy in Turkey? // Washington, DC: The World Bank. 2020. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9300>.
30. *Demery L.* Analyzing the incidence of public spending. In: The Impact of Economic Policies on Poverty and Income Distribution: Evaluation Techniques and Tools // Washington, DC: World Bank. 2003. P. 41–68.
31. *Duncan D.* Behavioral responses and the distributional effects of the Russian ‘flat’ tax // Journal of Policy Modeling. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 226–240. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpmlmod.2014.01.011>.
32. *Ellis C., Faricy C.* The Other Side of the Coin: Public Opinion toward Social Tax Expenditures // New York: Russell Sage Foundation. 2021. URL: <https://doi.org/10.7758/9781610449045>.
33. *Enami A., Gentilini U., Larroulet P., Lustig N., Monsalve E., Quan S., Rigolini J.* Universal Basic Income Programs: How Much Would Taxes Need to Rise? Evidence for Brazil, Chile, India, Russia, and South Africa // Commitment to Equity (CEQ) Working Paper Series, Article 112. New Orleans: Tulane University. 2021.
34. European Commission. Directorate General for Economic and Financial Affairs. Tax expenditures in direct taxation in EU Member States // Brussels: Publications Office. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.2765/85725>.
35. *Fuchs A., Matytsin M., Nozaki N.K., Popova D.* Distributional Impacts of Taxes and Benefits in Post-Soviet Countries // Washington, DC: The World Bank. 2021. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9795>.
36. *Gasparini L., Lustig N.* The Rise and Fall of Income Inequality in Latin America. In: The Oxford Handbook of Latin American Economics // Oxford: Oxford University Press. 2011. P. 691–714. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199571048.013.0027>.
37. Gini Index // The World Bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 15.06.2023).
38. *Gwatkin D. R., Ergo A.* Universal health coverage: Friend or foe of health equity? // The Lancet. 2011. Vol. 377. No. 9784. P. 2160–2161. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)62058-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)62058-2).
39. *Hoynes H.* The Earned Income Tax Credit // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2019. No. 686. P. 180–203.
40. *Inchauste G., Lustig N.* The Distributional Impact of Taxes and Transfers: Evidence From Eight Developing Countries // Washington, DC: The World Bank. 2017. URL: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1091-6>.
41. *Inchauste G., Lustig N., Maboche M., Purfield C., Woolard I.* The distributional impact of fiscal policy in South Africa In: The Distributional Impact of Taxes and Transfers: Evidence From Eight Developing Countries // Washington, DC: The World Bank, 2015. P. 233–266. URL: https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1091-6_ch8.
42. *Klun M.* Slovenian income taxes and analysis of their tax expenditure in 2006–2010 // Financial Theory and Practice. 2012. Vol. 36. No. 3. P. 229–243. URL: <http://dx.doi.org/10.3326/fintp.36.3.1>.

43. *Ko W., Moffitt R.A.* Take-up of Social Benefits (Working Paper No. 30148) // Cambridge: National Bureau of Economic Research. 2022. URL: <https://doi.org/10.3386/w30148>.
44. *Kundu S., Cabrera M.* Fiscal Policies and their Impact on Income Distribution in India // Commitment to Equity (CEQ) Working Paper Series, Article 120. New Orleans: Tulane University. 2022.
45. *Kuo Y.-Y., Cheng M.H.* Budgeting and financial management of public infrastructure: The experience of Taiwan. In: A. Podger, T.-T. Su, J. Wanna, H. S. Chan, M. Niu (Eds.), Value for Money: Budget and financial management reform in the People's Republic of China, Taiwan and Australia // Canberra: ANU Press. 2018. P. 221–250. URL: <https://doi.org/10.22459/VM.01.2018.11>.
46. *López-Calva L.F., Lustig N., Matytsin M., Popova D.* Who Benefits from Fiscal Redistribution in the Russian Federation? In: The Distributional Impact of Taxes and Transfers: Evidence From Eight Developing Countries // Washington, DC: The World Bank. 2017. P. 199–233. URL: https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1091-6_ch7.
47. *Lustig N.* (Ed.). Commitment to equity handbook: Estimating the impact of fiscal policy on inequality and poverty // Washington, DC: Brookings Institution Press. 2018.
48. *Lustig N.* Does Fiscal Policy Reduce Inequality and Poverty? Evidence from Low and Middle Income Countries // New Approaches to Economic Challenges (NAEC) Seminar, Paris. 2018.
49. *Lustig N.* Fiscal Policy, Income Redistribution and Poverty Reduction in Low and Middle Income Countries // Commitment to Equity (CEQ) Working Paper Series, Article 54. New Orleans: Tulane University. 2017.
50. *Lustig N., Lopez-Calva L.F., Ortiz-Juarez E., Monga C.* Deconstructing the Decline in Inequality in Latin America. In: K. Basu, J. E. Stiglitz (Eds.), Inequality and Growth: Patterns and Policy // London: Palgrave Macmillan UK. 2016. P. 212–247. URL: https://doi.org/10.1057/9781137554598_7.
51. *Matytsin M., Popova D., Freije S.* RUSMOD: A Tool for Distributional Analysis in The Russian Federation // Washington, DC: The World Bank. 2019. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-8994>.
52. *Nguyen T.V., Žarković J., Vladislavljević M., Randelović S.* The Distributional Impact of Serbia's Taxes and Social Spending // Washington, DC: The World Bank. 2022. URL: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-10110>.
53. *Popova D.* Distributional impacts of cash allowances for children: A microsimulation analysis for Russia and Europe // Journal of European Social Policy. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 248–267. URL: <https://doi.org/10.1177/0958928716645074>.
54. *Popova D.* Impact assessment of alternative reforms of child allowances using RUSMOD – the static tax-benefit microsimulation model for Russia // International Journal of Microsimulation. 2013.
55. *Popova D., Matytsin M., Sinnott E.* Distributional impact of taxes and social transfers in Russia over the downturn // Journal of European Social Policy. 2018. Vol. 28. No. 5. P. 535–548. URL: <https://doi.org/10.1177/0958928718767608>.
56. *Thöne M.* 18 billion at one blow: Evaluating Germany's twenty biggest tax expenditures // FiFo Discussion Papers – Finanzwissenschaftliche Diskussionsbeiträge. 2012. No. 12–4.
57. *Tyson J.* Reforming Tax Expenditures in Italy: What, Why, and How? // IMF Working Papers. 2014. Vol. 14. No. 6. URL: <https://doi.org/10.5089/9781484370773.001>.
58. *Weber C.* Does the Earned Income Tax Credit Reduce Saving by Low-Income Households? // National Tax Journal. 2016. Vol. 69. N. 1. P. 41–76.
59. What is the difference between refundable and nonrefundable credits? // Tax Policy Center URL: <https://www.taxpolicycenter.org/briefing-book/what-difference-between-refundable-and-nonrefundable-credits> (дата обращения: 10.01.2023).

Evgeny Blagolev (e-mail: esblagolev@hse.ru)

Postgraduate student,

Graduate School of Public Administration,

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russian Federation)

THE IMPACT OF TAX DEDUCTION ON INEQUALITY IN RUSSIA

The article examines the impact of tax deductions for education and healthcare on income inequality in Russia. The objective of the study is to quantify the redistributive effects of this fiscal measure. Additionally, the paper assesses the potential effects of proposed reforms to tax deductions, with a particular focus on changes proposed in the President's Address to the Federal Assembly in February 2023 and implemented in 2024. The study uses data from the Federal Tax Service and the Russia Longitudinal Monitoring survey of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE), in conjunction with the microsimulation model RUSMOD, which enables the estimation of the short-term redistributive effects of changes in taxes and transfers. The study demonstrated that the current tax deductions for education and health care have a marginal impact on income inequality. Conversely, if tax deductions are reformed in a manner that increases their limits and take-up, this may result in an increase in income inequality.

Keywords: fiscal policy, tax deduction, income inequality, income redistribution.

DOI: 10.31857/S020736762407004, **EDN:** BAISRE

© 2024

УДК: 308

Евгений Стырин

кандидат социологических наук, заведующий Международной лабораторией цифровой трансформации в государственном управлении ИГиМУ НИУ ВШЭ, доцент департамента политики и управления факультета социальных наук НИУ ВШЭ (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: estyrin@hse.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ: ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В статье рассматривается состояние цифровых компетенций населения Псковской области, основанное на результатах интервью по тематикам: информационная безопасность, цифровые навыки, доверие и страхи в Интернете, образовательные возможности и повышение квалификации. Установлено, что при высокой самооценке цифровых навыков респонденты обладают лишь базовыми цифровыми компетенциями, у большинства интервьюируемых не хватает знаний об информационной безопасности, многие не следуют законам об авторских правах. Для решения проблем в статье предлагаются рекомендации по формату курсов развития цифровых компетенций, отвечающих принципам социальных инноваций.

Ключевые слова: цифровые компетенции, цифровая грамотность, информационная безопасность, цифровые навыки, социальные инновации, «цифровое государство».

DOI: 10.31857/S0207367624070055, EDN: BADCWG

Введение

Современное российское общество переживает стремительную цифровую трансформацию, охватывающую практически все сферы жизни, от образования и здравоохранения до экономики и государственного управления. Развитие цифровой экономики напрямую зависит от наличия квалифицированных кадров, обладающих необходимыми цифровыми навыками¹. Чтобы обеспечить успешное функционирование цифровой экономики, необходимо развивать компетенции, востребованные в современных условиях. Глубокие знания в области информационных технологий играют ключевую роль в социально-экономическом развитии страны. Именно поэтому государство активно занимается формированием цифровых компетенций у населения, вкладывая значительные ресурсы в реализацию соответствующей политики. Например, активное развитие получает федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», направленный на формирование достаточного количества человеческих ресурсов, обладающих компетенциями, необходимыми для нового века цифровых технологий и экономики знаний и данных².

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». 2017. С. 1–29.

² Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». [Текст]: протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019. № 9 // Протокол. 2019. С. 1–49.

Тем не менее, несмотря на масштабные усилия по повышению цифровых компетенций населения, в России по-прежнему наблюдается низкий уровень цифровой грамотности. Так, недавнее исследование уровня цифровой грамотности взрослого населения России показало, что большинство респондентов (60%) обладают только самыми базовыми цифровыми знаниями и навыками, 20% имеют средний уровень цифровой грамотности, и лишь 3% демонстрируют достаточные компетенции в этой области [1]. Очевидно, что традиционные инструменты формирования цифровой грамотности, такие как краткосрочные курсы повышения квалификации, размещение бесплатного контента на государственных сайтах (таких как <https://готовкцифре.рф/navigator>), возможно, работают как основа для роста специалистов в ИТ-сфере, однако показывают низкую результативность для повышения цифровой грамотности других категорий граждан, профессиональная деятельность которых не связана с ИТ.

В связи с этим особую важность приобретает понимание сути цифровых компетенций населения и формирования предложений по развитию потенциала их формирования. Прежде всего это актуально на региональном уровне, ведь разнообразие российских регионов – их географические, этнические, социальные особенности – предполагает разнообразные акценты государственных программ и проектов. Данное исследование фокусируется на изучении цифровых компетенций населения Псковской области и управленческих механизмов, направленных на повышение цифровой грамотности в регионе. Источником эмпирических данных выступает интервью, взятое в рамках проекта «Зеркальная лаборатория» Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении НИУ ВШЭ и Псковского государственного университета. Предлагаемый нами подход связан с пониманием образовательной деятельности государства по повышению цифровой грамотности на уровне региона как социальной инновации. Мы предполагаем, что такой подход позволяет не только улучшить навыки работы с цифровыми технологиями у жителей региона, но и создать благоприятную среду для развития цифровых инициатив и проектов, что в конечном итоге приведет к более эффективному решению социально-экономических проблем региона.

Понятие цифровых компетенций

Понимание цифровых компетенций и необходимости их развития у граждан неотъемлемо связано с развитием «цифрового правительства». В современном мире сложно представить процесс государственного управления без использования технологий, которые предоставляют возможности для более эффективной и открытой работы правительства. Мобильные приложения, открытые данные, различные сайты присутствуют в рабочей среде государственного управления, а также в пространстве взаимодействия граждан с государством, с бизнесом и между собой. Интересно, что все больше и больше современных исследований «цифрового государства» и цифровой трансформации жизни общества подчеркивают, что главной задачей процессов цифровизации является улучшение инновационной деятельности во всех вопросах общественной жизни [5–6, 11, 16–17, 20–21, 26, 29]. «Цифровое государство» также включает в себя разработку процессов принятия решений и улучшение организационных вопросов в пре-

доставлении услуг, в том числе — развитие цифровой грамотности и цифровых компетенций населения, поскольку они являются обязательным условием потенциальной эффективности цифровой трансформации.

Современное представление о «цифровом государстве» было заложено в конце прошлого века появлением «электронного государства». Оно появилось в период государственного управления, которое впоследствии было закреплено в теории как «новое государственное управление». Цифровые технологии стали рассматриваться как один из механизмов современных реформ государственного управления, способствующий повышению эффективности предоставления государственных услуг и позволяющий гражданам пользоваться ими в любой временной период и из любой точки мира. Существует мнение, что цифровая коммуникация содействует большей вовлеченности граждан, так как благодаря ей граждане получают более легкий доступ к участию в политических процессах, при этом процесс принятия государственных решений становится более прозрачным [4, 19]. В начале XXI в. произошел переход от «электронного правительства» к цифровому с использованием механизмов Web 2.0 в сфере государственных услуг. Данный переход предполагал включение граждан в прямое взаимодействие с представителями органов государственной власти через использование интернета как площадки для совместного принятия решений и открытой платформы, содержащей данные государственного сектора. Востребованность цифровизации государственной сферы возросла после мирового экономического кризиса 2008 г., правительства ожидали повышения эффективности обеспечения граждан государственными услугами [19].

Согласно распространенной в исследовательской среде точке зрения, успешность цифровой трансформации в государстве и обществе основана на результативности взаимодействия четырех элементов — люди, структура, задачи и технологии [14]. Видимые изменения могут быть достигнуты только тогда, когда эти четыре взаимосвязанных элемента находятся в балансе, что подчеркивает необходимость политики государства, направленной на развитие цифровых компетенций населения. Внедрение цифровых технологий в государственном секторе зависит от организационной структуры и сложившихся институциональных механизмов в системе государственного управления.

Существуют различные точки зрения на необходимость государственного вмешательства в развитие цифровых компетенций при внедрении «цифрового государства» [9]: стопроцентный оптимизм; оптимизм с незначительными рисками; пессимизм и рассмотрение технологий как инструмента, но не как движущего фактора.

1. Оптимисты говорят о том, что развитие цифровых компетенций является абсолютным улучшением возможностей управления всеми сферами. Единственные затраты, по их мнению, это первоначальные вложения и ежедневные эксплуатационные расходы. Они считают, что цифровые системы со временем будут только уменьшать затраты на принятие решения и операционную деятельность. Они предполагают, что экономия затрат и повышение эффективности будут компенсировать первоначальные затраты.

2. Оптимисты с рисками задумываются над тем, что развитие цифровых технологий имеет свою цену и что цифровые технологии будут нарушать права

граждан на личную свободу, неприкосновенность частной жизни, право влияния на принятие правительственных решений. С этим связан особый акцент на цифровой безопасности как причине, обуславливающей необходимость развития цифровой грамотности.

3. Пессимисты говорят о том, что внедрение цифровых технологий подвергает угрозе качество принятия решений, потому что чрезмерный спрос на анализ политики, основанный на многих категориях информации, приведет к задержкам в действиях. Цифровая грамотность здесь выделяется как инструмент контроля со стороны гражданского общества и является необходимым элементом социального развития в цифровом государстве.

4. Последняя группа рассматривает технологии как инструмент для изменения или сохранения стиля управления [8], как средство концентрации возможностей информационно-коммуникационных технологий в помощь правительству для повышения эффективности и уменьшения затрат. В более поздних работах в рамках данного направления рассматриваются факторы, которые являются основой технологической эффективности цифровой трансформации: доверие, лидерство (включая политические и социальные последствия), прозрачность и участие [15]. Все они становятся возможными при высоком уровне развития цифровых компетенций граждан.

Таким образом, развитие цифрового управления, цифровая трансформация государства и общества невозможны без формирования цифровых компетенций граждан. «Цифровые компетенции» представляют собой зонтичное понятие [32], описывающее и объясняющее способность человека уверенно и эффективно применять информационные технологии во всех сферах жизни [25]. Этот термин обобщает не только знание программного обеспечения, но также затрагивает спектр навыков и знаний, необходимых для успешного функционирования в современном цифровом мире. К ним относятся, например, умение находить, анализировать и критически оценивать информацию, использовать цифровые инструменты для обучения и работы, эффективно взаимодействовать в онлайн-среде, а также соблюдать правила цифровой безопасности и этики [2].

Цифровая компетентность формируется моделями действий, которые описывают когнитивные и поведенческие навыки, экспертные знания, самооценку и устойчивость [32]. С этими характеристиками связана цифровая грамотность, которая включает в себя способность понимать, использовать, создавать и оценивать информацию в цифровом мире. «Цифровая грамотность» представляет собой более ограниченное понятие, чем «цифровая компетентность», и включает в себя знание принципов информационных технологий, использования компьютеров, программного обеспечения, цифровых услуг, навыков поиска и оценки информации, использования цифровых инструментов, инструментов коммуникации, цифрового творчества.

Цифровая грамотность включает в себя понимание принципов работы информационных технологий. К ним относится базовое знание основных принципов работы компьютеров, программного обеспечения и различных цифровых сервисов; умение ориентироваться в сети Интернет, в том числе умение искать, анализировать и критически оценивать информацию; умение использовать

цифровые инструменты для обучения и коммуникации; умение создавать информационные сообщения и делиться ими [27]. Г. Уолтон (Walton) [30] подчеркивает, что цифровая компетентность — это умение находить, оценивать, использовать и делиться информацией в цифровом мире. Она включает в себя навыки работы с различными цифровыми технологиями, онлайн-ресурсами для создания контента, а также понимание того, как эффективно использовать информационные и цифровые технологии для обучения, личного и профессионального роста.

Цифровая некомпетентность населения препятствует внедрению информационных технологий в сектор госуслуг, соответственно, возникает необходимость в учебных программах, направленных на повышение цифровой грамотности граждан. Значительное внимание в данном случае следует обращать на пожилых граждан в малонаселенных районах и сельских территориях, например создать учреждения дополнительного образования для них. Проблема цифровой неграмотности обострилась с наступлением пандемии в 2020 году, когда большинство сфер общественной жизни перешли в режим онлайн и не все категории населения в силу отсутствия специальных навыков смогли получить к ним доступ, что еще больше усугубило цифровой разрыв. В контексте пандемии предоставление доступа к электронным государственным услугам стало приоритетом для правительственных учреждений [10].

Цифровой разрыв в использовании госуслуг в электронном виде и неравный доступ к Интернету могут быть обусловлены такими социально-демографическими факторами, как доход, пол, возраст и образование. Говоря о цифровом разрыве, важно обратиться к личной мотивации индивида касательно использования сети Интернет, а также к его способности оценить собственные выгоды от доступности информационных технологий. Основными причинами отказа от использования цифровых технологий являются личная незаинтересованность и нехватка знаний. В случае с пожилым населением на использовании цифровых услуг сказываются также такие возрастные изменения здоровья, как снижение памяти или затрудненная ориентация в пространстве [10].

Данный теоретический и основанный на зарубежном опыте подход не вполне соотносится с основными установками на развитие цифровых компетенций, предлагаемых российскими органами власти. Так, в 2020 г. ВНИИ Минтруда России разработал типовые модули компетенций, рекомендуемых к включению в профессиональные стандарты [3. С. 943]. Термин «информационные компетенции» здесь используется вместо термина «цифровые компетенции» (рис. 1) и в большей мере относится к техническим навыкам, нежели характеризует универсальные характеристики человека, живущего в условиях непрерывной цифровой трансформации.

Информационные компетенции делятся на четыре категории: базовые, универсальные, общетехнические и специальные (отраслевые). К базовым и универсальным компетенциям относятся, например, умение использовать стандартные программы для работы с текстом, таблицами и графикой (например, Word, Excel, PowerPoint). Их знание необходимо и зачастую достаточно, для того чтобы справляться с большинством рабочих задач. Общетехнические и специальные информационные компетенции характеризуют навыки, требующиеся узкому

Информационные компетенции

- Набор необходимых умений и знаний, которые требуются для выполнения трудовых действий с использованием информационных технологий.

Модуль базовых информационных компетенций

- Умения и знания, необходимые для работы с персональной вычислительной техникой, файловой системой, стандартными средствами просмотра текстовой и графической информации.

Модуль универсальных информационных компетенций

- Умения и знания, необходимые для работы со стандартными (универсальными) текстовыми, табличными и графическими редакторами (процессорами), средствами вычислений, системами электронного документооборота, глобальными сетями и др.

Модуль общетехнических информационных компетенций

- Умения и знания, необходимые для работы с общетехническими прикладными компьютерными программами.

Модуль специальных (отраслевых) информационных компетенций

- Определяется конкретным видом профессиональной деятельности, востребован узкой номенклатурой профессий и специальностей работников.

Рис. 1. Информационные компетенции и их типовые модули

Источник: И.С. Симарова, Ю.В. Алексеевичева, Д.В. Жигин. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие. М., 2022. С. 943.

кругу специалистов (например, инженерам, конструкторам и архитекторам для работы в специализированных программах).

Несмотря на то что представленный подход выделяет и классифицирует информационные компетенции, он все же имеет определенные ограничения. Он фокусируется преимущественно на практическом применении цифровых навыков в профессиональной сфере, рассматривая их как инструмент труда. В то же время цифровые компетенции в современном мире выходят далеко за рамки рабочего места. Они являются неотъемлемой частью жизни в информационном обществе, подверженном постоянной цифровой трансформации. Другими словами, понятие цифровых компетенций в мировой академической литературе значительно шире, чем то, что предлагают российские органы государственной власти. Однако при этом, несмотря на широту самого определения, исследовательский фокус эмпирических исследований в мировой академической литературе зачастую сосредоточен на региональном уровне. В данной статье мы следуем этой парадигме, поэтому далее считаем необходимым обосновать необходимость анализа цифровых компетенций на региональном уровне, а также представить специфику исследуемого региона – Псковской области.

Региональный срез анализа цифровых компетенций

Региональный уровень анализа цифровых компетенций является необходимым и значимым по нескольким причинам.

Во-первых, различия в социально-экономическом развитии регионов создают уникальные условия для развития цифровых навыков. Уровень экономического развития, доступность образовательных ресурсов, инфраструктура и другие факторы существенно влияют на формирование и развитие цифровых компетенций у населения. Например, в сельских районах может быть ограничен

доступ к высокоскоростному Интернету, что затрудняет онлайн-обучение или развитие цифровых бизнес-инициатив. С другой стороны, наличие промышленных зон может стимулировать спрос на специалистов с цифровыми навыками по определенным ИТ-специальностям. Анализ указанных различий позволяет определить конкретные аспекты цифровых компетенций, требующих особого внимания в каждом регионе.

Во-вторых, региональные власти обладают большими возможностями для создания гибких и адаптированных к местным потребностям программ развития цифровых компетенций. Они имеют более глубокое понимание местной среды и специфики, что позволяет им разрабатывать более эффективные меры по стимулированию развития цифровых навыков у населения.

В-третьих, региональный анализ позволяет получить более подробную и качественную обратную связь от тех граждан, которые принимают участие в исследовании — особенно если речь идет о применении качественных методов изучения цифровых компетенций и цифровой трансформации.

Региональный фокус данного исследования сосредоточен на Псковской области. С нашей точки зрения, анализ цифровых компетенций в Псковской области в контексте ее уникального расположения, социальных особенностей и проблем является крайне важным для понимания процесса цифровой трансформации в регионах России. Как и все регионы России, Псковская область обладает самобытной историей, специфическим географическим расположением и социально-экономическими особенностями, которые делают ее интересным и значимым объектом анализа. Эти особенности можно свести к следующим:

- географическое расположение — Псковская область расположена на границах России и Европы, что определяет ее уникальное социально-экономическое положение: даже сейчас, в условиях санкций, она является мостом между российским рынком и рынками Европы, а также местом взаимодействия разных культур и традиций;
- многообразие контекстов — Псковская область отличается наличием поселений с различными сочетаниями социальных и этноэкономических характеристик, что создает хорошую базу для социологического исследования процессов цифровой трансформации и цифровых компетенций;
- экономические особенности — Псковская область имеет диверсифицированную промышленную базу, которая включает в себя более 160 крупных и средних предприятий, и многие из них играют важную роль в экономике как региона, так и страны в целом. Псковская область демонстрирует положительные результаты в повышении эффективности и результативности деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. В 2019 г. регион получил грант в размере 545 154,2 тыс. руб. за достижение значений (уровней) показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации³.

³ Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2035 года. [Текст]: распоряжение Администрации Псковской области от 10 декабря 2020 г. № 670-р. // Распоряжение. — 2020. — С. 1–147.

Несмотря на свои преимущества, Псковская область сталкивается с рядом проблем, которые необходимо решать. Одной из них является сокращение численности населения и старение населения (Псковская область делит первое место в СЗФО с Новгородской по доле населения старше трудоспособного возраста (30,3%) в общей численности населения региона). Еще одной проблемой Псковской области является низкая эффективность экономики: по данным рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ, построенного экспертами Рейтингового агентства «РИА Рейтинг», Псковская область в 2022 г. заняла 74 место⁴. Также важно отметить, что в Псковской области в 2019 г. доля работников, имеющих высшее образование, составила 24,8 процента – это самый низкий показатель по всей стране.

Псковская область является одним из 48 субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», реализуемого с 01.11.2018 по 31.12.2024 г.⁵ В 2020 г. в рамках проекта в регионах проводилось обучение и повышение квалификации по более чем 20 востребованным в цифровой экономике направлениям. Программа была доступна гражданам старше 18 лет, не достигшим пенсионного возраста, имеющим среднее профессиональное и/или высшее образование, проживающим в одном из 48 регионов–участников проекта. Участники получали персональные цифровые сертификаты, которые делали дополнительное обучение бесплатным. Однако результаты реализации проекта в Псковской области оказались не столь успешными: всего 317 человек прошли дистанционное обучение. Такой результат может быть объяснен рядом факторов:

- ограниченный срок подачи заявок и прохождения курса (две недели) создал значительные барьеры для участия в программе;
- ограничение по возрасту и образованию населения также сводило к минимуму количество людей, для которых курс мог быть доступен;
- недостаточная информированность о программе среди населения;
- возможность пройти обучение только по одной программе ограничивала возможности для получения нескольких цифровых компетенций.

Таким образом, несмотря на попытки реализовать образовательные программы по повышению цифровых компетенций в Псковской области, они не стали массовыми и не внесли вклада в развитие цифровых компетенций населения региона. Для того чтобы сформировать представление о причинах такой ситуации, более глубоко понять проблемы формирования цифровых компетенций населения, а также сформировать возможные пути преодоления сложившейся проблемы, было проведено эмпирическое исследование.

Методология эмпирического исследования

В мировой практике для определения уровня цифровых компетенций используются различные подходы, среди которых можно выделить три основных:

⁴ РИА Рейтинг. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. URL: <https://clck.ru/3AP93v> (дата обращения: 17.11.2023).

⁵ Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». [Текст]: протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019. № 9. // Протокол.– 2019.– С. 1–49.

самооценка; оценка, основанная на проверке знаний; оценка по результатам практической деятельности. Наиболее распространенным инструментом оценки является тестирование, в то время как цифровое портфолио используется гораздо реже [31]. Также весьма редкими являются качественные методы оценки цифровых компетенций населения региона, поскольку по своей сути они не являются столь же репрезентативными, как количественные методы. В то же время качественное исследование оценки цифровых компетенций населения региона способно дать более глубокое и многогранное представление о реальной ситуации. В отличие от количественных методов, сфокусированных на измерении и обобщении данных, качественный подход позволяет понять мотивы и установки людей, а также учесть специфику конкретного региона. Кроме того, порой сами участники проблемной ситуации подсказывают выход из нее. Это дает возможность сформулировать более точные и эффективные рекомендации по развитию цифровых компетенций, учитывающие не только общие тренды, но и локальные особенности. Именно поэтому в данной работе отдано предпочтение качественной методологии.

В августе – октябре 2023 г. было проведено интервью среди жителей Псковской области. Интервью проводилось Международной лабораторией цифровой трансформации в государственном управлении в рамках проекта «Зеркальная лаборатория» (руководители Е.М. Стырин, П.Э. Суворков). Интервью проводилось с жителями Псковской области и Пскова в возрасте от 18 до 69 лет, всего в нем участвовали 36 человек. Структура интервью включала несколько смысловых блоков, позволяющих постепенно раскрывать исследуемую тему. Вводный блок служил для установления контакта с респондентом и включал в себя базовые демографические вопросы. Далее следовала группа вопросов, направленных на выявление контекста использования цифровых технологий в жизни респондента, например при общении с близкими. Эта часть плавно перетекала в основной блок, посвященный различным аспектам цифровой грамотности: информационной безопасности, цифровым навыкам, онлайн-общению, финансовым операциям и т.д.

Для интерпретации полученных в ходе интервью данных была использована методология тематического анализа в программе анализа качественных данных MaxQDA. В фокусе внимания оказались ключевые темы и повторяющиеся паттерны, выявленные в ответах респондентов. Систематизация этих данных позволила сформулировать обоснованные выводы и интерпретации. Тематический анализ интервью позволил выявить круг наиболее актуальных для респондентов вопросов, среди которых особое место занимают информационная безопасность, уровень владения цифровыми технологиями, а также чувство доверия или настороженности по отношению к цифровой среде.

Сравнительный анализ ответов, полученных от представителей разных возрастных групп (учащихся, работающего населения и пенсионеров), выявил ряд закономерностей. Так, наиболее высокий уровень цифровой грамотности демонстрируют молодые люди. Работающее население значительно уступает им в этом, а пенсионеры, как правило, владеют лишь базовыми навыками, связанными преимущественно с онлайн-общением. Проведенное исследование позволяет

сделать вывод о наличии в Псковской области потребности в повышении уровня цифровой грамотности населения.

Результаты исследования

В результате тематического анализа выделились четыре основные темы: информационная безопасность, цифровые навыки, доверие и страхи в Интернете, образовательные возможности и повышение квалификации.

Информационная безопасность

Респонденты осознают риски, связанные с информационной безопасностью в Интернете. Они опасаются утечки личных данных, мошенничества, спама и других угроз. Респонденты более молодого возраста (до 50 лет) предпринимают меры предосторожности, такие как игнорирование подозрительных звонков и сообщений, использование антивирусного программного обучения. В то же время подавляющее большинство респондентов (30), независимо от возраста, не читает внимательно политику конфиденциальности сервисов и приложений, многие автоматически соглашаются на сбор данных.

Респонденты сталкивались со случаями мошенничества как лично, так и их родственники. Наиболее распространенными прожитыми угрозами являются звонки якобы от банка, просьбы денег в соцсетях от взломанных аккаунтов друзей. Это говорит о необходимости повышения цифровой грамотности и осведомленности об информационной безопасности среди населения всех возрастов.

Цифровые навыки

Уровень цифровых навыков респондентов очень различается. Молодое поколение в целом более уверенно пользуется Интернетом и цифровыми устройствами, выполняя широкий спектр задач, от копирования файлов до создания контента. Старшее поколение менее активно использует цифровые технологии и не всегда уверенно ориентируется в них. Многие отмечают недостаток знаний и опыта в некоторых аспектах, таких как настройка браузера, работа с базами данных, программирование. При этом готовность помогать другим в освоении цифровых навыков не очень высока, особенно среди молодежи. Развитие цифровой грамотности населения остается важной задачей.

Самооценка цифровых навыков при этом достаточно высока. Респонденты считают себя пользователями продвинутого уровня, хотя на самом деле обладают лишь базовыми цифровыми компетенциями.

Доверие и страхи в Интернете

Большинство респондентов считает, что в Интернете людям доверять нельзя или нужно делать это с осторожностью. Многие опасаются неискренности и обмана в онлайн-общении, особенно с незнакомыми людьми. В то же время есть случаи поддержания дружеских отношений, и даже нахождения любви через Интернет.

Некоторые респонденты опасаются общественного осуждения в случае публикации личной информации. Также присутствуют страхи манипулирования и вытеснения живого общения цифровыми сервисами. Необходимо развивать культуру доверия и безопасности в Интернете.

Образовательные возможности и повышение квалификации

Мнения об эффективности использования цифровых технологий в образовании разделились. Небольшая часть (5) респондентов положительно оценивает

электронные дневники, онлайн-курсы, доступ к образовательному контенту через Интернет.

Значительная часть респондентов (20) считают, что цифровизация отвлекает от учебного процесса, особенно детей, поскольку требует дополнительных усилий учителей и родителей. Заметим, что образовательные возможности взрослыми людьми преимущественно рассматривается как опция для детей. У взрослого работающего населения наблюдается нехватка времени для прохождения онлайн-курсов. В совокупности с общей высокой самооценкой цифровых навыков они считают, что образовательные продукты в виде долгих курсов не являются для них необходимыми.

Немногие используют и онлайн-ресурсы для получения новых знаний и повышения квалификации. В основном это поиск инструкций и объяснений по конкретным вопросам. Системное дистанционное обучение и онлайн-курсы не очень популярны.

В то же время респонденты формулируют запрос на «новенькое» в цифровой среде. Они хотели бы учиться применению новых продуктов, правил безопасности в Интернете, новым возможностям общения, поиска работы и взаимодействия с государством. Однако эти образовательные продукты не должны, по мнению респондентов, отвлекать их от работы и/или семьи. Развитие качественного, интересного и доступного онлайн-образования остается перспективным направлением.

Таким образом, большинство респондентов обладают лишь базовыми цифровыми компетенциями. Они знают основные функции цифровых устройств, но действия, требующие специальных знаний, выполнить не могут (изменять конфигурацию устройств, использовать макросы). У большинства интервьюируемых не хватает знаний об информационной безопасности — они знают о существовании антивирусов, но не хотят их использовать; некоторые не боятся утечки данных и считают, что в этом нет ничего страшного. Кроме того, многие не следуют законам об авторских правах и используют пиратский контент. Все это говорит о непонимании людьми важности и необходимости соблюдения определенных правил в Интернете для их же безопасности.

Желание повышать свои цифровые компетенции выражают преимущественно молодые люди, в том числе студенты и работающие специалисты. Пенсионеры же, как правило, удовлетворены имеющимися знаниями и навыками. Среди наиболее востребованных направлений обучения выделяются программирование, информационная безопасность и работа с программами обработки данных. В то же время респонденты отмечают существенные проблемы с доступностью курсов по цифровому образованию, их формализм, недостаточность реальных знаний и навыков. Выходом из этой ситуации, по мнению респондентов, могла бы стать не столь формальная и традиционная, а, например, игровая практика, которая в то же время давала бы новые знания и навыки. Это подводит нас к мысли о том, что предлагаемые в цифровой сфере образовательные проекты должны носить социально-инновационный характер. Другими словами, формирование цифровых компетенций населения должно рассматриваться не как стандартный программируемый управленческий процесс, а как социальная инновация.

Выводы и рекомендации: цифровое образование как социальная инновация

Несмотря на стремительное развитие цифровизации в государственном секторе, существуют барьеры, препятствующие дальнейшему внедрению информационных технологий в данную сферу [7. С. 22–23], и низкий уровень цифровых компетенций является одним из них. Вследствие этого особую важность приобретают программы, направленные на повышение компетенций жителей в области информационных технологий, так как они помогают увеличить потенциал граждан и способствуют равномерному распределению доступа к цифровым государственным услугам, особенно в развивающихся странах. Разница в потреблении цифровых государственных услуг значительно ощутима между городским и сельским населением, и помимо того, что это ограничивает равный доступ к данному сервису, это также понижает сам спрос на государственные услуги [12].

В связи с этим целесообразно развитие подхода к определению цифровых компетенций, предложенному ВНИИ Минтруда. Ограничение понимания цифровой компетентности только трудовыми обязанностями приводит к ложной высокой самооценке цифровой грамотности у населения, не мотивирует ее развитие. Цифровая компетентность должна быть переопределена как постоянно совершенствующийся набор знаний, умений, навыков и установок, необходимых для уверенного, критического и творческого использования цифровых технологий для достижения целей, связанных с работой, обучением, досугом, взаимодействием с государством и участием в жизни общества.

Современные проблемы требуют современных решений. В контексте рассматриваемой проблемы решением может быть отход от рассмотрения процесса формирования цифровых компетенций как формально-рутинного процесса к пониманию его как социальной инновации. Цифровая трансформация влияет и на государственное управление, и на общество, и постепенно трансформирует деятельность, обеспечиваемую государством, вызовами и новыми потребностями, в том числе социальными. Одной из таких потребностей, как показало наше исследование, является потребность в инновационных образовательных практиках, способных интересно, эффективно и быстро развить имеющийся у человека уровень цифровой компетенции до уровня необходимой успешности в текущей жизненной ситуации, определенной конкретным этапом цифрового развития региона, в котором он живет, и общества в целом.

Социальные инновации являются пограничным типом инноваций между частным и государственным секторами, между стилями реализации «снизу вверх» и «сверху вниз». Вот почему жизненно важным действием, «чтобы полностью использовать потенциал социальных инноваций», является «создание политической основы, необходимой для поддержки государственных, некоммерческих и частных субъектов»⁶. Цифровые социальные инновации «предполагают использование цифровых технологий при разработке и внедрении инновационных продуктов, услуг, процессов и бизнес-моделей, направленных на улучшение благосостояния и свободы действий социально незащищенных групп или решение социальных проблем». Более того, цифровые социальные инновации «связаны не столько

⁶ OECD. (2024). Social economy and social innovation. URL: <https://www.oecd.org/regional/lead/social-innovation.htm> (дата обращения 17.06.2024).

с технологическими инновациями, сколько с социальными инновациями – процессом поиска инновационных, эффективных и устойчивых решений насущных социальных проблем» [24]. Как отмечает Т. Яновский [18], основным двигателем инноваций цифрового правительства является так называемый «потребительский спрос», а заказчиком является общество.

Исходя из данных интервью, «потребительский спрос» в Псковской области формируется вокруг таких тематик, как:

- обучение безопасному и ответственному использованию интернета и цифровых технологий (распознавание достоверной и ложной информации в сети; защита от мошенничества и кибератак; управление личными данными и конфиденциальностью);
- освоение базовых навыков работы с цифровыми устройствами и приложениями (работа с текстовыми редакторами, таблицами, базами данных – прежде всего для граждан старше 50 лет; использование онлайн-сервисов государственных учреждений (Госуслуги); навигация в интернете, управление браузером);
- развитие цифровой грамотности и критического мышления (определение целей и надежности источников информации; соблюдение авторских прав и правил использования контента; оценка достоверности и объективности онлайн-контента);
- освоение возможностей цифровых технологий для обучения, личностного развития и коммуникации (использование онлайн-курсов и образовательных ресурсов, совместная работа над документами и проектами, эффективное общение в социальных сетях).

Внедрение инноваций в области цифрового образования может преодолеть барьеры и проблемы регионального развития: страх, отсутствие лидерства, краткосрочное мышление, отсутствие ресурсов, отсутствие четкого процесса и отсутствие срочности [28]. А главный ключ к успешной реализации инновации, способной решить социальную проблему, определяют Чанг, Чой и Чо (2022) [13] – «инновация должна решить проблему». С этой точки зрения и с позиции подхода к цифровому образованию как социальной инновации курсы повышения квалификации в области цифровых компетенций должны обладать следующими ключевыми характеристиками.

1. Краткость: курсы должны быть сжатыми по времени и желательно длиться не более 2 часов. Это позволит слушателям быстрее усваивать материал, сохранять концентрацию внимания и эффективно вписывать обучение в свой график.

2. Игровой формат: для повышения вовлеченности и мотивации обучающихся курсы следует проводить в игровой, интерактивной форме. Игровые элементы, симуляции, кейсы помогут закреплять знания и навыки в увлекательной и запоминающейся манере.

3. Доступность изложения: материал курсов должен подаваться простым, понятным языком, избегая сложной терминологии. Это сделает знания более доступными для широкого круга слушателей с разным базовым уровнем цифровой грамотности.

4. Практическая направленность: важно, чтобы курсы давали возможность отрабатывать полученные знания на практике. Выполнение упражнений,

решение задач, работа с реальными инструментами и сервисами позволят закрепить навыки и подготовиться к их применению в профессиональной деятельности.

5. Региональная адаптация: состав и содержание курсов должны определяться на региональном уровне с учетом специфики местной экономики, уровня цифровизации, потребностей рынка труда. Это обеспечит актуальность и практическую ценность обучения для конкретных регионов.

Такой формат курсов развития цифровых компетенций, отвечающий принципам социальных инноваций, позволит оперативно и эффективно развивать цифровые компетенции граждан, повышая их адаптивность к вызовам информационного общества и конкурентоспособность на современном рынке труда.

Литература

1. *Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б., Артамонов Р.Е., Титов Э.А.* Оценка цифровой готовности населения. Докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2021.
2. *Зимняя И.А.* Компетентность и компетенции в контексте компетентностного подхода. Доклад метод. семинара: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. М., 2015. С. 64–75.
3. *Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В.* Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2. С. 935–948.
4. *Aben T.A., van der Valk W., Roehrich J.K., Selviaridis K.* Managing information asymmetry in public–private relationships undergoing a digital transformation: the role of contractual and relational governance // *International Journal of Operations & Production Management*. 2021. P. 1145–1191.
5. *Agostino D., Arnaboldi M., Lema M.D.* New development: COVID-19 as an accelerator of digital transformation in public service delivery // *Public Money & Management*. 2021. Vol. 41. No. 1. P. 69–72.
6. *Altayar M.S.* Motivations for open data adoption: An institutional theory perspective. *Government Information Quarterly*. 2018. Vol. 35. No. 4. P. 633–643.
7. *Alvarenga A., Matos F., Godina R., CO Matias J.* Digital transformation and knowledge management in the public sector // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 14. P. 5824.
8. *Asgarkhani M.* Digital government and its effectiveness in public management reform: A local government perspective. *Public management review*. 2005. Vol. 7. No. 3. P. 465–487.
9. *Asgarkhani M.* E-service in the Public Sector. 2005.
10. *Botrić V., Božić L.* The digital divide and E-government in European economies // *Economic research-Ekonomska istraživanja*. 2020. Vol. 34. No.1. P. 2935–2955.
11. *Chatfield A.T., Reddick C.G.* A framework for Internet of Things-enabled smart government: A case of IoT cybersecurity policies and use cases in US federal government // *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 346–357.
12. *Chohan S.R., Hu G.* Strengthening digital inclusion through e-government: cohesive ICT training programs to intensify digital competency. *Information Technology for Development*. 2020. P. 1–23.
13. *Chung C.S., Choi H., Cho Y.* Analysis of Digital Governance Transition in South Korea: Focusing on the Leadership of the President for Government Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022. Vol. 8. No.1.
14. *Clarke A.* Digital government units: what are they, and what do they mean for digital era public management renewal? *International Public Management Journal*. 2020. Vol. 23. No.3. P. 358–379.
15. *Gil-Garcia J.R., Dawes S.S., Pardo T.A.* Digital government and public management research: finding the crossroads // *Public Management Review*. 2018. Vol. 20. No.5. P. 633–646.
16. *Henderson D.* Demand-side broadband policy in the context of digital transformation: An examination of SME digital advisory policies in Wales // *Telecommunications Policy*. 2020. Vol. 44. No.9. P. 102024.

17. *Huang B., & Yu J.* Leading Digital Technologies for Coproduction: the Case of “Visit Once” Administrative Service Reform in Zhejiang Province, China // *Journal of Chinese Political Science*. 2019. Vol. 24. No.3. P. 513–532.
18. *Janowski T.* Digital government evolution: From transformation to contextualization // *Government information quarterly*. 2015. Vol. 32. No.3. P. 221–236.
19. *Katsonis M., & Botros A.* Digital government: a primer and professional perspectives. *Australian Journal of Public Administration*. 2015. Vol. 74. No.1. P. 42–52.
20. *Li X., & Ding Y.* Holistic governance for sustainable public services: Reshaping government–enterprise relationships in China’s digital government context. *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17. No.5. P. 1778.
21. *Lindgren I., Madsen C.Ø., Hofmann S., & Melin U.* (2019). Close encounters of the digital kind: A research agenda for the digitalization of public services // *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36. No.3. P. 427–436.
22. *Omar A., Weerakkody V., Sivarajah U.* Digitally enabled service transformation in UK public sector: A case analysis of universal credit // *International Journal of Information Management*, 37. No.4. P. 350–356.
23. *Pittaway J.J., & Montazemi A.R.* Know-how to lead digital transformation: The case of local governments // *Government Information Quarterly*. 2020. Vol. 37. No.4. P. 101474
24. *Qureshi I., Pan S.L., & Zheng Y.* Digital social innovation: An overview and research framework // *Information Systems Journal*. 2021. Vol. 31. No.5. P. 647–671.
25. *Rizza C.* (2014). Digital competences. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. 2014.
26. *Schou J., & Hjelholt M.* (2019). Digitalizing the welfare state: citizenship discourses in Danish digitalization strategies from 2002 to 2015 // *Critical Policy Studies*. 2019. Vol. 13. No.1. P. 3–22.
27. *SZ S.T., Saleem A., & Batcha M.S.* Digital literacy awareness among Arts and Science college students in Tiruvallur district: A study // *International Journal of Managerial Studies and Research*. 2014. Vol. 2. No.4. P. 61–67.
28. *Szambelan S., Jiang Y., & Mauer R.* Breaking through innovation barriers: Linking effectuation orientation to innovation performance // *European Management Journal*. 2020. Vol. 38. No.3. P. 425–434.
29. *Van Noordt C., & Misuraca G.* Exploratory insights on artificial intelligence for government in Europe // *Social Science Computer Review*. 2022. Vol. 40. No.2. P. 426–444.
30. *Walton G.* (2016). “Digital literacy” (DL): establishing the boundaries and identifying the partners // *New Review of Academic Librarianship*. 2016. Vol. 22. No.1. P. 1–4.
31. *Wong S.C.* Competency definitions, development and assessment: A brief review // *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. 2020. Vol. 9. No.3. P. 95–114.
32. *Woodruffe C.* What is meant by a competency? // *Leadership & organization development journal*. 1993. Vol. 14. No.1. P. 29–36.

Evgeniy Styryn (e-mail: estyryn@hse.ru)

Ph.D. in Sociology, Head of the International Laboratory of Digital Transformation in Public Administration, Associate Professor, Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, Institute for Public Administration and Governance, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

**ON THE FORMATION OF DIGITAL COMPETENCIES OF THE POPULATION
AT THE REGIONAL LEVEL AS A SOCIAL INNOVATION:
THE CASE OF THE PSKOV OBLAST**

In the article the author analyzes the current state of digital competencies of the population of the Pskov Oblast based on the results of interviews on the following topics: information security, digital skills, trust and fears on the Internet, educational opportunities and professional development. It is revealed that with a high self-assessment of digital skills respondents possess only basic digital competencies, most interviewees lack knowledge about information security, many do not follow copyright laws. To solve the problems, the article offers recommendations on the format of digital competence development courses that meet the principles of social innovation.

Keywords: digital competencies, digital literacy, information security, digital skills, social innovation, “digital” state.

DOI: 10.31857/S0207367624070055, **EDN:** BADCWG

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 332.1

Светлана Володина

доцент кафедры экономики, управления и финансов, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
(г. Владивосток, Российская Федерация)
(e-mail: conferencii16@mail.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Одним из инструментов стабильного функционирования организаций является повышение эффективности использования основного капитала. Основные направления развития рыбохозяйственного комплекса определены соответствующей государственной программой, утвержденной постановлением Администрации Приморского края. Одной из задач явилось техническое перевооружение, стимулирование обновления и модернизация основных производственных фондов, которое должно привести к повышению выпуска рыбопродукции, созданию новой товарной массы. В соответствии с программой в отрасли уже происходят позитивные перемены. Однако остались еще нерешенные проблемы, касающиеся эффективности использования основного капитала и его улучшения в перспективе. В данной статье с применением количественных оценок анализируются факторы, которые определяют перспективы повышения эффективности использования основного капитала рыбохозяйственных организаций.

Ключевые слова: основной капитал, инвестиции, эффективность, рыбохозяйственный комплекс, экономический рост.

DOI: 10.31857/S0207367624070066, EDN: AZVGRA

Введение

Развитие рыбохозяйственного комплекса необходимо исследовать во взаимосвязи не только со спецификой водных биоресурсов и особенностями производства рыбной продукции, но и во взаимосвязи с эффективностью использования факторов производства. Весомой частью в структуре основных средств является дорогостоящий рыбопромысловый флот, что изначально делает производство высокочрезвычайно затратным. Кроме этого, такая особенность, как сезонность лова, подвижность сырьевых ресурсов, которые влияют на состояние промысловой обстановки, могут привести к тому, что производственные мощности будут загружены не в полном объеме [1]. В этих условиях организации сталкиваются с проблемой снижения выпуска рыбопродукции и эффективности использования основного капитала, восстановление которой в перспективе зачастую вызывает определенные трудности, что в свою очередь, тормозит экономический рост в отрасли.

Анализ последних публикаций показывает, что довольно много работ посвящено анализу инвестиций в основной капитал, от чего зависит состояние и эффективность использования средств труда. Так, в статье А.М. Терехова сформулированы ежеквартальные прогнозы инвестиций в основной капитал на 2022–2023 гг. по РФ, построен усредненный прогноз на основе результатов

прогнозирования по двум методикам [2]. С.А. Мицек, Е.Б. Мицек анализируют инвестиции в основной капитал в России с применением методов эконометрического моделирования и делают выводы относительно важнейших факторов, определяющих динамику этой величины [3]. В статье А.В. Прокопьева рассматривается проблема установления наличия и оценки тесноты взаимосвязи между показателями валового регионального продукта и объема инвестиций в основной капитал по регионам России [4]. Н.П. Карлова анализирует проблемы привлечения инвестиций в основной капитал, а также предлагаются возможные пути их решения на примере предприятий РФ [5]. И.А. Юнусов и соавт. исследуют проблемы привлечения инвестиций в основной капитал в условиях санкционного давления [6]. В статье Л.З. Абдоковой и соавт. проведен теоретический анализ основных направлений эффективности использования основного капитала [7].

В публикациях экономистами обсуждается также отраслевой аспект использования основного капитала, влияющие на него инвестиционные процессы и вопросы обновления основных средств.

В работе Е.Г. Михайловой рассматриваются особенности рыбной отрасли, влияющие на оценку основных средств. Предлагается система показателей для оценки эффективности использования основных средств рыбной отрасли с учетом параметров устойчивого развития [8]. О.В. Демчук анализирует теоретические основы формирования подходов к оценке эффективности хозяйственной деятельности организаций рыбной отрасли [9]. В статье В.И. Кузина и др. проанализирован производственный потенциал рыбной отрасли за период до 2016 г., проблемы финансирования воспроизводства основных средств, сделан вывод, что сложившиеся тенденции и объемы инвестиций не отвечают потребностям отрасли. Вместе с тем указывается высокая отдача средств труда и способность активов генерировать прибыль [10]. В статье А.Н. Макоедова исследовано выполнение задач «Концепции развития рыбного хозяйства РФ до 2020 г.», одной из которых являлась государственная поддержка обновления основного капитала, что обеспечивалось за счет инвестквот рыбохозяйственным организациям [11]. Выполнение заданий по обновлению основных средств, поставленных в государственных программах, проанализировано также в публикации В.Д. Рудашевского и др. [12]. В работе А.Г. Мнацакян и др. обсуждаются проблемы старения рыбопромыслового флота, следствием чего являются неполноценная работа судов, низкая эффективность использования, трудности с модернизацией в связи с их конструктивными ограничениями; предлагаются меры по ускорению процесса обновления основного капитала, которые сводятся, главным образом, к осуществлению активной государственной инвестиционной политики [13]. В другой публикации авторов исследуются причины финансового благополучия рыбохозяйственного комплекса; показаны факторы роста выручки и прибыли, сопоставление которых со среднегодовой стоимостью основного капитала позволяет судить об эффективности использования основных средств [14]. В статье В.И. Саускан и соавт. [15] обсуждается неудовлетворительное состояние основного капитала в качестве фактора риска, негативно сказывающегося на выпуске рыбной продукции, для развития рыбохозяйственного комплекса.

Проблемы воспроизводства основного капитала уже исследовались автором. В публикациях [16, 17] с использованием статистической информации проанализированы и определены проблемы состояния и эффективности использования основного капитала в рыбохозяйственном комплексе, на основе чего рассмотрены вопросы планирования инвестиционного потенциала. В данной статье с применением количественных оценок анализируются факторы, которые определяют перспективы повышения эффективности использования основного капитала рыбохозяйственных организаций.

Методология

Формирование целей статьи. Целью публикации явилось исследование перспектив улучшения использования основного капитала на основе анализа влияния факторов.

Постановка задания. Анализ показателей эффективности использования основного капитала организаций; количественная оценка влияния факторов различного порядка на формирование фондоотдачи и фондорентабельности; расчет влияния показателей эффективности на выручку организаций.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Исследование проведено с применением методик факторного анализа, а также таких методов, как анализ, синтез, аналогия, обобщение, описание, сравнение.

Основная часть

Показатели эффективности основного капитала организаций рыбохозяйственного комплекса Приморского края по виду деятельности «Рыболовство и рыбоводство» за 2018–2022 гг. представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что выручка организаций по виду деятельности «Рыболовство и рыбоводство» имела тенденцию к устойчивому росту до 2021 г., средний коэффициент роста составил 1,146.

Одним из факторов роста выручки явилось увеличение физического объема производства рыбопродукции. До 2020 г. статистические данные показывают следующую динамику: темп роста производства в 2018 г. – 109,5%, 2019 г. – 103,7%, 2020 г. – 126,6% [19].

Другим фактором роста стало постоянное повышение цен на рыбную продукцию, обусловленное инфляцией, ослаблением конкуренции в результате снижения импорта рыбы и морепродуктов [14]. Так, в 2021 г. по сравнению с 2018 г. импорт уменьшился в 3,7 раза – с 43,3 тыс. т до 11,8 тыс. т [19]. Причиной роста выручки экономистами также указывается обесценивание рубля на фоне роста экспорта рыбы [14].

В 2021–2022 гг. отмечалось снижение производства рыбопродукции, темп роста соответственно 96,3 и 99,5%, что в 2021 г. замедлило повышение выручки, а в последующем – способствовало ее снижению [20]. Уменьшение производства в 2021 г. стало следствием снижения вылова, главным образом минтая и сельди из-за неблагоприятных промысловых условий [21].

Снижение выручки в 2022 г., помимо влияния выпуска рыбопродукции, обусловлено уменьшением цен производителей на некоторые виды рыб, такие как рыба соленая или в рассоле – на 0,8%, сельдь соленая – 2,8%, рыбные консервы – 11%, пресервы – 9% [20].

**Показатели эффективности основного капитала организаций
рыбохозяйственного комплекса по виду деятельности
«Рыболовство и рыбоводство» за 2018–2022 гг.**

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022	Средний коэффициент роста
Выручка, млн руб.	62075	74974	83395	114106	107250	1,146
Прибыль до налогообложения, млн руб.	1685	19570	6700	35118	26273	1,987
Среднегодовая стоимость основного капитала, млн руб., в том числе	38902,6	42895,4	43592,1	38670,5	49676,0	1,146
– активных	37580	42295	42677	37356	45553	1,049
Доля активной части в общей стоимости основного капитала, %	96,6	98,6	97,9	96,6	91,7	0,987
Фондорентабельность, %	4,3	45,6	15,4	90,8	52,9	1,873
Фондоотдача, руб. в том числе,	1,596	1,748	1,913	2,951	2,159	1,078
– активных основных средств	1,652	1,773	1,954	3,055	2,354	1,146
Фондоемкость, руб.	0,627	0,572	0,523	0,339	0,463	0,927

Источник: составлено и рассчитано автором по данным [18–20].

Прибыль до налогообложения то снижалась, то повышалась, причем динамика была ярко выраженной: в 2019 г. отмечался рост в 11,6 раза, в 2020 г. – снижение в 2,9 раз, в 2021 г. – опять рост в 5,2 раза, в 2022 г. – уменьшение в 1,3 раза.

Наиболее негативную динамику прибыль имела в пандемийный период, когда для приема рыбы закрылись границы основного экспортёра, – Китая. Следствием этого стало значительное снижение цен на основные виды валютоемкой рыбопродукции из минтая и сельди, спад продаж, остатки нерезализованных рыбопродуктов [22]. Появилась необходимость в перераспределении товаропотока, в том числе на хранение и переработку в отечественных организациях [23], поиске новых каналов и рынков сбыта. Все это привело к проседанию рыбного рынка, высокзатратное производство рыбопродукции понесло дополнительные значительные расходы на логистику, фрахт и антиковидные мероприятия [24].

Экспортноориентированность рыбохозяйственного комплекса негативно проявилась и в 2022 г., когда из-за санкций со стороны недружественных стран опять возникли трудности с рынками сбыта, что вызвало снижение показателей выручки и прибыли. Между тем, несмотря на негативное влияние внешних факторов, результаты производственной деятельности демонстрировали прибыль.

Интенсивных изменений в динамике средней стоимости основного капитала, в том числе стоимости его активной части, не отмечалось: средний коэффициент роста составил 1,146 и 1,049 соответственно. В 2018–2020 гг. основной капитал отрасли неуклонно повышался – с 38902,6 млн руб. в 2018 г. до 43592,1 млн руб. в 2020 г. В 2021 г. отмечалось кратковременное снижение, а в 2022 г. – опять рост, из-за которого стоимость основных средств стала выше достигнутой в предыдущие годы. Существенных структурных сдвигов в составе основного капитала не наблюдалось – доля активной части в общей стоимости основного капитала находилась в пределах 91,7–98,6%.

Рост стоимости основных средств в исследуемом периоде происходил в рамках выполнения концепций государственной Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса РФ на период до 2030 г. (в настоящее время утратила силу в связи с утверждением Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г.), которой предусматривалась активная государственная поддержка строительства современного флота с учетом новых требований к созданию и использованию передового рыбопромыслового оборудования, объектов береговой инфраструктуры; внедрение инновационных технологий производства рыбопродукции и ее транспортировки [24].

В связи с этим принимались меры по созданию благоприятных инвестиционных условий для формирования новых объектов основного капитала. В Приморском крае предусматривалось ежегодное повышение инвестиций на 9–10% за счет финансовой поддержки отрасли из средств краевого бюджета, а также привлечения собственных средств организаций [25]. В этом направлении положительное влияние на обновление флота оказало внедрение механизма инвестквот, который предусматривает предоставление государством доли квоты вылова в обмен на инвестиции в области рыболовства для осуществления промысла. В Приморье силами местных судостроительных заводов уже построено несколько судов с передовыми технологиями для производства качественной продукции и логистические комплексы, причем работа в этом направлении активно продолжается.

Динамика выручки, прибыли до налогообложения, среднегодовой стоимости основного капитала, сложившаяся под влиянием тенденций изменения цен, затрат, объемов производства рыбопродукции, внешних факторов, внесших изменения в условия функционирования рыбохозяйственного комплекса, сказалась на эффективности использования основного капитала.

Фондоотдача основных средств, в том числе их активной части, повышалась, а фондоемкость снижалась, кроме 2022 г. Однако в среднем за последние 5 лет коэффициенты роста фондоотдачи были выше единицы, что указывает на повышение эффективности использования основного капитала в рыбохозяйственном комплексе. Между тем наблюдается неустойчивая динамика фондорентабельности, которая в 2019 г. повысилась с 4,3 до 45,6% (рост в 10,5 раз), а в 2020 г. – уменьшилась до 15,4%, то есть в 3 раза, в 2021 г. фондорентабельность достигла уровня 90,8%, а в 2022 г. снизилась до 52,9%. В связи с этим интерес представляет количественная оценка влияния факторов, которые вызвали нестабильную динамику фондорентабельности.

Факторами первого порядка, влияющими на фондорентабельность, являются прибыль до налогообложения и среднегодовая стоимость основного капитала. Расчет влияния факторов с применением кратной модели представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Анализ влияния факторов первого порядка на фондорентабельность организаций
рыбохозяйственного комплекса за 2018–2022 гг.**

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022
Фондорентабельность, %	4,3	45,6	15,4	90,8	52,9
Изменение фондорентабельности, %, всего,	–	41,3	–30,2	75,4	–37,9
в том числе за счет					
– прибыли до налогообложения;	–	46,0	–30,0	65,2	–22,8
– среднегодовой стоимости основного капитала	–	–4,7	–0,2	10,2	–15,1

Источник: рассчитано автором по данным табл. 1.

Анализ показывает, что динамика фондорентабельности складывалась в основном под влиянием интенсивного из года в год изменения прибыли до налогообложения. В 2019 г. и 2021 г. за счет воздействия данного фактора фондорентабельность повысилась на 46 и 65,2% соответственно. В 2020 г. и 2022 г. снижение прибыли привело к уменьшению эффективности использования основного капитала. Влияние изменения среднегодовой стоимости основного капитала на фондорентабельность было менее существенным, чем прибыли.

Факторами второго порядка, влияющими на изменение фондорентабельности, являются фондоотдача и рентабельность продаж, исчисленная как отношение прибыли до налогообложения к выручке. Анализ влияния данных факторов на фондорентабельность приведен в табл. 3.

Таблица 3

**Анализ влияния факторов второго порядка на фондорентабельность организаций
рыбохозяйственного комплекса за 2018–2022 гг.**

Фактор	2018	2019	2020	2021	2022	Изменение фондорентабельности под влиянием факторов, %			
						2019	2020	2021	2022
Фондоотдача	1,596	1,748	1,913	2,951	2,159	0,4	4,3	8,3	–24,4
Рентабельность продаж	0,027	0,261	0,080	0,308	0,245	40,9	–34,6	67,2	–13,6

Источник: рассчитано автором по данным табл. 1.

Анализ показывает, что наиболее сильное влияние на фондорентабельность оказывала рентабельность продаж, кроме 2022 г. Так, в 2019 г. и 2021 г. динамика

показателя привела к росту фондорентабельности на 40,9 и 67,2% соответственно, а в 2020 г. – к снижению на 34,6%. В 2022 г. уменьшение фондорентабельности обусловлено влиянием двух факторов, при этом фондоотдача имела наибольшее влияние, чем рентабельность продаж.

Аналитические процедуры по количественной оценке влияния факторов предусматривают анализ изменения фондорентабельности за счет структуры основного капитала и эффективности использования активных основных средств. Расчет производится путем умножения абсолютного прироста фондоотдачи за счет каждого фактора на базовый уровень рентабельности продаж (табл. 4).

Таблица 4

Анализ влияния структуры основного капитала и эффективности использования активных основных средств на фондорентабельность организаций рыбохозяйственного комплекса за 2018–2022 гг.

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022
Доля активной части в общей стоимости основного капитала, %	96,6	98,6	97,9	96,6	91,7
Фондоотдача активных основных средств	1,652	1,773	1,954	3,055	2,354
Изменение общей фондоотдачи, всего, в том числе за счет	–	0,152	0,165	1,038	–0,792
– доли активной части в общей стоимости основного капитала;	–	0,033	–0,012	–0,025	–0,150
– фондоотдачи активных основных средств	–	0,119	0,177	1,064	–0,642
Рентабельность продаж за предыдущий год		0,027	0,261	0,080	0,308
Влияние факторов на фондорентабельность, %					
– доли активной части в общей стоимости основного капитала;	–	0,09	–0,32	–0,20	–4,62
– фондоотдачи активных основных средств	–	0,32	4,62	8,51	–19,8

Источник: рассчитано автором по данным табл. 1.

Анализ показывает, что повышение эффективности использования активных основных средств до 2021 г. способствовало росту общей фондоотдачи. В 2022 г. снижение фондоотдачи активной части основного капитала отрицательно сказалось на фондоотдаче в целом. Динамика структуры основного капитала приводила к снижению фондоотдачи, но незначительному.

Аналогичное влияние факторы оказывали на изменение фондорентабельности: до 2021 г. ее повышение вызвано, в основном, улучшением эффективности использования активной части основного капитала, в 2022 г. под влиянием данного фактора фондорентабельность уменьшилась. Изменение структуры основного капитала отрицательно повлияло в 2020–2022 гг., когда за счет этого фактора фондорентабельность уменьшилась на 0,32%; 0,20%; 4,62% соответственно.

Перспективы улучшения использования основного капитала зависят от соотношения темпов роста выработки, фондовооруженности и фондоотдачи (табл. 5).

Таблица 5

Анализ соотношения темпов роста выработки, фондовооруженности и фондоотдачи организаций рыбохозяйственного комплекса за 2018–2022 гг.

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022	Коэффициент роста			
						2019	2020	2021	2022
Выработка, млн руб.	4,28	5,00	5,67	11,06	9,57	1,168	1,135	1,950	0,865
Фондовооруженность, млн руб.	2,68	2,86	2,97	3,75	4,44	1,066	1,037	1,262	1,184
Фондоотдача	1,596	1,748	1,913	2,951	2,159	1,095	1,095	1,543	0,732
Изменение фондоотдачи, всего, в том числе за счет	–	0,152	0,165	1,038	–0,792	–	–	–	–
– выработки	–	0,270	0,235	1,811	–0,397	–	–	–	–
– фондовооруженности	–	–0,118	–0,070	–0,773	–0,395	–	–	–	–

Источник: составлено и рассчитано автором по данным [18–20].

Таблица 6

Анализ влияния структуры основного капитала и эффективности использования активных основных средств на выручку организаций рыбохозяйственного комплекса за 2018–2022 гг., млн руб.

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Выручка	62075	74974	83395	114106	107250
Изменение выручки, всего, в том числе за счет	–	12899	8421	30711	–6856
– среднегодовой стоимости основных средств;	–	6373	1218	–9420	32513
– доли активной части в общей стоимости основного капитала;	–	1421	–523	–982	–7436
– фондоотдачи активных основных средств	–	5105	7726	41113	–31933

Источник: рассчитано автором по данным табл. 1.

Данные табл. 5 свидетельствуют, что до 2021 г. темп роста производительности труда превышал темп роста фондовооруженности, что привело к повышению эффективности использования основного капитала. Расчет влияния факторов показывает, что на повышение фондоотдачи сильно повлияло увеличение выработки работников организаций рыбохозяйственного комплекса, в то время как изменение фондовооруженности сдерживало рост результативного показателя. Однако в 2022 г. соотношение в темпах роста показателей показывает обратную ситуацию – эффективность основного капитала ухудшилась, поскольку на фоне увеличения вооруженности средствами труда выработка рыбопродукции уменьшалась, что привело к снижению фондоотдачи.

Применение методик факторного анализа позволяет дать количественную оценку влияния структуры основного капитала и эффективности его использования на выручку организаций рыбной отрасли по виду деятельности «Рыболовство и рыбоводство». Результаты факторного анализа приведены в табл. 6.

Расчеты показали, что отрицательное влияние на выручку имело изменение структуры основного капитала в 2020–2022 гг., а в 2022 г. – наиболее сильно повлияло снижение эффективности использования активной части средств труда. Изменения среднегодовой стоимости основного капитала негативно сказалось на выручке лишь в 2021 г., а в 2022 г. под влиянием данного фактора выручка повысилась, причем существенно.

Выводы исследования

Таким образом, анализ фондоотдачи показывает, что после ежегодного повышения показателя до 2021 г., в 2022 г. его значение ухудшилось как в целом по основному капиталу, так и по его активной части. Соответственно, такая динамика привела к существенному уменьшению в этот год выручки по виду деятельности «Рыболовство и рыбоводство». Снижение фондоотдачи обусловлено изменениями в структуре основного капитала, снижением эффективности использования активных средств труда и выработки на фоне роста фондовооруженности.

Фондорентабельность к 2021 г. достигла весьма высокого уровня, однако такой рост не является устойчивой тенденцией, поскольку из года в год показатель то повышался, то снижался. При этом в 2022 г. снижение фондорентабельности происходило за счет всех показателей, имевших влияние на ее динамику – прибыли до налогообложения, среднегодовой стоимости основного капитала, фондоотдачи, рентабельности продаж, структуры основного капитала.

Следует отметить, что, несмотря на снижение показателей эффективности использования основного капитала в 2022 г., их значения превышали уровни предшествующих лет. В этой связи перспективы видятся в достижении стабильности внутреннего производства, наличии запасов водных биологических ресурсов, дальнейшем выполнении задач, предусмотренных государственной программой Приморского края «Развитие рыбохозяйственного комплекса в Приморском крае на 2020–2027 годы»: рост объема вылова водных биологических ресурсов и инвестиций для создания, модернизации и технического перевооружения рыбных производств, за счет этого устойчивый рост производительности труда и снижение удельной себестоимости рыбопродукции [25].

Литература

1. *Володина С.Г.* Специфика развития организаций рыбохозяйственного комплекса Приморского края // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 119–122.
2. *Терехов А.М.* Прогнозирование инвестиций в основной капитал // Вестник университета. 2022. № 7. С. 145–154.
3. *Мицек С.А., Мицек Е.Б.* Региональный анализ инвестиций в основной капитал в России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 4. С. 19–23.
4. *Прокопьев А.В., Прокопьева Т.В.* Оценка уровня взаимосвязи валового регионального продукта и объема инвестиций в основной капитал по регионам России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12 (101). С. 63–73.

5. *Карлова Н.П., Якушева Е.Д.* Инвестиции в основной капитал предприятий как фактор устойчивого развития экономики // *Финансы. Учет. Банки.* 2018. № 2(23). С. 35–41.
6. *Юнусов И.А., Юнусова Л.А., Манюшиц А.Ю.* Инвестиции в основной капитал как фактор устойчивого развития экономики РФ в условиях санкционного давления // *Научные труды Вольного экономического общества России.* 2018. Т. 213. № 5. С. 234–262.
7. *Абдокова Л.З., Расумов В.Ш.* Основные направления повышения эффективности использования основного капитала предприятия // *Вестник Академии знаний.* 2022. № 50 (3). С. 13–16.
8. *Михайлова Е.Г.* Особенности оценки эффективности использования основных средств в рыбной отрасли // *Вестник Камчатского государственного технического университета.* 2017. № 40. С. 100–110.
9. *Демчук О.В.* Пути формирования подходов к оценке эффективности хозяйственной деятельности предприятий рыбной отрасли // *Вестник Академии знаний.* 2020. № 36 (1). С. 74–78.
10. *Кузин В.И., Харин А.Г.* Оценка производственного и финансового потенциалов российского рыбного хозяйства, как основы инвестиций в отрасль // *Рыбное хозяйство.* 2018. № 6. С. 22–26.
11. *Макоедов А.Н.* Итоги реализации концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации до 2020 года // *Известия ТИНРО.* 2022. Т. 202. № 3. С. 719–736.
12. *Рудашевский В.Д., Мухамедова Т.О., Павлова А.О.* Анализ программ развития рыбохозяйственного комплекса России в новой экономике // *Труды ВНИРО.* 2022. Т. 190. С. 143–153.
13. *Мнацаканян А.Г., Харин А.Г.* Инвестиции в рыбную отрасль в России: анализ, тенденции и перспективы // *Рыбное хозяйство.* 2017. № 3. С. 52–56.
14. О некоторых особенностях развития российского рыбного хозяйства в 2010–2019 гг. / А.Г. Мнацаканян, А.М. Карлов, В.И. Кузин, А.Г. Харин // *Труды ВНИРО.* 2021. Т. 183. С. 127–139.
15. *Саускан В.И., Архипов А.Г., Осадчий В.М.* Современные проблемы устойчивого развития рыбохозяйственного сектора экономики России и пути их решения // *Рыбное хозяйство.* 2020. № 6. С. 67–72.
16. *Володина С.Г.* Исследование состояния основных средств организаций рыбохозяйственного комплекса // *Научные труды Дальрыбвтуза.* 2021. Т. 56. № 2. С. 58–63.
17. *Володина С.Г.* Оценка состояния основных средств как критерий планирования инвестиционного потенциала организаций рыбохозяйственного комплекса // *Актуальные вопросы современной экономики.* 2022. № 9. С. 172–180.
18. Рыбохозяйственный комплекс Приморского края. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2020. 52 с.
19. Рыбохозяйственный комплекс Приморского края. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2021. 47 с.
20. Рыбохозяйственный комплекс Приморского края. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2022. 40 с.
21. Рыбопромышленники Приморья ищут новые рынки сбыта. URL: <https://fishnews.ru/interviews/836> (дата обращения 04.08.2024).
22. Росрыболовство разбирается с проблемами поставок в Китай. URL: <https://fishnews.ru/news/40890> (дата обращения 06.08.2024).
23. Прибыль рыбной отрасли по итогам 2022 года снизится на 16%, несмотря на общий рост выручки. ВАРПЭ URL: <https://portnews.ru/news/340839/> (дата обращения 06.08.2024).
24. *Яркина Н.Н., Логунова Н.А.* Устойчивое развитие рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации: факторы и тенденции // *Труды ВНИРО.* 2023. Т. 192. С. 192–201.
25. Постановление Администрации Приморского края от 27.12.2019 № 921-па «Об утверждении государственной программы Приморского края «Развитие рыбохозяйственного комплекса в Приморском крае на 2020–2027 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406450487> (дата обращения 5.05.2024).

Svetlana Volodina (e-mail: konferencii16@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Management and Finance, Far Eastern State Technical Fisheries University
(Vladivostok, Russian Federation)

PROSPECTS FOR IMPROVING THE USE OF FIXED CAPITAL IN THE FISHERY COMPLEX (THE CASE OF PRIMORSKY TERRITORY)

One of the tools for the stable functioning of organizations is to increase the efficiency of the use of fixed capital. The main directions of development of the fishery complex are determined by the corresponding state program approved by the resolution of the Primorsky Territory Administration. One of the tasks is technical re-equipment, stimulating the renewal and modernization of fixed production assets, which should lead to an increase in the output of fish products. In accordance with the program, positive changes are already taking place in the industry. However, there are still unresolved problems regarding the efficiency of the use of fixed capital and its improvement in the future. In the article, the factors that determine the prospects for increasing the efficiency of the use of fixed capital of fishery organizations are analyzed using quantitative assessments.

Keywords: fixed capital, investments, efficiency, fishery complex, economic growth.

DOI: 10.31857/S0207367624070066, **EDN:** AZVGRA

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 330.332

Михаил Шатохин

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политологии
Финансового университета при Правительстве РФ
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: shato-hinm@mail.ru)

Василий Дадалко

доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы управления
Российского университета дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: Antikrizis1@bk.ru)

Сергей Сидоренко

доктор экономических наук, профессор, начальник экспертного управления
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: sidor@presidium.ras.ru)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ МИРОВЫМИ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

В статье обосновано, что появление цифровых технологий сделало портфельные инвестиции главным инструментом увеличения национального богатства ведущих экономик мира. Особое внимание авторы уделяют месту и роли России в современных мировых инвестиционных процессах.

Ключевые слова: инвестиции, управление, экономика, цифровизация, «диванные инвестиции», портфельные инвестиции.

DOI: 10.31857/S0207367624070077, EDN: AZTBRK

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время стремительно меняется ландшафт глобальной торговли в контексте цифровизации, соответственно, появляются новые вызовы и возможности для инвестиций. Быстрое развитие технологий и цифровая революция значительно изменили способы участия предприятий в международной торговле, что привело к повышению эффективности, оптимизации процессов и расширению глобальных связей. Целью статьи является исследование влияния цифровизации на инвестиционную деятельность. Поскольку технологические достижения меняют финансовый ландшафт, важно понимать, как эти изменения влияют на поведение инвесторов.

Цифровизация, рассматриваемая как глобальная тенденция и двигатель роста современной экономики, подразумевает использование прорывных технологий. Доступность технологий и их обновление обязательно связаны с компаниями из сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Это означает, что технологические инновации имеют решающее значение [1]. Оценка стоимости компании перестала основываться исключительно на таких традиционных показателях, как здания, заводы и товарно-материальные запасы. Предприятия теперь рассматриваются с точки зрения их прогресса в цифровизации (с учетом их будущего потенциала).

Чтобы показать влияние цифровизации на мировые экономические и политические процессы, в первую очередь необходимо рассмотреть то, как действуют современные геополитические стратегии и какова роль в этих стратегиях цифровых инструментов. Итак, если сравнить современную политическую карту мира с картой мира до начала 2-й Мировой войны, то главным их отличием будет отсутствие огромного количества колоний на современной карте. И действительно, ранее мир был поделен на метрополии и колонии. Другими словами, в мире действовал известный марксистский постулат: «Кто обладает собственностью — тот обладает властью». Государства, народы века и тысячелетия вели войны за территории, присваивали себе ресурсы, подчиняли себе другие народы и целые государства. Почему колонии стали быстро исчезать с карты, особенно в 60-е и 70-е годы XX в.? Дело в том, что развитые страны стали кардинально менять свои геополитические стратегии. Первостепенная роль в их экономическом богатстве стала отводиться не собственности, а инвестиционным стратегиям. Чтобы показать, что такое инвестиционные стратегии и какое значение они имеют, давайте рассмотрим следующие факты.

Портфельные инвестиции сегодня составляют самую большую долю в валовом национальном доходе ведущих экономик мира. Доля портфельных инвестиций в валовом национальном доходе Соединенных Штатов Америки (США) свыше 50%.

«Диванные инвестиции», то есть инвестиции, которые осуществляются через приложения смартфонов и персональных компьютеров, сегодня фактически являются главным способом увеличения национального дохода США и других ведущих экономик мира. Это обусловлено тем, что предприниматели всего мира сегодня инвестируют в активы самых крупных корпораций, фактически «с дивана», через приложения своих смартфонов, покупая акции Apple, Microsoft, Google, Walmart, Amazon, Tesla, BlackRock, Vanguard Group и множества других американских компаний. Таким образом, деньги, инвестированные из любых уголков мира в акции американских компаний, попадают в национальный доход США и работают на экономику США. Аналогичным образом это происходит и с другими ведущими экономиками мира, прежде всего — с Германией и Японией.

Рост стоимости компаний за счет привлечения портфельных инвестиций со всего мира обуславливает рост валового национального дохода государства и рост доходов бюджета — это и есть сегодня главная стратегия США и других развитых экономик мира.

Какова же роль самих корпораций в этих инвестиционных процессах? Главным источником увеличения стоимости всех ведущих компаний мира в современной экономике является вовсе не увеличение доходов за счет ее основной деятельности, несмотря на то что основная деятельность первична и основополагающая [2]. Рост стоимости самых крупных компаний мира сегодня в первую очередь обусловлен портфельными инвестициями. Доля портфельных инвестиций в активах самых крупных компаний свыше 90%.

Самая большая корпорация мира по размеру активов — BlackRock. Это финансовая корпорация, т.е. основа ее деятельности — покупка и продажа акций других компаний, что, по сути, и есть портфельные инвестиции. В настоящее

время активы под управлением BlackRock составляют более 10 трлн долл., а это значительно больше, чем бюджет США.

В настоящее время BlackRock владеет большей частью акций всех ведущих корпораций мира. В число крупнейших держателей акций BlackRock входят самые известные технологические компании США: Apple, Microsoft Corporation, Amazon и Google. BlackRock также имеет крупные позиции в NVIDIA и Broadcom, которые являются двумя крупнейшими полупроводниковыми компаниями США. Доля BlackRock в акциях ведущих компаний мира составляет от 6 до 12%.

Второй корпорацией мира после BlackRock по размеру активов является Vanguard Group (свыше 8 трлн долл.). Основная деятельность компании – портфельные инвестиции. Vanguard Group является одним из крупнейших акционеров крупнейших банков США: Bank of America, JPMorganChase, Citigroup, Goldman Sachs, Morgan Stanley, – что обеспечивает гиперконцентрацию капитала. Из-за этого компанию называют «инвестиционным Левиафаном». Помимо банков, Vanguard Group участвует в управлении Apple, Microsoft, ExxonMobil, Johnson & Johnson, Amazon, Meta Platforms, General Electric, Berkshire Hathaway, AT&T, Alphabet (все эти компании, как известно, являются мировыми гигантами).

Совсем недавний пример: рекорд роста стоимости корпорации за 1 день был установлен 23 февраля 2024 года – 250 млрд долл., именно на столько увеличилась стоимость корпорации NVIDIA. Такой умопомрачительный прирост всего за один день сопоставим с размером годового бюджета таких государств, как Швеция или Саудовская Аравия, и обусловлен ажиотажем приобретения акций компании, стоимость которых за сутки выросла с 669 до 788 долл. Стоимость же самой компании по итогам этого дня поднялась до 1,97 трлн долл., что выше, чем ВВП России.

Разумеется, эта ситуация основана на применении стратегического инструмента – портфельных инвестиций и является фактическим существенным вливанием в национальный доход США. При этом причинный фактор, который вызывает ажиотаж вокруг акций NVIDIA и вызывает рост их доходности, заключается в том, что компания является основным поставщиком графических процессоров для ИИ-революции, и связан с растущим спросом на них. Именно эти процессоры используют еще более могущественные корпорации, чем сама NVIDIA, в частности Microsoft, Alphabet, а также научно-исследовательская организация Open AI.

Таким образом, благодаря цифровизации именно портфельные инвестиции сегодня являются не только основным инструментом увеличения национального дохода государств, но и являются стратегией их лидерства в мировой экономике таких государств, как США, Германия, Япония [3]. Если рассмотреть структуру национального богатства лидеров мировой экономики, и прежде всего – США, Китая, Японии и Германии, – то мы опять сможем отметить значительную долю портфельных инвестиций в национальном богатстве этих государств. Почему Германия, проигравшая мировую войну, сегодня является лидером европейской экономики, опережая по показателю национального богатства такие государства, как Франция, Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды. Дело в том, что в Германии сегодня есть такие корпорации, как Volkswagen, Allianz, Mercedes-Benz Group, BMW, Siemens, SAP, Henkel, BASF, Adidas и множество других известных

в мире компаний, в которые заинтересованы делать «диванные», если угодно – портфельные вливания, инвесторы со всего мира [4]. Для сравнения, в соседних государствах – Франции, Великобритании, Италии таких топовых корпораций значительно меньше, и они менее привлекательны для инвесторов. Примечательно также и то, что среди главных инвесторов этих немецких компаний мы можем увидеть те же крупнейшие финансовые корпорации США – BlackRock и Vanguard Group, Capital Group, Qatar Investment Authority, суверенные фонды Норвегии и Абу-Даби.

Что же касается второй экономики мира – Китая, то, по показателям портфельных инвестиций, Китай сегодня занимает только 7-е место в мире и продолжает оставаться государством с гораздо более выраженным индустриальным сектором экономики в отличие от США, Японии и европейских государств – лидеров мировой экономики. Однако собственниками акций ряда самых крупных компаний – Bank of China, Alibaba Group, Xiaomi Corporation – являются все те же американские корпорации BlackRock и Vanguard Group.

Особняком в китайской экономике стоит компания, не вписывающаяся в общую архитектуру традиционного китайского бизнеса. Сам факт регистрации корпорации на британской территории – Каймановых Островах – уже вызывает недоумение и множество вопросов в сугубо пронациональной системе китайской экономики, где крупный бизнес не может быть не связан с верховной властью страны. Если в прежние годы компания была участником судебных разбирательств по обвинениям в злоупотреблении ее монопольным положением и вызывала постоянное недовольство китайского руководства за критику китайской финансовой системы, то ныне Alibaba Group не только активный участник, но и «серый кардинал» в разработке стратегий развития экономики и цифровой трансформации страны, которая вносит один из самых существенных вкладов в национальный доход Китая благодаря использованию механизма портфельных инвестиций. Активы компании в 2023 г. приближаются к 2 трлн долл., и среди всех торговых корпораций мира Alibaba Group занимает второе место, уступая только Amazon.

Какова же роль и отношение России к современным мировым инвестиционным стратегиям? Следует ли России принимать правила игры новых экономических и политических стратегий, навязанных странами Запада? Несмотря на то что сам процесс глобальной цифровизации неизбежен и является объективным явлением, это вовсе не означает, что Россия должна вступить в эту мировую гонку [5]. Весьма парадоксальным является тот факт, что в 2023 г. инвестиции в российскую экономику увеличились более чем на 20 %, несмотря на западные санкции. Все дело в том, что запрет на инвестиции в западные государства привел к тому, что российские инвесторы стали вкладывать финансовые средства именно в российские корпорации, а отток капитала из России, ранее существенно доминировавший над инвестициями из-за рубежа, сегодня реально стал сокращаться.

Глобальная цифровизация в современном мире стала не только объективной реальностью, но и инструментом перераспределения национального дохода в пользу определенных государств. Несмотря на рост социальных расходов и усиление социальной политики в самых развитых странах, зачастую этот рост на самом деле достигнут за счет угнетения других государств, и существующая

система глобализации сегодня служит только части населения мира [6]. Цифровизация мировой экономики тесно связана с понятием «корпоративизм». В данном случае корпоративизм является финансовой стратегией, а цифровизация – инструментом финансового перераспределения. В такой ситуации мир может прийти к балансу интересов только в условиях корпоративной социальной ответственности, в том числе – ответственности правительств и корпораций не только перед своей страной, но и другими странами. А для этого необходимы совершенно новые правила системы мировой безопасности при значительной роли КСО [7]. Именно Россия сегодня должна стать одним из авторов этих новых мировых правил, соответствующих интересам всего мирового сообщества.

Заключение

Таким образом, благодаря цифровизации именно портфельные инвестиции сегодня являются не только основным инструментом увеличения национального дохода государств, но и являются стратегией их лидерства в мировой экономике. Существующая система распределения в мировой экономике сегодня явно не устраивает не только Россию, но и большую часть мирового населения. Поэтому кардинальным направлением для России должно стать экономическое и политическое сотрудничество России и стран вне западной коалиции, которое способно изменить не только экономическую, но и социальную политику в пользу развивающихся стран мира в соответствии с международными интересами России.

Литература

1. Цифровизация как основа современных технологий управления социально-экономическими системами / С.О. Новосельский, М.В. Шатохин, Т.Г. Антропова, А.А. Грунина // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5 (93). С. 2161–2172. DOI: 10.35775/PSI.2023.93.5.025. EDN BAQLQD.
2. Лучко М.Л. Мировой рынок прямых иностранных инвестиций: динамика, структура и основные акторы // Проблемы теории и практики управления. 2022. № 2. С. 6–19.
3. Калиева Е.В. Анализ мировых потоков портфельных инвестиций / Е.В. Калиева, Э.А. Рузиева // Экономика и управление: ключевые проблемы и перспективы развития: Материалы XVII международной научно-практической конференции, Тихорецк, 27 октября 2023 года. Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России, 2023. С. 149–154.
4. Ильин А.О. Тенденции развития мирового рынка инвестиций / А.О. Ильин, В.И. Самофалов // Научный вектор: Сборник научных трудов / Под ред. Е.Н. Макаренко. Выпуск 8. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ». 2022. С. 53–56.
5. Дзарасов Р.С. Место России в мировой экономике, инвестиции и инновации в эпоху цифровизации // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 22. № 2. С. 72–99.
6. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении: Коллективная монография / О.Н. Слоботчиков, С.Д. Козлов, М.В. Шатохин [и др.]. М.: Институт мировых цивилизаций. 2020. 268 с. ISBN 978-5-6043442-2-4. – EDN CIZKGT.
7. Кураев А.Н., Морозова И.Г., Грунина А.А. и др. Эволюция концепции корпоративной социальной ответственности и пути ее развития в современной России // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 3. С. 116–123. URL: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-3-116-123>. EDN OEJXDG.

Mikhail Shatokhin (e-mail: shato-hinm@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Professor of the Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Vassiliy Dadalko (e-mail: Antikrizis1@bk.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Professor of the Higher School of Management
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Sergey Sidorenko (e-mail: sidor@presidium.ras.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Head of the Expert Directorate,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

DIGITALIZATION AND MANAGEMENT OF GLOBAL INVESTMENT PROCESSES

The article substantiates that the appearance of digital technologies has made portfolio investments the main tool for increasing the national wealth of the world's leading economies. The authors pay special attention to the place and role of Russia in modern global investment processes.

Keywords: investments, management, economics, digitalization, “couch investments”, portfolio investments.

DOI: 10.31857/S0207367624070077, **EDN:** AZTBPK

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

© 2024

УДК: 339.9; 338.47

Леонид Вардомский

доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: wardom@yandex.ru)

ВОПРОСЫ СОПРЯЖЕНИЯ ИНИЦИАТИВЫ КИТАЯ «ПОЯС И ПУТЬ» И ПРОЕКТА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье делается акцент на исследовании вопросов транспортного освоения внутриконтинентальных пространств Евразии и их взаимосвязи с инициативой «Пояс и Путь» и деятельностью ЕАЭС. Появление Инициативы было обусловлено несколькими масштабными мирохозяйственными процессами, такими как сдвиг центра тяжести мировой экономики в Азию, лидирующая роль Китая в мировой экономике, его стремление сформировать иную, более справедливую модель мирохозяйственных отношений, рост геополитической, транспортной и экономической значимости внутриконтинентальных районов Китая. Центральным элементом инициативы является готовность Китая финансировать разнообразные инфраструктурные проекты, в которых имеется общая заинтересованность.

Интеграционный проект ЕАЭС нацелен на укрепление государственного суверенитета стран-участниц, превращение союза в динамично развивающийся регион Евразии, полюс экономического притяжения для третьих стран. ЕАЭС видит в создании современной коммуникационной инфраструктуры (Евразийского транспортного каркаса) главную предпосылку для достижения данных задач. Одним из важных результатов сопряжения мегапроекта и деятельности ЕАЭС стало многократное увеличение торговой и транспортной связанности Китая и стран ЕАЭС. Реализованные, реализуемые и планируемые проекты международных транспортных коридоров позволяют ограничить сдерживающее действие внутриконтинентальности и шире использовать преимущества центральности положения в географической Евразии для развития стран Центральной Азии, Западного Китая и сибирских районов России.

Ключевые слова: Китай, Пояс и Путь, ЕАЭС, Казахстан, Россия, сопряжение, транспортные коридоры, связанность, международные институты, торговля.

DOI: 10.31857/S0207367624070088, EDN: AZRVNV

В Евразии динамично развиваются процессы регионализации. Одним из наиболее масштабных является инициированный в 2013 г. Китаем мегапроект «Пояс и путь». Глобальная значимость этой инициативы заключается в том, что в ней участвуют страны, входящие в разные по целям, институтам, глубине и широте взаимодействия региональные объединения, одним из которых является ЕАЭС. Взаимодействие инициативы КНР и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) регулируется специальным Соглашением между сторонами. Открытый характер инициативы «Пояс и Путь» позволяет ей выполнять функцию платформы взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН, ЕАЭС–ЕС, АСЕАН–ЕС и др. через страны-участницы.

Значительная часть проектов инициативы «Пояс и путь» реализуется во внутриконтинентальных странах или их регионах, местоположение которых заметно

ограничивает возможности их развития по сравнению с приморскими странами [1]. В этом отношении инфраструктурные проекты, реализуемые в рамках инициативы и координации в рамках ЕАЭС, заметно улучшают условия развития Казахстана, Кыргызстана и других внутриконтинентальных центральноазиатских стран. Взаимодействие упомянутых проектов усилилось при санкционном давлении Запада на Россию и Беларусь и риске такого давления на Китай.

Сопряжение упомянутых проектов частично базируется на унаследованной от прошлого инфраструктуре, но во многом это результат инвестиционных усилий последних лет, которые заметно повлияли на взаимные торговые связи и геоэкономическое положение стран ЕАЭС. Совместные и скоординированные усилия позволяют создавать современные транспортно-логистические системы, обеспечивающие транспортную и экономическую связанность стран и региональных объединений.

В статье рассматриваются результаты сопряжения инициативы «Пояс и путь», ЕАЭС и национальных стратегий Казахстана и России как его участников, наиболее значимых для формирования евразийских транспортных коридоров.

Миссия инициативы «Пояс и путь». В 2013 г. Китай вступил в новый этап внешнеэкономической открытости, предполагавший «массовое продвижение за рубеж китайских капиталов, товаров, услуг, технологий» [2. С. 7]. Институциональной формой перехода к этому этапу стал мегапроект «Пояс и путь» (ПиП). В его основе лежат инфраструктурные проекты, позволяющие улучшить логистику внешнеторговых связей КНР. По объему внешнеторговых связей и их географическому разнообразию Китай занимает ведущее место в мире. В 2022 г. на КНР пришлось 14,4% мирового экспорта товаров и 10,6% мирового импорта. Для обеспечения такого уровня торговой связанности Китая и его внешнеэкономических партнеров необходима соответствующая по пропускной способности транспортная инфраструктура и высокого уровня логистика, учитывая то, что в китайском экспорте преобладают товары высокой степени обработки.

Проекты «ПиП» расходятся радиально от Китая по шести сухопутным экономическим коридорам: 1) «Евразийский континентальный мост» из Китая в Европу через Россию и Казахстан; 2) Китай—Центральная Азия—Западная Азия; 3) экономический коридор Китай—Монголия—Россия; 4) экономический коридор Китай—Пакистан; 5) Китай—Мьянма—Бангладеш—Индия; 6) Китай—Индокитайский полуостров, а также по двум морским коридорам: в направлении южной части Тихого океана и через Южно-Китайское море и Малаккский пролив в Индийский океан.

Основная цель инициативы направлена на укрепление взаимосвязи инфраструктуры Китая со странами-участницами в области транспорта, энергетики, телекоммуникаций и в других отраслях; согласованное с партнерами создание международных транспортных коридоров, упрощение процедур торговли и инвестирования, формирование сети зон свободной торговли, углубление сотрудничества в целях создания в странах-партнерах стабильных финансово-кредитных систем, продвижение взаимного политического доверия и культурно-гуманитарного обмена [3].

По времени инициатива «ПиП» совпала с ростом напряженности в Европе в связи с государственным переворотом на Украине и последующими геополитическими

и военными событиями, с началом санкционного давления на Россию, созданием ЕАЭС и охлаждением американо-китайских отношений. Эти геополитические факторы оказывают сильное влияние на ход реализации мегапроекта, практическая цель которого заключается в усилении транспортной, торгово-экономической и политической связанности Китая и стран-участниц инициативы.

Центральными операционными звеньями инициативы стали Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), учрежденный Китаем в 2013 г., и Фонд Шелкового пути, созданный в 2015 г., которые финансируют конкретные проекты в странах-партнерах. В рамках инициативы на середину 2023 г. Китай совместно со 152 государствами и 32 международными организациями подписали более 200 соглашений по реализации конкретных инфраструктурных, энергетических и гуманитарных проектов¹. Транспортная и экономическая связанность опирается на систему международных соглашений или институциональную связанность, позволяющую говорить об инициативе как разновидности регионализации международных экономических отношений, в основе которой лежат транспортные проекты. Под транспортной же связанностью понимается широта соприкосновения национальных транспортных сетей и их способность обеспечивать взаимные товаро- и пассажиропотоки в сообщении с третьими странами и между третьими странами на высоком логистическом уровне.

Особое внимание в настоящее время привлекают вопросы транспортной связанности Европы и Азии. Существует множество транспортных проектов в этой области, исходящих от международных организаций, региональных объединений, отдельных стран [4. С. 127–135].

С помощью мегапроекта Китай стремится распространить по странам мира китайские транспортные и строительные технологии, а также иметь сбалансированную географию внешнеэкономических связей. В этом смысле это важная часть современной торговой политики, которую Китай увязывает с задачей более равномерного развития своих регионов [5]. На это нацелена и реализуемая в КНР с 2020 г. стратегия «двойной циркуляции» [6].

Геополитические риски перевозок по традиционным морским маршрутам имеют тенденцию к возрастанию, поскольку они пролегают в зонах непрекращающихся конфликтов, таких как Южно-Китайское, Аравийское, Красное и Средиземное моря. В связи с этим Китай, выдвигая проект «ПиП», руководствовался также соображением важности разнообразия маршрутов движения товаров к рынкам сбыта для управления геополитическими рисками формирования связанности китайской экономики и экономики стран-партнеров.

За 11 лет проекта «ПиП» сделано довольно много по разным транспортным направлениям. На этот счет имеется большая литература, исследующая данный проект с разных точек зрения [7]. Christoph Wang делает акцент на позитивной роли проекта «ПиП», который следует рассматривать как открытую и инклюзивную платформу для сотрудничества. Многие международные организации, включая различные организации системы ООН, включая Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Программу развития ООН (ПРООН), Азиатский банк развития

¹ Один пояс–один путь: что нужно знать о проекте/ Коммерсантъ.18.10.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836?ysclid=lyse3d0wecq703040819>

(АБР) и Всемирный банк, заинтересованы в сотрудничестве с Китаем по этому мегапроекту и подписали меморандумы о взаимопонимании еще в 2014 г. В то же время США воспринимают этот проект как своего рода вызов для себя [8]. Тем более что в 2011 г. они заявили о своей стратегии «Нового шелкового пути», которая предполагала ослабление влияния России и Китая в странах Центральной Азии (ЦА) путем усиления их ориентации на Южную Азию (Афганистан, Пакистан и Индию) [9]. В конце 2010-х годов к точке зрения США на китайскую инициативу присоединился ЕС. В конце 2021 г. им был выдвинут собственный проект «Global Gateway», основная цель которой – «в развитии интеллектуальных, чистых и безопасных связей в цифровом, энергетическом и транспортном секторах, а также в укреплении систем здравоохранения, образования и научных исследований по всему миру» [10]. В ЕС рассматривают многие страны–участницы «ПиП» как подходящее место для реализации проекта «Global Gateway» как геополитического ответа Западу Китаю [11].

Миссию «ПиП» в полной мере дополняет идея создания Евразийского транспортного каркаса (ЕТК), которая рассматривается как условие и результат деятельности ЕАЭС. В создании ЕТК ключевую роль играют Казахстан и Россия, через которые проходят широтные и меридиональные Международные транспортные коридоры (МТК) и маршруты, позволяющие понизить негативное влияние больших расстояний и высоких транспортных издержек на экономику и социальное развитие стран–участниц союза [12. С. 11–13]. Евразийская интеграция также нацелена на превращение транспортно-логистической системы стран–участниц в органичную часть глобальных коммуникаций, и в этом отношении оба эти проекта не только вполне совместимы, но и выступают частями друг друга [13, 14].

Предшествующий опыт формирования транспортной связанности Китая с Россией и Казахстаном. Прорекларированный в 2013 г. Китаем проект «Один пояс и Один путь» вообрал в себя опыт транспортного использования больших внутриконтинентальных пространств, начиная от «шелковых караванов», движение которых началось во II в. до н.э., до нашего времени. Первой железной дорогой, соединившей Россию и Китай, стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) (1897–1902 гг.). Через полвека в 1956 г. железные дороги СССР и Китая соединились через Монголию (Трансмонгольская железная дорога).

Первые устойчивые транзитные перевозки контейнеров по Транссибу начали осуществляться между Японией, Южной Кореей и Европой в результате закрытия Суэцкого канала в 1967–1975 гг. Пик контейнерных перевозок на этом маршруте был достигнут в 1983 г. – 110 тыс. ДФЭ² [15]. Контейнеры доставлялись в Европу через порт Восточный примерно за 15–20 дней, что было в 2–3 раза быстрее, чем по морю. По транссибирскому контейнерному мосту в советское время перемещались также контейнеры из стран Европы и Северо-Восточной Азии в Афганистан и Иран.

Для расширения контейнерных перевозок на этом трансатлантическом маршруте необходимо было предложить условия перевозки, конкурентные по сравнению с морским вариантом сообщения между странами АТР и Европы. Речь идет

² 20-футовый эквивалент – единица измерения перевозок контейнеров, равная стандартному 20-футовому контейнеру длиной 6,1 м.

о соотношении скорость/своевременность доставки и издержек при сухопутном транзите и морском варианте перевозки.

В конце существования СССР в 1991 г. был открыт новый железнодорожный пограничный переход «Дружба (Достык)—Алашанькоу». Это событие стало предвестником возрождения «Великого шелкового пути», поскольку значительная часть исторического «Шелкового пути» пролегла по территории нынешнего Казахстана (РК). Идея «Нового Шелкового пути» стала одной из главных для укрепления государственного суверенитета и экономического развития Казахстана.

Распад СССР институционально затруднил трансконтинентальные контейнерные перевозки. Внедрение более скоростных и вместительных судов-контейнеровозов, вызвавшее снижение стоимости морской доставки при отсутствии прогресса на постсоветских железных дорогах, привело к постепенному угасанию интереса Японии к этому маршруту. В 2001 г. перевозки японских контейнеров на этом направлении сократились до 2 тыс. ДФЭ. Но со второй половины 90-х годов стали расти перевозки по Транссибу из Республики Корея и КНР в Европу и страны ЦА [16].

В начале 1998 г. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия подписали соглашение о формировании Транспортного союза. В решении транзитной проблемы наиболее сильно был заинтересован Казахстан, поскольку главные рынки сбыта его основных экспортных товаров находились в Европе. За 2000—2013 гг. доля ЕС в экспорте Казахстана выросла с 26,0% до 53,1%, а доля СНГ сократилась с 30,8% до 13,1% [17. С. 151—152]. Однако одновременно заметно увеличился его транзитный потенциал, понимаемый как рост внешнего спроса на провоз товаров третьих стран по национальным коммуникациям. Этот спрос определяется внутриматериковым положением РК, положением между РФ и КНР, быстро растущими прикаспийскими странами и странами ЦА. Рост взаимных торговых связей его соседей (всего 7), а также их торговли с третьими странами обуславливал рост транзитных перевозок через Казахстан [18].

Одним из направлений транспортной политики РК являлась адаптация транспортной сети к условиям суверенного существования. Был построен ряд железных и автодорог между регионами страны, которые повысили внутреннюю транспортную связанность [18; 19. С. 27—28]. В середине нулевых годов усилилась значимость расширения вариантов транспортного сообщения Казахстана с внешними рынками и использования преимуществ его геоэкономического положения на потенциальном товаропотоке между Китаем и Европой.

Ключевую роль в развитии транзитного потенциала Казахстана в то время играл на западе каспийский порт Актау, через который страна имеет возможность выхода к Черному морю (через Азербайджан и Грузию, а также через внутренние водные пути России), к Индийскому океану и Персидскому заливу (через Иран), а на востоке «сухой порт» Достык на границе Казахстана и Китая.

Каспийский порт Актау был построен в 1963 г. и от советского времени унаследовал мощности по перевалке нефти (12 млн т), металлов и зерна, а также железнодорожно-паромный комплекс, обслуживающий перевозки вагонов между Актау и Баку (мощностью 2 млн т). В 2006 г. началось расширение и модернизация этого порта Актау. Примерно в это же время началось строительство нового «сухого порта» на казахстано-китайской границе в Хоргосе. Важную роль

в реализации этих и других инфраструктурных проектов Казахстана и других стран ЕвразЭс начал играть учрежденный в 2006 г. Евразийский банк развития.

В 2009 г. начато сооружение автомагистрали «Западный Китай—Западная Европа», затем началось строительство нескольких железных дорог и пограничных пунктов пропуска в рамках создания Северного коридора Трансзиатской железнодорожной магистрали или «Евразийского континентального моста» и коридора «Китай—Центральная Азия—Западная Азия» через Актау—Баку—Грузию в Турцию с ответвлением на Туркменистан — Иран (Транскаспийский транспортный коридор, ТКТК).

В 2000-е годы в РК было завершено строительство нефтепровода Атасу—Алашанькоу и построены три нитки газопровода из Туркменистана в Китай, по которому осуществляется также экспорт казахстанского газа в КНР. В 2011 г. была открыта железная дорога Жетыген—Алтынколь/Хоргос, которая позволила запустить в том же году Специальную экономическую зону «Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос»». В 2013 г. была построена железная дорога Узень—госграница с Туркменистаном (2009—2013), которая стала звеном транспортного коридора «Север—Юг», идущего вдоль восточного берега Каспийского моря [19. С. 72—73].

За 2003—2013 гг. оборот взаимной торговли РК и КНР вырос с 2,9 млрд долл. до 22,7 млрд долл., что позволяет говорить о параллельном развитии транспортной и торгово-экономической связанности Казахстана и Китая.

В 2012 г. осуществленные и намеченные инфраструктурные проекты были сведены в общую стратегию «Казахстан—Новый Шелковый путь», нацеленную на создание в стране комплекса хабов международного уровня. В рамках этой стратегии в конце 2012 г. железные дороги Казахстана («Нурлы жол») запустили пилотный контейнерный поезд Ухань—Пардубице (Чехия) [19. С. 84—85].

Однако в РФ первые контейнерные поезда появились в начале 2000-х годов, но они курсировали не по расписанию, а по мере формирования поездной партии контейнеров. В частности, в 2003 г. был пущен поезд «Монгольский ветер» Брест—Улан-Батор, который обеспечил перевозки контейнеров между европейскими странами, Белоруссией, Россией, Монголией и Китаем [20. С. 39—40]

В 2000-е годы большинство контейнерных поездов соединяли Брест и Находку друг с другом, со столичными городами и с центрами автосборки, расположенными в странах СНГ. Это такие поезда, как Находка—Восточная—Аблык (Узбекистан), Брест—Калуга—Нижний Новгород, Млада-Болеслав—Брест—Защита (Усть-Каменогорск, Казахстан).

В начале 2008 г. был отправлен первый международный контейнерный поезд в тестовом режиме по маршруту Пекин—Гамбург, что стало результатом взаимодействия железных дорог Китая, Монголии, России, Беларуси, Польши и Германии. Поезд преодолел путь в почти 10 тыс. км за 18 дней. В дальнейшем, с принятием в РФ в 2009 г. Программы «Трансиб за 7 дней», стали формироваться ускоренные контейнерные поезда со среднесуточной скоростью 1200 км и выше³. В 2011—2013 гг. транзитом по РЖД началось регулярное движение контейнерных

³ Ускоренный контейнерный поезд следовал без переформирования до станции назначения и имел суточную скорость 1 200—1 500 км.

поездов из Чунцина и Уханя в Дуйсбург, следующее через погранпереходы Наушки и Забайкальск [20. С. 39–40].

Главным для транспорта РФ в тот период было обеспечение быстро растущей торговли с КНР. По данным Федеральной таможенной службы РФ, за 2000–2008 гг. торговля между РФ и КНР выросла почти в 10 раз: с 6,2 млрд долл. до 55,9 млрд долл., а в 2007 г. КНР вышел на первое место среди стран–поставщиков товаров в Россию. Доля КНР в импорте РФ также резко выросла, но при этом заметно уступала доле стран ЕС. Морской транспорт и железные дороги в тот период с трудом справлялись с быстро растущим объемом взаимной торговли.

В 2006–2009 гг. началось строительство нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан (ВСТО-1) – от Тайшета до Сковородино. В 2011 г. после завершения строительства ответвления от Сковородино на Мохе–Дацин началась прокачка нефти в Китай. Это подтолкнуло рост российского экспорта в КНР и повышение доли КНР в общем объеме российского экспорта. В 2013 г. оборот взаимной торговли, по данным ФТС РФ, достиг 88,8 млрд долл. [21. С. 143–144]. В этот период у России и Китая рост торгово-экономической связанности опережал рост транспортной связанности.

Важную роль в процессах адаптации национальных транспортных сетей Китая и его западных соседей играла деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и сотрудничество постсоветских стран в рамках СНГ и ЕврАзЭС. Она носила, в основном, характер координации транспортно-логистических проектов. Совместная деятельность железных дорог Беларуси, Казахстана и России позволила в 2010 г. начать на постоянной основе перевозки контейнеров из Китая в Европу и обратно [20. С. 40–48]. Финансирование же данных транспортно-логистических проектов осуществлялось в основном за счет национальных финансовых ресурсов. Этому способствовал рост доходов от экспорта углеводородов Казахстана и России, а также Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана, которые также вкладывали немалые средства в развитие транспортной инфраструктуры для обеспечения своих внешнеэкономических связей.

Некоторые итоги сопряжения инициативы «Пояс и Путь» и ЕАЭС. Продвижение данной инициативы в постсоветском регионе опиралась на упомянутые выше заделы и заключенные после 2013 г. межгосударственные соглашения. В мае 2015 г. КНР и РФ подписали совместное заявление о сопряжении проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, которое подразумевает взаимную поддержку и координацию этих проектов. Важным элементом сопряжения стала деятельность ЕАБР и АБИИ, в котором участвуют все страны ШОС и ЕАЭС.

В 2016 г. ОАО «РЖД» и «Китайскими железными дорогами» было подписано Соглашение о всестороннем стратегическом сотрудничестве, предусматривающее совместную реализацию ряда проектов. В том же году было подписано межправительственное соглашение между Казахстаном и Китаем о плане сотрудничества по сопряжению Новой политики железных дорог РК и Экономического пояса Шелкового пути. Аналогичные соглашения были заключены и с другими странами ЕАЭС.

В октябре 2019 г. вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (далее – Соглашение), которое стало правовой базой наращивания торгово-экономической связанности между союзом,

в качестве единого субъекта, и Китаем [21. С. 144]. По своему формату Соглашение регулирует торговые отношения в части возможных нетарифных ограничений во взаимной торговле. Оно предусматривает практическое взаимодействие с учетом действующих и планируемых национальных стратегий и программ отраслевого развития. Им предусмотрено создание «отраслевых диалогов», которые позволят сформировать для представителей бизнеса государств – членов ЕАЭС и КНР площадку для обсуждения и устранения конкретных барьеров при выходе или осуществлении деятельности на рынках сторон Соглашения, а также реализовывать совместные инвестиционные проекты [22. С. 11].

Если рассматривать объемы взаимной торговли КНР и стран СНГ в качестве показателя торгово-экономической связанности, то за 2013–2023 гг. она стремительно выросла (см. таблицу). Обращают на себя внимание более высокие темпы роста взаимной торговли стран ЕАЭС (за исключением Казахстана) и КНР. По росту взаимной торговли в абсолютном выражении за 2012–2023 гг. на 150 млрд долл. выделяется Россия. Благодаря такому росту КНР уверенно заняла первое место среди торговых партнеров России с долей в 34%, а РФ переместилась на пятое место среди торговых партнеров КНР с долей 4%.

Таблица

Товарооборот Китая и стран СНГ в 2013, 2021 и 2023 г., млрд долл.

Страна	2013	2021	2023	Индекс 2023/2013, %
Россия	89,3	145,7	239,6	268,3
Казахстан	28,6	24,3	41,0	143,4
Кыргызстан	5,2	7,6	20,5	394,2
Узбекистан	4,5	5,9	14,0	311,1
Туркменистан	10,0	1,0	10,6	106,0
Беларусь	1,5	3,8	8,4	560,0
Украина	11,1	19,2	6,8	61,3
Таджикистан	2,0	1,7	3,9	195,0
Азербайджан	1,1	1,2	1,8	163,6
Армения	0,2	1,4	1,6	800,0
Молдова	0,1	0,4	0,3	300,0
Всего	153,5	212,2	348,5	227,0

Источник: [23]

В транспортной связанности наиболее важным результатом реализации инициативы «ПиП» за прошедшее 2013–2023 гг. стала организация движения скоростных поездов-контейнеровозов (экспрессов) между крупнейшими промышленно-логистическими центрами Китая и Европы. Для этой цели в 2017 г. железнодорожные ведомства семи стран – Китая, Беларуси, Германии, Казахстана, Монголии, Польши и России – подписали соглашение об углублении сотрудничества в области международного железнодорожного сообщения Китай–Европа и о создании Координационного комитета по грузовым поездам Китай–Европа, который стал заниматься организацией управления перевозками с целью их ускорения, повышения надежности и снижения издержек на всем маршруте [24].

Углублению сотрудничества в области создания скоростного движения поездов между КНР и Европой способствовала высокая динамика взаимной торговли. За 2013–2022 гг. взаимная торговля КНР и ЕС выросла с 464 млрд евро до 858 млрд евро. В 2023 г. оборот, отражая состояние мировой экономической конъюнктуры и геополитическую напряженность, снизился до 738 млрд евро [25].

Хотя на железнодорожный вариант перевозок между Китаем и Европой приходится по стоимости 4–5% всего товарооборота, железные дороги предлагают более быстрый вариант доставки, сопоставимый по стоимости перевозки с морским, что оказывает все более существенное влияние на рынок данных сообщений. География азиатских пользователей данным логистическим сервисом постепенно расширяется.

Развитие межконтинентального контейнерного транзита превратилось в существенный фактор евразийской интеграции и ее сопряжения с инициативой «ПиП». Центральной платформой реализации транзитного потенциала ЕАЭС стала «Объединенная транспортно-логистическая компания» (ОТЛК), созданная в 2014 г. с участием российских, казахстанских и белорусских железных дорог. ОТЛК организует на маршруте от Достык/Алтынколь до границы России и Беларуси с Польшей, балтийские порты регулярное движение контейнерных поездов.

Весной 2018 г. компания была преобразована в «ОТЛК Евразийский железнодорожный альянс» (ОТЛК ЕРА). Деятельность международной компании направлена на решение задачи более полного и эффективного использования транзитного потенциала стран ЕАЭС, что зафиксировано в основополагающих документах, принятых на национальном и многостороннем уровнях. ОТЛК ЕРА – результат достигнутого уровня евразийской интеграции и ее взаимодействия с КНР и одновременно – предпосылка его углубления на новой технологической, в том числе и цифровой, основе.

В 2019 г. ОТЛК ЕРА перевезла 333 тыс. транзитных ДФЭ против 100 тыс. в 2015 г. В 2022 г. компания перевезла во всех сервисах 681 тыс. контейнеров в ДФЭ. Общая стоимость грузов, перевезенных в сервисе Китай–Европа–Китай, составила 29,6 млрд долл., или 3,2% от общего объема торговли Китая с Европой и почти 90% всех железнодорожных контейнерных перевозок между ними. В отчетном году компания обеспечила движение 7092 контейнерных поездов со средней скоростью прохождения расстояния от казахстано-китайской границы до границы с ЕС в 6,7 суток.

Если в 2020–2022 гг. доля транзита Китай–Европа составляла в перевозках ОТЛК ЕРА более 90%, то в 2022 г. она из-за санкций и геополитических рисков снизилась до 60%. Освободившиеся провозные мощности были заполнены товарами взаимной торговли КНР и России, КНР и Беларуси, а также между Россией и Беларусью со странами ЦА. В 2023 г. компания ОТЛК ЕРА по всем сервисам перевезла 674 тыс. ДФЭ немного меньше, чем в 2022 г. [26].

Особенностью работы ОТЛК ЕРА с 2015 г. стало преобладание перевозок на направлении Китай–Европа через казахстанские «сухие порты» Достык и Алтынколь/Хоргос. Еще в 2014 г. основная часть транзита на направлении КНР–ЕС–КНР шла через Забайкальск, а уже в 2016 г. 2/3 объема контейнерных железнодорожных перевозок выполнялась через казахстанские пограничные пункты пропуска [27. С. 25].

Казахстанский вариант, как более короткий (примерно на 1 тыс. км) и с большим пробегом по китайским железным дорогам (около половины всего маршрута), оказался более востребованным для главных поставщиков товаров, расположенных в центральной части Китая (города Чунцин, Сиань, Ухань, Чэнду и т.д.), на европейский рынок. К казахстанскому маршруту тяготеет также большая часть торгового потока между КНР и странами Центральной Азии и значительная часть торговли с европейской частью РФ.

Использование казахстанского варианта стало возможным с завершением в 2014–2015 гг. в Казахстане строительства железных дорог Жезказган–Бейнау и Аркалык–Шубаркуль, которые существенно сократили расстояние перевозки на направлении КНР–Европа как через Россию, так и через каспийские порты, и не только обеспечило более высокую пропускную способность казахстанской транспортной сети и быстрое ее прохождение транзитными грузами, но и существенно ускорило экспортно-импортные и межрегиональные перевозки страны [18].

Казахстан существенно расширил пропускную способность своих «сухих портов» на границе с КНР на базе СЭЗ «Хоргос–Восточные ворота», используя возможности Программы приграничного сотрудничества между двумя странами на 2015–2020 гг., а также Фонда Шелкового пути. В результате реализации этих проектов сильно возросло транзитное значение Казахстана не только для КНР, но и для стран ЦА и РФ.

В 2015 г. начал строиться, а в 2017 г. был открыт паромный комплекс в порту Курык, расположенный южнее порта Актау, по обслуживанию перевозок железнодорожных вагонов и автотранспорта, который стал важным звеном ТКТК и в условиях санкций приобрел большую привлекательность для перевозок на направлении Китай–Европа.

Для РФ важным фактором транспортной и торгово-экономической связанности с Китаем стал запуск в 2018 г. второй очереди нефтепровода ВСТО-1. В том же году было завершено строительство нефтепровода ВСТО-2 от Сковородино до нефтяного порта в бухте Козьмино. Это позволило существенно нарастить российский экспорт нефти в Китай по морю. В 2021 г. объем взаимной торговли РФ и КНР резко увеличился, достигнув 145,7 млрд долл. В 2022 г. торговля между КНР и РФ превысила 190 млрд долл., а в 2023 г. увеличилась еще на 50 млрд долл. (см. таблицу). Причем российский экспорт по сравнению с 2021 г. прибавил 50 млрд долл. 78,1 млрд долл. в 2021 г. и 128,5 млрд долл. в 2023 г. [23]. Такой рост во многом был связан с ростом экспорта российской нефти в КНР, который в 2023 г. достиг 107 млн т, а также с запуском в конце 2019 г. газопровода «Сила Сибири», который позволил начать экспорт трубопроводного газа с завершением в 2022 г. китайской компанией CNPC строительства газопровода от Хейхэ (точки входа российского газа в КНР) до Шанхая. В 2023 г. поставки трубопроводного газа составили 22,5 млрд куб. м [28].

Импорт из КНР увеличился за 2021–2023 гг. на 43,5 млрд долл. Превратившись в «мировую фабрику», Китай своими поставками может закрыть большую часть продукции, которая до экономических санкций поступала в РФ из стран Запада. В то же время, будучи широко включенными в глобальные цепочки добавленной стоимости и имея громадный по объему экспорт в страны Запада, китайские

компании вынуждены соблюдать западные санкционные требования, чтобы не попасть под вторичные санкции. В связи с этим китайский экспорт потребительской электроники в Россию (смартфонов, ноутбуков) в 2022 г. был ниже показателей 2021 г. Товарная структура взаимной торговли РФ и КНР развивается согласно той же модели, которая сложилась в торговле с ЕС: обмен российского топлива и сырья на товары высокой степени обработки [29. С. 76–80].

Рост взаимной торговли в 2021–2023 гг. отчасти стал следствием китайских инвестиций в российскую экономику, осуществленных в 2010-х годах, которые концентрируются в европейской части РФ и в Западной Сибири. Наиболее крупный проект с участием китайских инвестиций – «Ямал СПГ», реализуемый ПАО «НОВАТЭК». В этой компании 20% принадлежит крупнейшей китайской нефтегазовой компании CNPC, еще 9,9% в 2016 г. выкупил китайский Фонд Шелкового пути [21. С. 145].

В 2021–2023 гг. наблюдался более быстрый рост торгово-экономической связанности России и Китая при дефиците транспортной связанности в части наземных видов транспорта. Справиться с резко возросшим потоком импортных товаров из КНР, следующих на запад РФ, частично позволила деятельность ОТЛК ЕРА. Одновременно Транспортная группа FESCO и Дальневосточная железная дорога для перевозки сильно выросшего потока контейнеров с импортными грузами из КНР и других стран, поступающих в порт Владивосток, стала формировать сдвоенные контейнерные поезда, составленные из 72 фитинговых платформ. Кроме того, для вывоза контейнеров используются полувагоны, освобождаемые от экспортного угля. Все это позволило нормализовать ситуацию в импорте, поступающем по морю. К концу 2022 г. удалось также наладить линейные перевозки контейнеров из стран Азии в балтийские и черноморские порты РФ [21. С. 145].

Возросшие объемы экспортного угля, продукции лесоперерабатывающего производства, металлов и зерна обеспечивают БАМ и Транссиб, провозная способность которых в 2023 г. выросла до 173 млн т грузов в год. Тем не менее портовые мощности Дальневосточного бассейна заметно превышают провозную способность железнодорожных подходов к ним. Нехватка провозной способности железнодорожных подходов к портам оценивается в 95 млн т в год [30]. В течение ближайших лет пропускная способность Восточного полигона будет увеличена до 240 млн т, а также будет увеличена пропускная способность дальневосточных портов.

В 2020 г. был открыт автодорожный мост между Благовещенском и Хейхэ, а в 2022 г. был запущен новый железнодорожный переход через Амур Тунцзян–Нижнеленинское. В 2023 г. по нему проследовало 3 млн т грузов при пропускной способности в 9 млн т. На повестке дня имеется несколько вариантов создания перемычек между Транссибом и «Китайскими железными дорогами». Обсуждаются варианты строительства железной дороги из Таштагола в Кемеровской области до Урумчи в Китае, от Курагино в Красноярском крае через Кызыл в Монголию и далее – также в Урумчи. Предлагаются также варианты создания дополнительных переходов в Забайкальском крае на границе с Монголией и далее – прокладка дорог в Китай. Имеется вариант строительства еще одного железнодорожного моста через

Амур в районе Джалинда-Мохе. Однако конкретные решения по вариантам будут приняты, вероятно, в 2025 г. Пока же акцент делается на расширении пропускной способности БАМ, расширении перевозочного потенциала Севморпути, создание современных транспортно-логистических центров в пограничных пунктах пропуска и крупных городах на Транссибе, наращивании пропускной способности припортовых железных дорог и расширении использования автотранспорта для перевозок грузов торговли РФ и КНР [31].

Казахстан же в конце 2023 г. приступил к строительству железной дороги Аягоз–Бахты протяженностью 270 км и третьего «сухого порта» в Бахты, который рассчитан на перевалку 20 млн т грузов. Этот новый проект опирается на кредиты ЕАБР. Россия рассматривает возможность своего участия в данном проекте, который может быть построен довольно быстро, чтобы снять часть нагрузки на Восточный полигон. Для Китая, стран ЦА, а также РФ, немалый интерес представляет реализация давно обсуждаемого проекта железной дороги из КНР в Киргизию и далее в Узбекистан: Кашгар (СУАР)–Торугарт–Узген–Ош–Джалал-Абад (Киргизия)–Андижан (Узбекистан).

Заключение

Сопряжение объединений, разных по миссиям, институтам и числу участвующих стран, позволяет частично нейтрализовать неизбежно возрастающие в условиях трансформации международных отношений геополитические риски. В особой мере это касается Беларуси, Ирана, России и других стран, находящихся под мощным санкционным давлением Запада. Потенциал китайской инициативы в этом отношении велик, поскольку страны – ее участницы – входят в различные региональные объединения.

Сотрудничество стран ЕАЭС в области транспортной связанности во многом обусловлено их вовлеченностью в проект «Пояс и путь». Евразийский транспортный каркас создается одновременно и как автономная система евразийских транспортных коридоров, и как часть китайской инициативы. В результате этого возникает определенный синергетический эффект, который выражается в развитии трансматерикового транзита, ускоренной модернизации национального транспорта и логистики, укреплении транспортной связанности ЕАЭС, СНГ, ШОС и внутренних пространств стран-участниц.

Синергия сопряжения «Пояса и Пути» и ЕТК ЕАЭС выражается также в постепенном превращении внутриконтинентального положения в географической Евразии в ведущий фактор развития стран Центральной Азии, Западного Китая и сибирских районов России.

Современные высокотехнологичные транзитные сообщения позволяют странам расширять их коммуникации с мировым рынком и одновременно наращивать экспорт транспортных услуг. Развитие Китаем коридоров по другим направлениям «Пояса и пути» расширяет возможности выхода по ним стран ЕАЭС на рынки третьих стран и тем самым улучшает геоэкономические условия их развития.

В системе сухопутных коридоров «Пояса и пути» ведущую роль играют Казахстан и Россия, деятельность которых в рамках национальных стратегий развития транспорта является взаимодополняющей в пределах конкретных маршрутов широтных и меридиональных коридоров.

Хотя интересы стран ЕАЭС не всегда совпадают в вопросах строительства национальных участков МТК, по большому счету все они благодаря этому улучшают свое положение в системе международной торговли в условиях геополитической неопределенности, а также укрепляют внутреннюю связанность.

Расширение числа логистических центров, участвующих в контейнерных перевозках, способствует наращиванию несырьевого товарного экспорта ЕАЭС в КНР и другие страны. Благодаря этим центрам возникают возможности выравнивания баланса контейнерных перевозок по отдельным направлениям. Существующий дисбаланс контейнерных перевозок в пользу транзитных перевозок из Китая может быть смягчен за счет внутренних и экспортных перевозок, что в конечном счете повышает конкурентоспособность сухопутного варианта перевозок между КНР и Европой через страны ЕАЭС.

Литература

1. *Лисоволик Я.Д., Сутырин В.В.* География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь. 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/geografiya-stran-eaes/?ysclid=lyt1992uzw889482349>
2. *Портяков В.Я.* Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае. М.: ИДВ РАН. 2021. 104 с.
3. План сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518>
4. *Тураева М.О.* Транспортно-инфраструктурные проекты в Евразии // Мир перемен. 2016. № 1. С. 127–135.
5. *Самбурова Е.Н.* Региональные диспропорции современного развития региональной экономики Китая // Вестник МГУ. Серия География. 2014. № 4. С. 49–55.
6. *Кулинецов Ю.* 2021. Что означает и куда ведет двойная циркуляция Китая? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/?ysclid=lupbux5vv4555239857>
7. *Додонов В.Ю.* Экономическое сотрудничество Казахстана и Китая в первые годы реализации Инициативы Пояса и Пути: оценка предварительных итогов // Проблемы постсоветского пространства / Post-Soviet Issues. 2019. С. 129–148. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-2-129-148>
8. Christoph Nedopil Wang ‘Ten years of China’s Belt and Road Initiative (BRI): Evolution and the road ahead’, Regional Outlook Paper No. 76. 2023.
9. *Глинкина С.П.* Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества в рамках СНГ / Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта. Сборник научных трудов. Отв. редакторы Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М: Институт экономики РАН. 2015. С.11–32.
10. *Струлькова А.* Инициатива ЕС «Глобальные ворота» в центральной Азии. РСМД. 30.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/initiatiava-es-globalnye-vorota-v-tsentralnoy-azii/?ysclid=lt1shmv16r158341666>
11. *Karjalainen T.* The EC’ S Global Gateway. Building Connectivity as a Policy/ Finnish Institute of International Affairs. Working Paper. Geoeconomic Series. 127. February 2022. P. 4–15.
12. Экономическое сотрудничество в Евразии: практические решения. Доклады и рабочие документы. 24/2. Ред. Е.Ю. Винокуров. Евразийский банк сотрудничества. 2024.
13. *Вардомский Л.Б.* О динамике транзитных перевозок стран ЕАЭС // Мир перемен. 2018. № 2. С. 161–173.
14. *Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* О динамике евразийского транзита // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2020. № 5. С. 130–137.

15. *Liliopoulou A, Roe M., Pasukeviciute I.* “Trans Siberian Railway: from inception to transition”, in: *European Transport / Trasporti Europei*. 2005. Vol. 29. P. 46–56.
16. *Tsuji H.* Japan and the ROK’s Involvement in international Container Transportation Using the Trans-Siberian Railway // www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2014/11/02030e.pdf
17. *Кузьмина Е.* Внешнеэкономические связи Казахстана в контексте евразийской интеграции / Сб. *Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции*. Ред. Л. Вардомский, А. Пылин. М.: Институт экономики РАН 2014. 218 с.
18. *Вардомский Л.Б.* Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // *ЭКО*. 2015. № 8 (494). С. 59–80.
19. *Кузьмина Е.М.* Развитие транспорта в Казахстане / *Транспорт и связь в новых независимых государствах: особенности и факторы развития (сборник статей)*. Ред. Л.Б. Вардомский. М.: Институт экономики РАН. 2013.196 с.
20. *Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). М.: Институт экономики РАН. 2018. 66 с.
21. *Вардомский Л.Б.* Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2023. № 1 (58). С. 142–148.
22. Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2011–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции. Научный доклад. Отв. ред. Л.Б. Вардомский. М.: Институт экономики РАН. 2021. 70 с.
23. Trade map international trade statistics. URL: [https://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(1epk2z45m5yslvythluf44fc\)\)/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1](https://www.trademap.org/(X(1)S(1epk2z45m5yslvythluf44fc))/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1)
24. Хронология развития перевозок грузовыми поездами по маршруту Китай–Европа. Российская газета. Спецвыпуск «Дыхание Китая» № 244. URL: <https://rg.ru/2023/10/27/hronologii-razvitiia-perevozok-gruzovymi-poezdami-po-marshrutu-kitaj-evropa.html?ysclid=luwclafslr916858132>
25. China-EU–international trade in goods statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics
26. ОТЛК, Евразийский железнодорожный альянс. Годовой отчет 2022. URL: <https://annreport2022.utlc.com>
27. *Винокуров Е.Ю., Лобырев В.Г., Тихомирова А.А., Цукарев Т.В.* Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. ЕАБР. Центр интеграционных исследований. Докл. № 49. СПб. 2018.
28. *Акулов А.* Китай начал активно покупать нефть и газ у России. Что будет дальше? *Lenta.ru*\08.02.2024 URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/08/china/?ysclid=lutj9edh-qa156672505>
29. Российский пояс соседства в условиях санкционной войны. Научный доклад. Под ред. Л.Б. Вардомского, И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН. 2022. 118 с.
30. Эксперт: нехватку пропускной способности Восточного полигона вылечат отдельные железнодорожные узлы и станции. *LOGIRUS*.12.09.2023. URL: https://logirus.ru/news/infrastructure/ekspert-nekhvatku_propusknouy_sposobnosti_vostochnogo_poligona_vylechat_otdelnye_zh-d_uzly_i_stantsi.html
31. Информационно-аналитический материал о пунктах пропуска, расположенных на основных (перспективных) международных транспортных коридорах «Север–Юг» и «Восток–Запад», проходящих через Евразийский экономический союз. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1721461325&tld=ru&lang=ru&name=InfoMat_EAEU_Transport_Corridors

Leonid Vardomskiy (e-mail: wardom@yandex.ru)
Grand Doctor in Economics, Professor,
Head of the Center for Post-Soviet Studies,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

ENSURING COHERENCE BETWEEN CHINA'S "BELT AND ROAD" INITIATIVE AND EURASIAN ECONOMIC UNION PROJECT

The article examines the transport development of the intracontinental spaces of Eurasia and their interrelations with the Belt and Road initiative and the activities of the EAEU in infrastructure construction.

The emergence of the Initiative is due to several large-scale global economic processes, such as the shift of the center of world production to Asia, China's leading role in the global economy, its desire to form a different, more equitable model of world economic relations, the growth of geopolitical, transport and economic dynamics of intra-continental events. The central element of the Initiative is China's willingness to finance local infrastructure projects in which there is a common interest.

The integration project is focused on the state sovereignty of the participating countries, the transformation of the EAEU into a dynamically developing region of Eurasia, and the economic attraction for third countries. The EAEU sees the creation of a modern communications infrastructure (the Eurasian transport framework) as the main prerequisite for achieving these objectives. One of the important results of the conjugation of the mega-project and the activities of the EAEU has been a multiple increase in trade and transport communications between China and the EAEU countries. The implemented, ongoing and recommended projects of international transport corridors ensure the permissive effect of intra-continentiality and a wider use of the advantages of the Central Eurasia position for the development of the countries of Central Asia, Western China and the Siberian regions of Russia.

Keywords: China, Belt and Road, EAEU, Kazakhstan, Russia, conjugation, transport corridors, connectivity, develop institutions, trade.

DOI: 10.31857/S0207367624070088, **EDN:** AZRVNV

© 2024

УДК: 339.92

Олег Комолов

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ НА РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ В ОТНОШЕНИЯХ С КАЗАХСТАНОМ (ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена влиянию антироссийских санкций на инвестиционную активность российских компаний на постсоветском пространстве, в частности в Казахстане. После событий 2014 г. российский капитал был вытеснен из экономики Украины и частично релоцировался в Казахстан, который на сегодняшний день является ключевым местом приложения прямых иностранных инвестиций среди стран СНГ. Высокую активность на рынке капитала здесь проявляют также Китай, США, Турция и страны ЕС. Конфликт коммерческих интересов указанных стран на территории Казахстана может стать значительным фактором политической напряженности на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: санкции, Россия, Казахстан, Китай, США, Турция, прямые инвестиции.

DOI: 10.31857/S0207367624070099, **EDN:** AZQDTE

Начало Специальной военной операции на Украине и последовавшая за ней новая волна санкций обострили политико-экономической конфликт российского государства с западным миром. Число иностранных компаний, работающих в России, сократилось на 34% – с 29,2 тыс. в марте 2021 г. до 19,3 тыс. в марте 2024 г. [1]. В 2022 г. власти ЕС ввели против российских компаний и граждан запрет на участие в трастах и фондах, продажу ценных бумаг в евро, а также открытие депозитов на сумму свыше 100 тыс. евро. Подобные ограничения были введены и другими западными странами. Это заставило ряд компаний как отечественного, так и зарубежного происхождения принять меры к релокации своего бизнеса в другие страны, преимущественно на постсоветском пространстве. Одной из наиболее популярных юрисдикций стал Казахстан. По оценке правительства Казахстана, из России релоцировалась 41 иностранная компания [2].

Казахстан выступил в роли торгового хаба для организации поставок по параллельному импорту, что позволило ему войти в пятерку крупнейших торговых партнеров РФ в 2023 г. [3]. Кроме того, разрыв политико-экономических связей с Украиной, начавшийся в 2015 г., привел к уходу российских компаний и выводу их активов. Часть капитала оттуда была направлена в Казахстан, что делает эту страну особенно значимой для российского бизнеса, в т.ч. транснационального капитала.

Однако в то же время устойчивые торговые, инвестиционные и политические связи с Казахстаном выстраивают и другие сильные игроки: Китай, США, Турция, страны ЕС.

Экономические связи России и Казахстана основаны на ряде межправительственных соглашений. Межправительственная комиссия по сотрудничеству между

Республикой Казахстан и Россией занимается вопросами инвестиционного, межбанковского, военно-технического, промышленного, научного взаимодействия. Как отмечает А.Ж. Бактиярова [4. С. 66], «Казахстан и Россия имеют традиционно высокий уровень двустороннего взаимодействия по всему спектру межгосударственных связей, подкрепленных интенсивностью встреч на разных уровнях власти. ... Ведущую роль в укреплении стратегического партнерства Казахстана и России играют регулярные встречи и переговоры на уровне глав правительств». При этом, как указывают Ю.А. Давыдова и Е.В. Каргаполова [5. С. 52], несмотря на членство обеих стран в ЕАЭС, отношение Казахстана к его союзническим связям с Россией за последние годы претерпело значительные изменения. «Если в первые годы существования союза руководство Казахстана рассматривало его как начальный этап в дальнейшей интеграции стран СНГ, то в настоящее время ЕАЭС рассматривается только как механизм экономического сотрудничества». Причина тому – в политике моногекторности, под которой понимается сотрудничество с ближними и дальними зарубежными партнерами, в т.ч. находящимися в конфликтных отношениях друг с другом. В последние годы для Казахстана такая внешнеполитическая стратегия приобрела особую значимость и позволяет стране лавировать между Россией и западным миром, приобретая преимущества от сотрудничества с каждой из сторон.

Казахстан проводит открытую политику, направленную на привлечение в страну иностранных инвестиций. В рейтинге Doing Business за 2019 г. Казахстан занимал высокое 25 место [6]. Среди стран постсоветского пространства Казахстан является одним из лидеров по объему привлеченных ПИИ, уступая лишь России, а по доле накопленных ПИИ в ВВП (68,4%) опережает и РФ, и другие страны СНГ (табл. 1).

В 2012 г., в досанкционную эпоху, лидером по объему привлеченных прямых инвестиций из стран СНГ и Грузии была Украина (17,8 млрд долл.). Второе место

Таблица 1

Накопленные ПИИ стран СНГ в 2022 г.

Страна	млн долл. США	% ВВП
Армения	7124	36,5
Беларусь	16055	22,0
Казахстан	154183	68,4
Кыргызстан	3768	34,5
Молдова	4901	33,8
Российская Федерация	379127	16,9
Таджикистан	3329	31,7
Туркменистан	41537	62,0
Украина	51118	31,9
Узбекистан	13631	17,0

Источник: составлено автором на основании данных [7].

занимал Казахстан (10,3 млрд долл.), а третье Белоруссия (6,8 млрд долл.) [8. С. 16]. К первой половине 2022 г. Украина опустилась на восьмое место. Объем накопленных входящих инвестиций сократился до 1,8 млрд долл. Причиной тому стало последовательное вытеснение из страны российского капитала [9]. В то же время на первое место в регионе вышел Казахстан. В 2022 г. накопленные инвестиции от стран-соседей составили 10,8 млрд долл., а в первом полугодии 2023 г. его доля среди стран-импортеров взаимных ПИИ в Евразийском регионе достигла 27,2 [8. С. 22].

Более 81% накопленных ПИИ в ЕАЭС представлено инвестиционными проектами, которые осуществляются компаниями из России в других участниках объединения (22,8 млрд долл.) [8. С. 15]. В 1 полугодии 2023 г. из 10 крупнейших компаний-инвесторов на территории ЕАЭС 7 имели российское происхождение. На долю «Лукойла» пришлось 30% накопленных взаимных ПИИ в Евразийском регионе, «Газпрома» – 9%, «Росатома» – 7%, «Альфа-Групп» – 3%, «Транснефти» – 1,8%, «Вымпелкома» – 0,8%, «Сбера» – 0,5% [8. С. 19]. При этом доля «Лукойла» выросла в период с 2016 г. по 1 полугодие 2023 г. на 8 пп. Это свидетельствует о снижении конкуренции и укреплении российских ТНК в их доминировании над инвесторами из соседних стран.

С началом Специальной военной операции (СВО), повлекшей ужесточение антироссийских санкций, ряд предприятий перевели бизнес в Казахстан. Это касалось как крупных компаний, так и относительно небольших производств. Например, компания «Ural Motorcycles», которая производит тяжелые ретромотоциклы, ранее базировалась в российском городе Ирбите. Однако из-за ограничений на импорт комплектующих и экспорт техники из России сборка готовой продукции была перенесена в казахстанский город Петропавловск [10]. Этот случай отличается от многих аналогичных примеров, поскольку компания не ограничилась переводом штаб-квартиры, а полностью организовала дочернее производство на территории соседней страны. По такому же пути в 2022 г. последовали завод легких стальных тонкостенных конструкций «Завод ЛСТК», компания «ГОРТЕК», производящая железобетонные трубы, и «Хлебпром», который организовал производство хлебобулочных изделий в Казахстане [11].

Самыми «мобильными» в вопросе релокации бизнеса оказались компании из сфер IT и финансов, передислоцировавшие свои офисы и специалистов на территорию стран Центральной Азии. Среди них – игровой разработчик Playrix [12], онлайн-банк «Тинькофф» [13], а также представительство «СПБ-Биржи» [14]. Свое присутствие в Казахстане расширяли российские маркетплейсы. Так, компании «Wildberries» и «Ozon» открыли логистические хабы в городах Астана и Алматы, инвестировав в проекты почти 300 млн долл. [15], компания «RuVDS» обеспечивает торговые площадки дата-центрами, которые она оснащает в Казахстане [16].

Трансфер производств осуществляли крупные промышленные компании. Международная химическая компания «Еврохим» в 2023 г. начала строительство завода по производству минеральных удобрений. В проект будет инвестировано около 1 млрд долл. [17]. Всего же в 2023 г. в Казахстане осуществлялось 99 крупнейших российских инвестиционных проектов на сумму в 13 млрд долл. Это соизмеримо 7% ВВП Казахстана. В пятерку крупнейших, кроме упомянутого завода

«Еврохим», входит Карачаганакское нефтегазоконденсатное месторождение, которое разрабатывает «Лукойл» (объем накопленных ПИИ составил 2,2 млрд долл.) [18]; реализуемый «Росатомом» проект Горно-химического комбината и уранового месторождения (1,6 млрд долл.); добыча металлических руд на руднике Каратау с инвестициями «Атомэнергопрома» в 592 млн долл.; Каспийский трубопроводный консорциум – нефтепровод от Каспийского до Черного моря, в который «Лукойл» и «Транснефть» вложили 755 млн долл. [8. С. 27].

К крупным инвестиционным проектам российского бизнеса в Казахстане также можно отнести завод бутадиена в Казахстане, на строительство которого «Татнефть» планирует пустить 1 млрд долл. [19]. Компания «Сибур» внесет треть из необходимых 7,5 млрд долл. на строительство полипропиленового завода совместно с местными инвесторами [20]. Корпорация «Технониколь», которая в 2024 г. планирует ввести в эксплуатацию завод по производству тепло- и звукоизоляционных материалов из каменной ваты [21].

Таким образом, можно констатировать, что в текущих условиях российский бизнес рассматривает Казахстан как приоритетное направление капиталовложений. Факторами, скрепляющими инвестиционное сотрудничество, являются политические и дипломатические связи, союзничество в военной сфере и членство в ЕАЭС – интеграционной группировке со свободным движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами. Это дает российскому бизнесу уникальные преимущества доступа на казахстанский рынок по сравнению с конкурентами вне евразийского пространства.

Вместе с тем, на территории Казахстана наращивают присутствие транснациональные корпорации из других стран: Китая, США, Турции. Наконец, сам национальный бизнес Казахстана также представлен рядом крупных производств, осуществляющих прямые капиталовложения на территории страны.

Современный Китай осуществляет масштабные инвестиции в производственные мощности по всему миру. С 2012 по 2022 г. объем накопленных прямых инвестиций вырос с 531 млрд долл. до 2,9 трлн долл. Доля исходящих ПИИ в ВВП – с 5,63 до 16,32%. Общий объем капиталовложений Китая в Казахстан к первому полугодю 2023 г. составил 42 млрд долл., или почти 19% казахстанского ВВП. Крупнейший инфраструктурный проект КНР – «Пояс и Путь» – позволит получить прямой доступ на рынок Евросоюза и охватывает более 70 стран. К их числу относится и Казахстан, через который пройдет высокоскоростная железнодорожная магистраль. Транспортный коридор позволит сократить время доставки груза странам-участницам проекта на 12% и нарастить масштабы встречной торговли на 2,8–9,7% [22].

В 2015 г. идею взаимодополнения Экономического пояса и Шелкового пути Евразийским экономическим союзом озвучил В.В. Путин. В 2016 г. между Казахстаном и КНР был заключен договор по сопряжению Новой экономической политики «Нурлы жол» и Шелкового пути [23]. Соглашение о торгово-экономическом партнерстве между ЕАЭС и КНР было подписано в 2018 г. В этом документе особое внимание уделяется транспортной инфраструктуре, но уже с учетом интересов всех стран союза. Благодаря сопряжению Китай получает более быструю и гарантированную сухопутную доставку своих грузов в Европу, а также рынок

сбыта на территории стран ЕАЭС. С 2013 по 2020 г., в рамках инициативы «Пояс и Путь», Китай инвестировал в экономику Казахстана 18,5 млрд долл., из которых 3,8 млрд долл. были направлены в сферу транспорта [24]. По оценке некоторых казахстанских экспертов, данный инфраструктурный проект будет использован Китаем в качестве инструмента политического влияния на соседние страны [25].

Значительный объем прямых инвестиций Китая в Казахстане обусловлен крупными проектами Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC). Она вложила в экономику страны более 37 млрд долл., или 89% всех инвестиций КНР [8. С. 46]. Например, на разработку месторождения углеводородного сырья в Актюбинской области было направлено 13,5 млрд долл. Строительство по казахстанской территории газопровода Казахстан–Китай обошлось китайской компании в 16,5 млрд долл. Еще 2 млрд долл. вложено в разработку нефтяных месторождений в Мангистауской области, а 1,5 млрд долл. CNPC инвестировала в Шымкентский нефтеперерабатывающий завод. Среди прочих китайских капиталовложений – проекты Jiixin International Resources Investment. Они связаны с освоением месторождения вольфрамовых руд и строительством горно-обогатительного комбината в Алматинской области. Компания SPIC инвестировала в ветроэлектростанцию в Жамбылской области. А China National Vehicle Import & Export Corporation активно вкладывается в местный автопром: так, в 2017 г. «СарыаркаАвтоПром» получил эксклюзивные права на производство автомобилей JAC для рынка России.

Заходя на территорию Казахстана, Китай оказывает значительное влияние на местный рынок рабочей силы. Инвестиции в инфраструктурное строительство сопровождаются привлечением в Казахстан работников из КНР, а также обеспечивают китайские компании рынками сбыта комплектующих, оборудования и технологий. Уже сегодня китайские рабочие преобладают в структуре иностранной рабочей силы в Казахстане: с 2010 по 2017 г. в Казахстан из КНР для трудоустройства приехали около 100 тыс. работников. Их доля в общем количестве трудовых мигрантов в стране достигла 43% [26].

Инвестиционная активность Китая в Казахстане существенно превышает его вложения в экономику России. Несмотря на то что ВВП РФ страны почти в 10 раз больше казахстанского, в экономику Казахстана компании КНР инвестировали вдвое больше – 42 млрд долл. против 18 млрд долл. Это объясняется тем, что Казахстан отличается выгодным географическим положением в самом центре Евразии. Через его территорию проходит более 70% трансконтинентальных маршрутов. Логистика через Казахстан и Кавказ как безопасна в части политики, поскольку здесь нет риска того, что перевозимые товары попадут под антироссийские санкции, так и эффективна с экономической точки зрения. Россия же остается для Китая «токсичной» экономической зоной, вложения в которую сопряжены с большим риском вторичных санкций, идти на которые бизнес из КНР, очевидно, не готов. Москва также отказалась от строительства российского участка (Москва–Казань) высокоскоростной магистрали «Евразия», которая должна была протянуться от Пекина до Берлина через Монголию, Казахстан, Россию и Белоруссию. Китай оценивал инвестиции в проект в 1 трлн юаней, пассажиропоток к 2050 г. должен был достичь 90 млн человек, а объем

перевозимых грузов – до 15 млн т [27]. Однако обострение отношений РФ с Западом заставит Китай пересмотреть перспективы реализации этого проекта.

Не меньшую активность на территории Центральной Азии проявляет западный, преимущественно американский, бизнес. Объем накопленных американских прямых инвестиций в стране в 2022 г. составил 39,5 млрд долл., направленных преимущественно в топливно-энергетический комплекс [28]. Так, в компании «Тенгизшевройл», которая занимается разработкой месторождения Тенгиз на Каспии, 75% принадлежат американским Chevron и ExxonMobil [29]. Под их контролем находится 17% месторождения Кашаган и 18% месторождения Карачаганак. Инвестиции американских компаний присутствуют и в других отраслях. Так, компания Wabtec с 2024 г. получила под полный контроль локомотивосборочный завод в Астане. Ранее корпорация владела предприятием в паритете с российским «Трансмашхолдингом», который под давлением санкций был вынужден продать свою долю [30].

Cove Capital планирует построить в Казахстане горно-металлургический комбинат [31], а The Change Group – запустить производство композитных материалов [32]. В агропромышленном комплексе Казахстана инвестиционную активность проявляют американские «Tyson Foods» и Valmont Industries [33], а Honeywell открыла в стране производство газоанализаторов [34].

В 2023 г. на встрече с госсекретарем США Блинкеном Президент страны Касым-Жомарт Токаев выразил надежду на укрепление сотрудничества с США [35]. Представитель американского государства заявил, что США решительно поддерживают программу реформ Президента Токаева. Такое сближение США и Казахстана усиливает влияние США на политику Казахстана, который из опасения вторичных санкций создает ограничения для российского бизнеса. Ряд компаний из РФ были вынуждены покинуть Казахстан после начала СВО. Одним из важнейших событий 2022 г. стал уход из страны «Альфа-банка» [36] и продажа «Сбером» своей казахстанской дочерней структуры [37]. Лидер российского банковского бизнеса пришел в Казахстан в 2006 г., и к 2021 г. нарастил капиталовложения до 800 млн долл. Однако в августе 2022 г. дочерний банк был продан местному холдингу «Байтерек» за вдвое меньшую сумму [38]. Основная причина продажи – последствия санкций, однако влияние оказывал и рост отраслевой конкуренции. Теперь последним российским банком в Казахстане с инвестициями в 100 млн долл. остался ВТБ и судьба его активов в стране остается неопределенной. Пострадал и «Вымпелком»: он продал свою дочернюю компанию «Кар-Тел Казахстан» компании Veon за 820 млн долл. [39].

Еще одним важным игроком на рынке капитала на постсоветском пространстве является Турция. Самые крепкие инвестиционные связи у этой страны сложились с Россией и Азербайджаном. Однако в обоих случаях Турция выступает преимущественно реципиентом прямых инвестиций. При этом в отношениях с Казахстаном Турция играет роль чистого экспортера капитала. Сумма турецких капиталовложений и здесь составляет более 2,6 млрд долл. [8. С. 41]. Турецкие инвесторы вкладываются в пищевую промышленность Казахстана, здравоохранение, туризм, мебельное производство, торговлю. Наиболее крупный проект – строительство бизнес-центра Downtown Almaty компанией Eksen Group, на что

будет потрачено 390 млн долл. Инвестиционное сотрудничество двух стран растет и в области ВПК. В 2022 г. между Национальной компанией «Казахстан инжиниринг» и турецкой аэрокосмической компанией TUSAS была подписана декларация о сотрудничестве в области производства беспилотных летательных аппаратов. Это позволит «Казахстан инжиниринг» стать первым зарубежным предприятием, производящим турецкие беспилотники ANKA [40. С. 46].

Оценивая динамику рынка капитала Казахстана, необходимо принимать во внимание инвестиционную активность национальных казахстанских предприятий. С одной стороны, страна сейчас является вторым крупнейшим получателем инвестиций на постсоветском пространстве, а учитывая реалии новых антироссийских санкций – самым привлекательным местом приложения капитала в регионе. При этом сами компании Казахстана также стремятся к внешней экспансии. Так, в 2022 г. объем накопленных ими иностранных инвестиций за рубежом составил 22 млрд долл. Это 10% ВВП страны. А, к примеру, в 2016 г. этот показатель и вовсе достигал 17% [41]. Kaz Minerals – один из лидеров по производству меди в СНГ – входит в пятерку крупнейших инвесторов в регионе. Ее самый затратный проект расположен в России – это горно-обогатительный комплекс «Медный проект “Баимская”». В него уже вложено 1,5 млрд долл. [8. С. 6]. Также значительные объемы инвестиций наблюдаются в строительстве коммерческой недвижимости и нефтедобыче. На рынке капитала Центральной Азии Казахстан прочно доминирует над соседями. В Киргизии и Узбекистане лидируют Kaz Minerals, United Cement Group, «Народный банк» и «Верный Капитал» [8. С. 8].

В условиях ужесточения санкционного режима против РФ, а также давления инициаторов санкций на дружественные России страны, интересы российского капитала на постсоветском пространстве могут войти в противоречие с казахстанской стороной. Так, российские экспортеры нефти вытесняют с евразийского рынка казахстанских производителей. Характерной является ситуация с Узбекистаном: в первом полугодии 2023 г. поставки туда нефти по железной дороге из Казахстана упали в 3 раза – до 24 тыс. т. В то же время экспорт трубопроводной нефти из России вырос в 4 раза – до 38 тысяч т [42]. До 2022 г. казахстанская нефть экспортировалась по трубопроводам российской Транснефти под российским же брендом Urals. Чтобы не нести ущерба от санкций, которые обвалили цены на российскую нефть, Казахстан, пытаясь дистанцироваться от России, присвоил своей нефти отдельное название КЕВСО. В результате цена на этот сорт нефти стала выше российской Urals. Но теперь Казахстан теряет узбекского покупателя, который предпочитает более дешевый товар из России, который к тому же поставляется с меньшими транспортными издержками. Получит ли Казахстан компенсацию, уступки со стороны России, или же запишет потери на свой счет – в этом случае, да и всегда во многом, зависит от политических договоренностей государств. Компромисс может быть выстроен на комплементарности потребностей: Казахстану нужен газ, дефицит которого, по прогнозам, к 2025 г. достигнет 5 млрд куб. м в год [43], а Россия нуждается в транзите санкционных товаров посредством параллельного импорта. Тем не менее конфликт коммерческих интересов на территории Казахстана может стать значительным фактором политической напряженности на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Едовина Т.* Взял да вышел // Коммерсант, 20.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6580306> (дата обращения 26.05.2024).
2. Более 40 иностранных компаний релоцировались в Казахстан из России // Ведомости, 5.03.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/03/05/1023770-relotsirovalis-v-kazahstan> (дата обращения 20.05.2024)
3. Казахстан—Россия: санкции сотрудничеству не помеха // Евразийская ассоциация бизнеса, 28.03.2024. URL:<https://www.eaab.ru/tpost/jesvi8v2s1-kazahstan-rossiya-sanktsii-sotrudnichest> (дата обращения 01.06.2024).
4. *Бактиярова А.Ж., Баудиярова Э.Н.* Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Vol. 12. No. (4), 65–70. С. 66.
5. *Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В.* Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 2. С. 51–59. С. 52.
6. Doing Business // World Bank, URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения 12.06.2024).
7. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual // UNCTAD. URL:<https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения 11.05.2024).
8. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023 // Евразийский банк развития, URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf С. 16.
9. *Комолов О.О.* Теория субимпериализма и влияние новых тенденций в мировой экономике на деятельность российских ТНК // Вопросы политической экономии. 2023. № 3. С. 131–144. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8320072>. – EDN EYBRKG.
10. Производитель мотоциклов «Урал» перенесет сборку в Казахстан из-за санкций // РИА Новости, 04.26.2022, URL: <https://ria.ru/20220426/ural-1785431421.html> (дата обращения 01.06.2024).
11. *Тонконог О.* Более 20 компаний релоцировались в Казахстан с начала года // Курсив, 28.12.2022. URL: https://kz.kursiv.media/2022-12-28/bolee-20-kompanij-reloczirovali-iz-rossii-v-kazahstan/?__cf_chlTk=KDNw66jie8K4U5gR7NXAcOPUnqUcXdUuaCE8OZA9J08-1719004071-0.0.1.1-4052 (дата обращения 02.06.2024).
12. Разработчик мобильных игр Playrix открыл офис в Казахстане // Bluescreen. URL: <https://bluescreen.kz/razrabotchik-mobilnykh-ighr-playrix-otkryl-ofis-v-kazakhstanie/>
13. «Тинькофф» собирает уехавших из России сотрудников в Армении, Беларуси и Казахстане // Frank Media. 02.11.2022. URL: <https://vc.ru/migrate/531281-tinkoff-sobiraet-uehavshih-iz-rossii-sotrudnikov-v-armenii-belarusi-i-kazakhstanie>
14. *Ануфриева М.* Инвестхаб СПБ Биржи в Казахстане могут запустить в течение 1–2 месяцев // 06.03.2023, РБК. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/63e148a29a79476a14e89234>
15. Ozon и Wildberries усиливают инвестиции в Казахстан и Узбекистан // Tribune, 08.08.2023, URL:<https://tribune.kz/ozon-i-wildberries-usilivayut-investitsii-v-kazahstan-i-uzbekistan/> (дата обращения 02.05.2024).
16. Новые точки присутствия RUVDS в мире. Теперь и в Казахстане // RuVDS, 04.05.2023, URL: <https://ruvds.com/ru/new-dc-kazakhstan/> (дата обращения 04.05.2024).
17. «Еврохим» начал строительство в Казахстане крупного завода минеральных удобрений // ТАСС, 11.08.2023, URL: <https://tass.ru/ekonomika/18492563> (дата обращения 04.05.2024).
18. Месторождение им. Ю. Корчагина // Лукойл, <https://lukoil.ru/Business/Upstream/KeyProjects/KorchaginField> (дата обращения 05.05.2024).
19. В Казахстане начали строить завод бутадиена // RUPEC. 10.11.2023, URL:<https://rupec.ru/news/52395/>

20. *Милькин В.* «Сибур» и «Казмунайгаз» вложат \$7,6 млрд в газохимический проект в Казахстане // Вестник, 05.05.2023, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/05/15/975144-sibur-kazmunaigaz>
21. *Мещерякова А.* В феврале 2024 года в Казахстане начнет работу новый завод каменной ваты // Nur. Kz, 12/07/2023, URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2028366-v-fevrale-2024-goda-v-kazahstane-nachnet-rabotu-novyy-zavod-kamennoy-vaty/>
22. Экономика Одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров. Всемирный банк. 2020. С. 5. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31878/211392RU.pdf?sequence=12&isAllowed=y> (дата обращения: 16.05.2024).
23. *Жакытова Ф., Шаймергенов Т., Ошакбаев Д. и др.* Анализ экономической стратегии и внешней политики Китая в Казахстане // Нур-Султан, 2020. 165 с. URL: <https://talar.org/media/newsapp/news/files/2023chinabookru.pdf> (дата обращения 15.05.2024) с. 41.
24. *Еркинқызы Н.* «Один пояс – один путь»: перспективы и риски для Казахстана // Exclusive, 19.10.2023. URL: <https://exclusive.kz/odin-poyas-odin-put-perspektivy-i-riski-dlya-kazahstana> (дата обращения 15.05.2024).
25. *Сыроежкин К.Л.* Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2. С. 37–55; Регион и его фобии [Электронный ресурс]. URL: <https://expertonline.kz/a16155/> (дата обращения 13.11.2020).
26. *Есдаuletов А.* Какие риски для Казахстана несет сотрудничество с Китаем? // Inbusiness, 07.11.19. URL: https://inbusiness.kz/ru/author_news/kakie-riski-dlya-kazahstana-neset-sotrudnichestvo-s-kitaem (дата обращения 15.05.2024).
27. Высокоскоростная магистраль «Москва–Казань» // Интерфакс, URL: <https://rzdfuture.interfax.ru/moscow-kazan/> (дата обращения 20.05.2024).
28. От каких стран больше всего зависит экономика Казахстана. Что важно знать // РБК. 12.01.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/01/2022/61dc3c029a79474999203b91> (дата обращения 07.05.2024).
29. На месторождении Тенгиз собираются увеличить добычу нефти на 12 млн тонн в год // Sputnik. 07.10.2023. URL: <https://ru.sputnik.kz/20231007/na-mestorozhdenii-tengiz-sobirayutsya-uvlichit-dobychu-nefti-na-12-mln-tonn-v-god--39130785.html> (дата обращения 15.05.2024).
30. Wabtec стала собственником локомотивосборочного завода в Казахстане, выкупив долю у ТМХ // Интерфакс, 19.02.2024. URL: <https://www.interfax.ru/business/946711> (дата обращения 16.06.2024).
31. Американская компания планирует заняться редкоземельными металлами в РК // Forbes, 13.11.2023 https://forbes.kz/articles/amerikanskaya_kompaniya_planiruet_naladit_v_rk_proizvodstvo_redkozemelnyih_metallov (дата обращения 15.05.2024).
32. Компания из США планирует построить металлургический комбинат в Казахстане // Sputnik. 27.09.2023. URL: <https://ru.sputnik.kz/20230927/kompaniya-iz-ssha-planiruet-postroit-metallurgicheskij-kombinat-v-kazahstane-38820359.html> (дата обращения 15.05.2024).
33. Лидеры американского агробизнеса «Tyson Foods» и «Valmont Industries» инвестируют в Казахстан // URL: <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/lidery-amerikanskogo-agrobiznesa-tyson-foods-i-valmont-industries-investiruyut-v-kazahstan/> (дата обращения 15.05.2024).
34. Итоги 2022 года: как в Казахстане развивали промышленность // 28.12.2022 Sputnik. URL: <https://ru.sputnik.kz/20221228/itogi-2022-goda-kak-v-kazahstane-razvivali-promyshlennost--30691788.html> (дата обращения 15.05.2024).
35. *Блинкен:* США решительно поддерживают программу реформ Президента Токаева // Телеканал Астана / Astana TV. URL: <https://youtu.be/nrDbAe3XGv0> (дата обращения 15.05.2024).
36. Банк ЦентрКредит купил попавшую под санкции «дочку» Альфа-банка в Казахстане // Forbes, 6.05.2022 URL: <https://www.forbes.ru/finansy/464879-bank-centrcredit-kupil-popavshuu-pod-sankcii-docku-al-fa-banka-v-kazahstane> (дата обращения 15.05.2024).
37. Бывшая «дочка» Сбербанка в Казахстане прекратит работу с картами «Мир» // РБК, 15.03.2024. URL: <https://www.rbc.ru/finances/15/03/2024/65f47bf49a7947252b7e4726> (дата обращения 15.05.2024).

38. Сбербанк продал казахстанскую «дочку» холдингу «Байтерек» // РБК, 02.09.2022, URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/09/2022/6311db299a7947b252465466> (дата обращения 17.05.2024).
39. «Билайн» продал бизнес в Казахстане за 54 млрд рублей // Ведомости, 03.05.2023, URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/05/03/973527-bilain-prodal-biznes-v-kazahstane> (дата обращения 03.04.2024).
40. *Вернигора А.* Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Центральная Азия в глобальном мире. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novaya/2023_04/17-Vernigora.pdf (дата обращения 01.06.2024) с. 146.
41. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual // Unctad, URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения 12.06.2024).
42. *Савенкова Д.* Российская нефть вытесняет казахстанскую с рынка Узбекистана // Ведомости, 9.10.2023, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/10/09/999459-rossiiskaya-neft-vitesnyaet-kazahstanskuyu-s-rinka-uzbekistana> (дата обращения 03.04.2024).
43. *Ишекенова Б.* В Казахстане может возникнуть дефицит газа к 2025 году // Lsm.kz, 5.05.2023. URL: <https://lsm.kz/v-kazahstane-mozhet-vozniknut-deficit-gaza-v-blizhajshiedva-goda> (дата обращения 03.05.2024).

Oleg Komolov (e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

THE IMPACT OF WESTERN SANCTIONS ON THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA IN RELATIONS WITH KAZAKHSTAN (POLITICAL AND ECONOMIC ASPECT)

The paper is dedicated to the impact of anti-Russian sanctions on the investment activity of Russian companies in the post-Soviet space, in particular in Kazakhstan. After 2014, Russian capital was forced out of the Ukrainian economy and partially relocated to Kazakhstan, which today is a key place for foreign direct investment among the CIS countries. China, the USA, Turkey and EU countries also show high activity in the capital market of Kazakhstan. The conflict of commercial interests of these countries on the territory of Kazakhstan may become a significant factor of political tension in the post-Soviet space.

Keywords: Sanctions, Russia, Kazakhstan, China, USA, Turkey, FDI.

DOI: 10.31857/S0207367624070099, **EDN:** AZQDTE

© 2024

УДК: 338.2; 339.7; 339.9

Виктор Самаруха

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский
государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)
(e-mail: Oksalsam@mail.ru)

Алексей Самаруха

доктор экономических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой экономики предприя-
тия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)
(e-mail: Samarukha_alex@mail.ru)

Валентина Доржиева

кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром инновационной
экономики и промышленной политики, ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва,
Российская Федерация)
(e-mail: vvdorzheva@inecon.ru)

НОВЫЕ РЕАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И МОНГОЛИИ

В статье рассматривается развитие монгольского вектора внешнеэкономической политики России как составной части ее общей стратегии «поворота на Восток», в рамках которой Россия стремится к многополярности и сокращению возможностей для глобального господства США. В связи с воссоединением Крыма в 2014 г. и особенно после начала российской Специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г., особое значение в противостоянии России с США и с их союзниками приобретает развитие российско-монгольского экономического и политического сотрудничества в треугольнике Россия–Монголия–Китай и интеграционных региональных объединений (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и др.). В статье показано, что Монголия, занимающая позицию политического нейтралитета, активно развивает экономические связи как с соседними странами – Россией и Китаем, – так и (в рамках концепции поиска «третьего соседа») с США, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими развитыми странами, в конкуренции с которыми России теперь приходится возобновлять утраченное после распада СССР экономическое партнерство с Монголией. Результатом исследования является вывод, что в сложившейся ситуации внешнеэкономические интересы России в Монголии в основном строятся на экономических и инфраструктурных проектах китайской инициативы «Один пояс, один путь», тем самым усиливая китайский фактор в двустороннем российско-монгольском экономическом партнерстве, что в будущем может привести к новым рискам национальной экономической безопасности.

Ключевые слова: внешняя политика России, «поворот на Восток», внешнеэкономическая политика, российско-монгольское экономическое сотрудничество, внешняя торговля, Монголия.

DOI: 10.31857/S0207367624070101, EDN: AZN1MT

В сложных геополитических и экономических условиях особую значимость для России в рамках внешнеэкономической политики приобретает стабильность международных отношений со странами Азии, занявшими нейтральную позицию по отношению к СВО, в числе которых Монголия. В целом «восточный вектор»

внешней политики России фокусируется на политических и экономических аспектах расширения международного сотрудничества со странами Азии, что является логичным продолжением и практической реализацией стратегии многополярности в международных отношениях. Здесь важно отметить, что поворот России на Восток начал реализовываться задолго до украинского кризиса [1–4], но официальным нормативным документом был закреплен только в 2023 г. [5]. В этой стратегии Россия выступает одним из ключевых полюсов силы и противостоит доминированию США и западных стран, которые стремятся к мировому господству [1, 6, 7].

Не стоит забывать о том, что авторитетный среди американских военных теоретиков Джон Уорден, разрабатывая стратегию «бесконтактных войн», еще в 1990-х годах выдвигал идею о том, что гораздо проще и дешевле неявно поразить центр принятия решений противника, воздействовать на его интеллектуальную элиту, чтобы ее руками выполнить поражение управляемых структур государства, сформировать протестные настроения у населения, добиться вакуума власти и организовать смену политического курса [8]. Этот сценарий был успешно осуществлен США и странами коллективного Запада при развале экономики всех бывших социалистических стран, включая СССР и Монголию.

С нашей точки зрения, в 90-х годах XX в. в России после разрушения СССР, разрыва хозяйственных связей со странами Восточной Европы и бывшими союзными республиками произошло изменение траектории ее экономического развития. Была проведена деиндустриализация, созданы условия для финансовой спекуляции, в результате чего возрождающийся в новейшей истории России капитализм приобрел олигархический характер с отсутствием механизмов справедливой конкуренции и обеспечения экономического роста, не ориентированный на экономический рост и повышение уровня жизни населения на основе инноваций. Частично эту ситуацию компенсирует развитие топливно-энергетического сектора, но без учета его вклада общая картина выглядела бы катастрофически [9]. Аналогичная ситуация произошла в Монголии и других странах бывшего социалистического лагеря.

Сейчас США вновь усиленно стараются применить данный сценарий к России по следующим направлениям: усиление прокси-войны против России на Украине; введение эмбарго против российской нефти и газа; воровство более 300 млрд долл. США золотовалютных резервов России; конфискация частной собственности олигархов с целью спровоцировать их на совершение переворота в России; оказание давления на страны ОПЕК с целью увеличения ими добычи нефти и на страны, являющиеся крупными потребителями нефти, с целью отказа от закупок российской нефти, чтобы спровоцировать обвал цены на нефть; введение эмбарго на поставку машин и оборудования в России.

Находясь во главе мировой финансовой системы, в которой на современном этапе эволюции мировой экономики преобладает тенденция к централизованному накоплению финансового капитала, США и страны G7 оказывают существенное воздействие на развивающиеся страны. С одной стороны, усиление централизации финансового капитала в мировой экономике способствует росту научно-технического прогресса, повышению производительности и росту инвестиционной

и деловой активности, которые обеспечивают гибкость в привлечении средств и стабильность развития производственных мощностей, а с другой – может привести к ряду негативных последствий, включая монополизацию рынков, обострение социальных проблем и снижение конкурентоспособности стран. Включение стран с развивающейся экономикой (которые страны G7 неявно считают своими колониями) в глобальный рынок означает неизбежность перераспределения финансового капитала в пользу центра – стран-метрополий через механизм Всемирной торговой организации (ВТО) и Международного валютного фонда (МВФ) [10]. Эти так называемые международные институты глобального регулирования международных экономических процессов находятся под полным контролем США и действуют в их интересах.

Национальная безопасность США, согласно стратегии национальной безопасности, может быть гарантирована только при условии мирового лидерства (по сути – господства) этой страны. Несмотря на то что доля США в мировом ВВП составляет менее 20%, их доля в потреблении превышает 40%. Это достигается главным образом благодаря эмиссии долларов ФРС США, которые используются для расчетов на мировом рынке более чем в 60% случаев [11]. Избыточная, бесконтрольная эмиссия доллара позволяет американцам проводить монопольную политику мирового финансового диктата и приобретать большое количество необходимых товаров практически бесплатно, что помогает США накопить огромное национальное богатство за счет ввода в действие высокотехнологичных предприятий, создать передовую науку и сильную армию, на содержание которой в год тратится почти 1 трлн долл. США, – в 20 раз больше, чем в РФ.

Передовая армия США, являющаяся к тому же самой многочисленной, удерживает в страхе почти все страны мира, защищая хищнические экономические интересы и долларовую эмиссию США. Те страны, которые не согласны с долларовой финансовой диктатурой, объявляются врагами США и демократии, и против них начинается либо прямая военная агрессия, либо гибридная война; в них могут также происходить цветные революции. В качестве примеров можно назвать прямую агрессию против Ирака в 2003 г. с целью свержения правительства и убийства президента Саддама Хусейна, организацию гражданской войны в Ливии и убийство ее лидера Муаммара Каддафи в 2011 г. [12]. Указанные политики планировали организовать торговлю нефтью в национальных валютах, но в результате их страны подверглись военным вторжениям, правительства свергнуты, а сами они убиты. Такая же политика ведется по отношению к РФ, КНДР, Белоруссии, Ирану и ряду других стран, не согласных с гегемонией США в мире.

Сценарий цветных революций следующий: лидерами системной и несистемной оппозиции (имеющей секретные связи через посольства и некоммерческие организации со спецслужбами США и других стран G7) организуются массовые протестные акции экономического характера, которые затем трансформируются в политические с требованиями отставки правительства, и протестующие становятся субъектом политического диалога. Боевики оппозиции (провокаторы) начинают стрелять по манифестантам, которые в гневе захватывают правительственные учреждения и свергают властные структуры (создавая хаос и вакуум власти); оппозиция захватывает власть и формирует свое правительство

под контролем американских спецслужб, устанавливая после этого диктатуру внешнего управления, курируемого спецслужбами США. Страна-жертва получает кабальную финансовую помощь в виде долгосрочного кредита в долларах, погасить который практически невозможно, так как это заранее просчитывается в целях финансовой колонизации. Часть кредита присваивается правящей элитой страны-жертвы и переводится на счета американских банков, становясь определенным залогом лояльности к спецслужбам и правительству США. Такие финансовые операции проводятся США и другими странами НАТО с Украиной.

В период пандемии COVID-19 (2019–2021 гг.), когда были остановлены многие предприятия, ФРС США, Центробанк ЕС, Центробанк Китая и банки многих других стран проводили политику смягчения, которая заключалась в эмиссии (фиатных) денег в целях осуществления социальных выплат населению, что привело к наращиванию внешнего долга, в т.ч. России и Монголии (табл. 1).

Из представленных в табл. 1 данных видно, что самый высокий внешний долг по отношению к ВВП у Великобритании – 316%, Монголии – 197,2% (у России – всего 21,5%). Стоит подчеркнуть, что данный показатель относится к индикаторам экономической безопасности, и, если его значение менее 50%, это говорит об устойчивости национальной экономики соответствующей страны. Следует отметить, что совокупный внешний долг всех стран мира составляет 300% к мировому ВВП (244 трлн долл. США, из которых на долю США приходится почти 13%).

Таблица 1

**Сравнение динамики изменения внешнего долга стран мира
в 2019–2021 гг.***

Страны	Внешний долг, млн долл.			Внешний долг на душу населения, долл.	Внешний долг, % к ВВП (номинал)
	на 01.01.2019	на 01.01.2022	Изменение (+/–)		
США	19 765 887	23 370 708	3 604 821	6 908	90,8
Европейский союз	16 742 184	18 146 522	1 404 338	4 047	104,9
Великобритания	8 237 959	9 798 037	1 560 078	14 514	316,1
Германия	5 691 790	6 989 677	1 297 887	8 384	171,1
Австралия	1 680 973	1 863 818	182 844	4 532	108,1
Канада	1 961 324	2 821 369	860 045	7 337	130,5
Япония	4 053 926	4 600 194	546 268	3 711	108,1
Китай	1 982 800	2 746 559	763 759	193	15,4
Индия	521 181	613 149	91 968	43	18,3
Бразилия	559 217	567 547	8 330	264	29,1
Россия	455 073	488 415	33 342	338	21,5
Монголия	28 715	33 806	5 091	995	197,2

* Обязательства нерезидентов перед резидентами соответствующей страны из представленной в таблице суммы не вычтены.

Источник: рассчитано авторами по [13].

За счет средств долга страны выдавали субсидии предприятиям, что ускорило отрыв денег от производных финансовых инструментов (денежных суррогатов). В целом мировая экономика находится в долговом кризисе, который может перерасти в мировую рецессию, и она уже вступила в этап фиатных денег («воздушных» денег, не обеспеченных выпуском товаров). При этом страны, торгующие реальными ресурсами, получают эти «воздушные» деньги, которые теоретически можно использовать для приобретения структурообразующих предприятий, технологий, однако МВФ принял правила, ограничивающие использование таких денег на данные цели. Причем все денежные единицы (в том числе рубль) должны быть обеспечены долларом и евро, и дополнительная эмиссия национальной валюты возможна только при условии увеличения экспортной выручки в долларах и евро, за счет чего США и страны ЕС получают геоэкономическую ренту.

России для предупреждения подобных сценариев необходимо иметь научно обоснованную стратегию социально-экономического развития страны в целом и ее регионов на обозримый период, которая при необходимости должна уточняться. Эту стратегию следует разбить на среднесрочные (три года) и более длительные периоды, для которых на основе программно-проектного подхода определяются источники финансового обеспечения реализации намеченных мероприятий и устанавливаются конкретные показатели их выполнения (показатели экономического роста и уровня доходов, уровня и качества жизни населения).

С учетом того, что доллар и евро не являются полноценным эквивалентом при осуществлении мировой торговли и организации инвестиционной деятельности, Правительству России необходимо провести аудит эффективности международного сотрудничества в аспекте экономической и финансовой безопасности как экспортно-импортных операций, так и инвестиционных объектов, строящихся в других странах. При этом в международной торговле требуется исходить из следующих принципов:

1) приоритетное, обязательное направление ресурсов на внутренние потребности страны (газ, нефть, лес, металл, удобрения, продукты питания и т.д.);

2) проведение государственной экспертизы выгодности для России (в горизонте 50–60 лет) строительства в иностранных государствах наукоемких и инфраструктурных объектов (прежде всего атомных электростанций, гидроэлектростанций, железных дорог, машиностроительных и химических заводов и др.), при этом исключив возможность расчетов за реализуемые проекты потребительскими товарами и плодоовощной продукцией;

3) обеспечение в первоочередном порядке всеми необходимыми ресурсами, в том числе импортными, российской армии и российского военно-морского флота, поскольку именно они являются главными союзниками и гарантами военной, национальной и финансовой безопасности России.

Экономические санкции, принятые странами коллективного Запада, ставят перед Россией новые экстраординарные задачи по проведению новой индустриализации и ускорению импортозамещения. Для этого нужны новые проекты по строительству и модернизации действующих предприятий, значительные инвестиции, которые необходимо изыскать на внутреннем рынке, в том числе за

счет дополнительной эмиссии специальных цифровых инвестиционных фиатных рублей [10]. Требуется создать новые технологические цепочки в машиностроении – в первую очередь это касается запрещенной к импорту в РФ продукции отрасли, включая станки, самолеты, товары микроэлектроники.

Безусловно, еще не проявились в полной мере долгосрочные последствия антироссийского санкционного давления (2022 г.), в т.ч. выразившиеся в отсечении ее от мировой финансовой системы; усложнении внешнеторговых операций; ограничении доступа к цифровым и другим передовым производственным технологиям; прекращении научно-технического сотрудничества [14]. Однако разрыв связей со странами Запада привел к резкому ослаблению «западного вектора» во внешнеэкономической политике России. На практике это выражается прежде всего в изменении маршрутов поставок российских энергоресурсов и других экспортных товаров и услуг [2]. Так, к примеру, санкционные ограничения первой (с 2014 г.) и второй (с 2022 г.) волны повлияли на снижение доли западных стран во внешнеторговом обороте России: их доля снизилась с 70% в 2002 г. до 60% в 2014 г. и до 23% в 2023 г. [15]. В 2023 г., согласно данным ФТС, среди главных торговых партнеров России не осталось западных стран. В пятерку лидеров вошли Китай (240 млрд долл., или 33,8% всего товарооборота), Индия (64,9 млрд долл., или 9,1%), Турция (56,5 млрд долл., или 8,0%), Белоруссия (55 млрд долл., или 7,7%) и Казахстан (26 млрд долл., или 3,7%) [16].

Для России в текущих геополитических обстоятельствах активизация во внешнеэкономической политике «восточного вектора» и освоение новых азиатских финансовых и товарных рынков стали неизбежными. Уже сейчас интенсивнее развивается сотрудничество в различных сферах экономики с Китаем, Индией, Монголией, Вьетнамом и другими азиатскими и ближневосточными странами, в том числе в рамках интеграционных объединений (АСЕАН, ЕАЭС, ШОС) с целью формирования «широкого интеграционного контура – Большого евразийского партнерства».

В соответствии с новой Концепцией внешней политики России [5] *монгольский вектор* как региональное направление внешнеэкономической политики учитывает Монголию в качестве сопредельного государства (ближнее зарубежье) и государства, расположенного на евразийском континенте. Экономические и политические взаимоотношения между Россией и Монголией всегда строились и в будущем должны продолжаться на взаимовыгодной, эквивалентной и долгосрочной основе. Однако Россия недооценивала российско-монгольское партнерство в экономической сфере вплоть до 2016 г., когда Госкорпорацией «Ростех» была осуществлена сделка по продаже 49% доли в совместных горнодобывающих предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет». Сокращение присутствия российского капитала фактически обнулило прежние тесные связи. На данный момент одним из значимых активов, формирующим потенциал экономического влияния России на Монголию, являются активы РЖД, благодаря которым российское правительство на современном этапе развития отношений с Монголией сделало ставку на реализацию транспортных и транзитных инфраструктурных проектов, но с подключением Китая, который эти проекты встраивает в свою сухопутную инициативу «Один пояс, один путь» (2013 г.).

Поскольку Монголия расположена между Россией и Китаем, для монгольского вектора российской внешнеэкономической политики в последние годы приоритетными направлениями стали реализация крупных совместных экономических (промышленных, энергетических и др.) и транспортных проектов, а также кооперация в рамках интеграционных объединений (АСЕАН, ЕАЭС, ШОС) в треугольнике Россия–Монголия–Китай. Вместе с тем России при реализации государственной политики в области укрепления экономической безопасности стоит учитывать ряд рисков. Активизация совместных проектов в треугольнике Россия–Монголия–Китай, с одной стороны, способствует укреплению экономической безопасности как России, так и Монголии, а с другой – в российско-монгольских экономических отношениях значительно усиливается китайский фактор.

По уровню экономического влияния на Монголию Китай значительно превосходит не только Россию, но и западных и восточных партнеров. Сейчас двусторонний формат российско-монгольского экономического сотрудничества несопоставим с размерами китайско-монгольского экономического сотрудничества. Так, к примеру, доля России во внешней торговле, составлявшая 78,2% в 1990 г., сократилась до 10,23% к 2024 г., доля Китая выросла с 2,3% в 1990 г. до 72,49% в 2023 г. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика внешнеторгового оборота Монголии, в %

Страны / Год	1990	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Китай	2,3	36,44	56,36	62,60	57,50	63,15	66,53	72,49
Россия	78,2	19,86	18,49	12,97	11,32	12,86	12,73	10,23
США	0,0	8,46	2,70	1,60	1,99	1,52	1,30	1,30
ЕС	0,0	7,06	5,81	4,90	4,48	4,78	4,53	3,90
Япония	0,0	4,58	4,57	4,15	3,60	3,52	3,61	3,39
Республика Корея	0,1	5,75	3,48	3,84	2,00	3,31	2,60	2,22
...								
Всего	100,0							

Источник: рассчитано авторами по данным [17].

В настоящее время важным принципом внешней политики Монголии является многовекторность и отказ от участия в любых военно-политических блоках [18, 19]. Вместе с тем, согласно пословице «Старый друг лучше новых двух», время многовекторного сотрудничества заканчивается. В новых геополитических условиях настало время Монголии определиться и выбрать сторону: либо присоединиться к большинству стран, которые не проводят колониальной политики, либо занять враждебную по отношению к ним позицию и присоединиться к Западу.

Важно отметить, что распад СССР, который был основным ее экономическим партнером-донором, прекращение деятельности СЭВ, членом которой она являлась, и экономическая глобализация очень сильно повлияли на внешнюю политику

Монголии, внесли изменения во внешнеэкономическую деятельность страны: стала активно развиваться стратегия поиска «третьего соседа», в рамках которой в настоящее время США, ЕС, Япония, Южная Корея и другие страны расширили свое присутствие в стране и влияние на монгольскую экономику [20, 21]. В результате экономика Монголии стала очень сильно зависима от иностранных инвестиций, в т. ч. от предоставляемой международными финансовыми институтами развития безвозмездной помощи и льготных кредитов через разные механизмы (см. табл. 1, табл. 3).

Таблица 3

Основные макроэкономические показатели Монголии (2018–2022 гг.)

Показатель	2018 г.	2022 г.	Изменение (+/–)
ВВП, млрд долл.	13,2	17,1	3,9
Темпы роста ВВП, %	7,7	6,1	–1,6
Рост ВВП (% год)	7,7	5,0	–2,7
ВВП на душу населения, долл.	4165,0	5046,0	881,0
Внешний долг, млрд долл.	29,8	33,8	4,0
Отношение внешнего долга к экспорту, %	375,5	297,9	–77,6
Отношение внешнего долга к ВДН, %	249,6	224,1	–25,5
Экспорт, млрд долл.	7,0	12,6	5,5
Импорт, млрд долл.	6,1	8,7	2,6
Уровень инфляции за год, %	6,8	10,0	3,2

Источник: рассчитано авторами по данным [22].

Монголия, занимающая в Азии уникальное положение и входящая по запасам природных ресурсов в первую десятку стран мира, стала площадкой, где в условиях нарушения глобальных цепочек поставок развернулась жесткая конкурентная борьба между ТНК: англо-австралийской «Rio Tinto», американской «Peabody Energy», канадской «ION Energy», китайскими «Chalco», «Shenhua», французскими «BRGM», «Orano», японскими «Itochu», «Mitsui», «Mitsubishi», «Sumitomo», «Marubeni».

* * *

На этом фоне России фактически приходится возобновлять сотрудничество с Монголией в условиях конкуренции с Китаем, США, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими развитыми странами мира и без учета прежних достижений. В текущей ситуации внешнеэкономические интересы России в Монголии в основном сосредоточены на экономических и инфраструктурных проектах в треугольнике Россия–Монголия–Китай и усиливают китайский фактор, что может в будущем привести к новым рискам для экономической безопасности страны.

Литература

1. К великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2012. URL: <https://ru.valdaiclub.com> (дата обращения: 22.08.2024).
2. Лагутина М.Л., Лапенко М.В. Поворот на Восток в контексте внешней политики России: история и современность // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 23–37. URL: <https://doi.org10.18101/2949-1657-2023-1-23-37>.
3. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029. URL: <https://doi.org10.17059/2017-4-4>.
4. Шпангер Ханс-Йоахим. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути. Валдайские записки // Россия в глобальной политике. 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-rossii-na-vostok-povorot-kitaya-na-zarad-vzaimodejstvie-i-konfliktu-na-shyolkovom-puti/> (дата обращения: 22.08.2024).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 22.08.2024).
6. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67. № 4. С. 5–16. URL: <https://doi.org10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>.
7. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Издательство «БОСЛЕН», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/books/k-velikomou-oceanu-sbornik/> (дата обращения: 22.08.2024).
8. Багдасарян В. Поражение сознания. Теория и практика ментальных войн // Завтра.ру.31.12.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/porazhenie_soznaniya (дата обращения: 22.08.2024); Золотарев А. Ю. Теория «пяти колец» Джона Уордена и бесконтактные современные войны. 2017. Войны и революции в новейшей истории России: труды Международной научной конференции. С. 47–52.
9. Самаруха В.И. К вопросу национальной, экономической и финансовой безопасности Российской Федерации / в сборнике: Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе. Материалы 5-й международной научно-практической конференции. Иркутск. 2023. С. 522–531.
10. Самаруха В.И., Самаруха А.В., Сорокина Т.В. Роль финансов в обеспечении экономической безопасности России в условиях геополитической трансформации мировой экономики // Известия Байкальского государственного университета. 2022. № 3(32). С. 474–484. URL: [https://doi.org10.17150/2500-2759.2022.32\(3\).474-484](https://doi.org10.17150/2500-2759.2022.32(3).474-484).
11. Самаруха В.И., Самаруха А.В. К вопросу о необходимости усиления роли государства в условиях новой геополитической реальности с целью обеспечения национальной безопасности / В сборнике: Российская экономика: на пути структурной трансформации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С.А. Самусенко, отв. за выпуск А.В. Ревкуц. Красноярск. 2023. С. 54–55.
12. Мартынов С.А. Инновационная экономика. Дорожная карта. 2040. М.: Прометей. 2013. 404 с.
13. Внешний долг по странам // CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/external-debt> (дата обращения: 22.08.2024).
14. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН. 2023. 132 с.
15. Долгосрочные сценарии развития российской экономики // ВЭБ.РФ. 2024 (апрель). URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2024_04/Dolgosrochnye_scenarii_razvitiya_rossijskou_ekonomiki.pdf (дата обращения: 22.08.2024).
16. Китай, Индия и Турция стали главными торговыми партнерами России в 2023 году // Известия. 2024. URL: <https://iz.ru/1678604/2024-04-08/kitai-indiia-i-turtciia-stali-glavnymi-torgovymi-partnerami-rossii-v-2023-godu> (дата обращения: 22.08.2024).

17. Mongolian Statistical Information Service // National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://www.1212.mn/mn> (дата обращения: 22.08.2024).
18. Концепция внешней политики Монголии [Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал] / Сайт Единой правовой информационной системы. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (дата обращения: 22.08.2024).
19. Концепция национальной безопасности Монголии [Монгол Улсын Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал] // Төрийн мэдээлэл: информ. бюл. 1994. 30 июня. № 9. С. 781.
20. Политика третьего соседа / Сайт Министерства иностранных дел. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=16273 (дата обращения: 22.08.2024).
21. *Тунлага*. Факторы формирования внешней политики Монголии (1991–2017 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. 2021. № 2 (97). С. 51–61.
22. Открытые данные Всемирного банка. Монголия / Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/?locations=MN> (дата обращения: 22.08.2024).

Victor Samaruha (e-mail: Oksalsam@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Professor of the Department of World Economy and Economic Security,
Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)

Alexey Samaruha (e-mail: Samarukha_alex@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Acting Head of the Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship,
Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)

Valentina Dorzhieva (e-mail: vdorzhieva@inecon.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Head of the Center for Innovative Economics and Industrial Policy,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

NEW REALITIES OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA

The article examines the development of the Mongolian vector of foreign economic policy, the strategy of Russia's turn to the East, within which it seeks global multipolarity and a reduction in opportunities for U.S. domination. In Russia's confrontation with the United States and its allies after the reunification of Crimea in 2014 and especially after the start of the Russian Special military operation in February 2022 of particular importance is the development of Russian-Mongolian economic and political cooperation in the Russia-Mongolia-China triangle and in regional associations (EAEU, SCO, ASEAN, etc.).

The article shows that Mongolia, which sticks to political neutrality, is actively developing economic ties with both neighboring countries – Russia and China – and (within the framework of the “third neighbor” concept) with the United States, the EU, Japan, South Korea and other developed countries, in competition with which Russia now has to renew the economic partnership with Mongolia once lost after the collapse of the USSR. The result of the study is the conclusion that currently Russia's foreign economic

interests in Mongolia are mainly built on the economic and infrastructure projects of the Chinese Initiative “One Belt, One Road”, thereby strengthening the Chinese factor in the bilateral Russian-Mongolian economic partnership, which in the future may lead to new risks to national economic security.

Keywords: Russian foreign policy, “turn to the East”, foreign economic policy, Russian-Mongolian economic cooperation, foreign trade, Mongolia.

DOI: 10.31857/S0207367624070101, **EDN:** AZNIMT

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться сведения об авторе (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса. Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «Мои публикации» станет активной кнопка «Добавление публикации», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Сохранить и отправить».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. На электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/>;
2. Через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати xx.xx.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.xx.2024 г.
Тираж 150 экз. Зак. 14/7а. Цена свободная
70'1001/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.